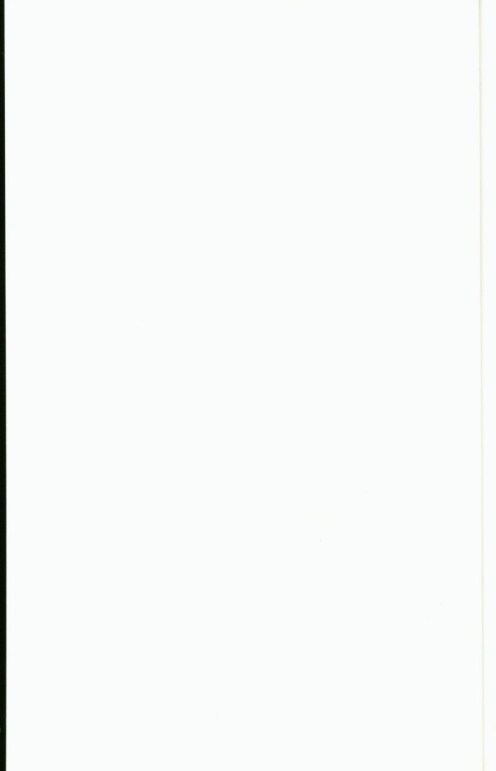

С
В
О
Б
О
Д
Н
Ы
Й
К
А
З
А
К

Виктор
Клименко

ВИКТОР
КЛИМЕНКО

СВОБОДНЫЙ КАЗАК

Seattle • Washington • USA

К ЧИТАТЕЛЮ.

Я благодарен Биргеру Тхурсону за то, что он написал эту книгу. Сам я никогда не смог бы это сделать. Но он согласился писать ее при условии, что я не буду стеснять его писательской свободы. Я не возражал. По этому поводу хочу сделать несколько замечаний.

Моя сравнительно короткая жизнь (45 лет) была пестра и многообразна. Если бы все ее события включить в эту книгу, то она была бы вдвое толще. Но цель писателя была дать сжатое, но ясное описание потока моей жизни, ее направление и цель. Многие события вообще упущены, другие описаны кратко, а некоторые обобщены. Автор не придерживался строгой хронологической последовательности. Некоторые имена изменены. Тем не менее, книга эта документальна, хотя и не стремится к детальному описанию фактов, как в историческом документе.

Некоторые места этой книги кажутся мне схематичными - на бумаге не всегда удается передать глубину жизненных переживаний. Иногда то, что в жизни переживал очень тяжело, на страницах книги выглядит легким, даже легкомысленным. Но есть страницы, над которыми я плакал, вспоминая прошлое, а читатель, может быть, не заметил там ничего особенного.

Признаюсь откровенно, что читая эту рукопись, я сам был очень смущен. Никогда раньше я не думал о своей жизни во всей ее целостности. Я осознавал ее как бы урывками. Она была как река, в которой я плескался, не зная, куда направит меня ее течение. Было так удивительно заметить, что неведомым для меня образом какая-то великая сила руководила мной с самого дня моего рождения. То, что кажется нам случайным, всегда имеет определенный смысл.

И сегодня я понимаю, что у Бога есть свой план для каждого человека. Для каждого, без исключений. Но планы Бога не могут исполниться в жизни тех, кто не принял Бога. Только теперь я понял, каким поразительно пророческим был путь моей жизни. Я верю, что последняя страница ее еще не написана. Поэтому я прошу тебя, дорогой читатель, читай эту книгу с молитвой. Может быть, Господь хочет и тебе что-то сказать через нее.

В нашей жизни нет случайностей, но в ней есть много сюрпризов.

С благодарностью

Виктор Клименко.

ГЛАВА 1

Маленькое тело горело и судороги скручивали его, приступ следовал за приступом. Смерть и жизнь боролись в тельце трехлетнего малютки. Савва Клименко нежно держал дитя своими сильными руками. Он ходил взад и вперед по комнате и просил Бога, чтобы Он сохранил жизнь его сыну. "Исцели Виктора!" - взывал он. - "Боже, исцели! Исцели!"

Но казалось, что его слова застревали в пересохшем горле: он молился хриплым шепотом. Жена Саввы, обессиленная в борьбе за жизнь умирающего сына, в изнеможении бросилась на постель.

Савва Клименко был еще молод, ему было едва за тридцать, но в своей жизни он уже не раз видел смерть в лицо. Многие из его родственников погибли, и он не мог им помочь. И вот теперь он держит на руках умирающего сына.

"Господи, помоги!"

Тельце ребенка напряглось, а потом осело и замерло. А Савва продолжал ходить поскрипучим доскам пола, как бы в последней надежде. За окном была еще густая ночная тьма, только тикающие часы и звук шагов нарушали тишину, да слышался шепот молитвы: "Боже мой, будь милостив к нам!"

Савва Клименко был казак. Он родился и рос на Украине, а потом жил на берегу реки Кубань, почти на границе с Грузией. Казаки той местности славились своими конями и искусством в верховой езде. Они были лихими наездниками. Жили они привольно - возделывали землю, любили петь, танцевать и крепко хранили казацкую волюницу.

В детстве Савва слышал рассказы старших о тех днях, когда казаки были еще рыболовами, охотниками и разбойниками. Раньше они жили на берегах Днепра, куда убегали недовольные татары и русские крестьяне от жестокого правления польских шляхтичей*. Казаки жили в опасных местах, где никто другой не селился. Они избирали атаманов и больше никому не подчинялись. У них были свои воинские подразделения, свои воинские звания и по договору с царской властью они охраняли границы государства. Необыкновенное искусство их наездников и отчаянная смелость сделали казаков прославленными воинами царской армии.

Кубанские казаки крепко берегли старинный уклад жизни и трудились на своей плодородной земле.

Семья Клименко жила недалеко от Краснодара: Савва не хотел работать в поле с отцом и братьями; он пошел учеником к кузнецу и скоро стал мастером своего дела.

Когда революция всколыхнула Россию, казаки поддержали Советскую власть, но хотели сохранить свою самостоятельность и вековые традиции. И тогда началось известное в истории "рассказывание". Часть казаков, служившая в армии, стала на сторону революции, а часть - на сторону белых**. Постепенно коммунистическая система с ее колхозами пришла и на Кубань. Началось тяжелое время и для казаков. Земля

пострадала от войны, и новая система принесла новые проблемы. Настал голод. Отец Саввы и его три брата умерли от голода. Савва остался единственным мужчиной в семье.

В начале 30-х годов народ тех мест был насильно выселен. Молодой кузнец Савва Клименко вместе с младшей сестрой оказался в Карелии, в Медвежке (теперь это город Медвежьегорск). Там, как кузнец, он зарабатывал себе на жизнь. Там он женился на Ольге Гловой.

Потом пришла война. Соседняя Финляндия была в союзе с Германией: фронт надвигался и началась эвакуация из Медвежки. Только десять человек остались в городе, среди них Ольга и Савва Клименко, которые работали на городской электростанции. Они должны были уйти из города вместе с остатками Советской Армии. Но в ночь на 6 декабря 1941 года финская армия перешла в наступление и оставшихся граждан выселили в лагерь возле городка Световалка.

И вот в эти тяжелые и сложные дни Савва Клименко окончательно отдал свое сердце Богу, Которому он и раньше доверял. Решение это пришло как-то просто естественно. Родители Саввы были хорошие люди и ревностные православные. Савва с детства ходил в церковь, и ему было хорошо среди икон и мерцающих свечей. Во всех трудностях Савва видел руку Божию, вера его укреплялась.

Виктор родился 24 ноября 1942 года в лагере, он был вторым ребенком в семье. Савва Клименко никогда не мог забыть ту ночь. Роды были трудными. Акушерка дала Савве понять, чтобы он готовился к худшему: смерть угрожает и матери, и ребенку, готовому появиться на свет.

Савва боролся тем единственным способом, который знал: стоя на коленях, он призывал помощь Божию. Через тонкую стену он слышал мучительные крики жены, и они, как нож, вошлись в его сердце.

Молитвы были услышаны. Когда утро рассветало над Карелией, Савва мог утешить свою жену и взять на руки младенца, мальчика. Его назвали Виктором.

... Но теперь смерть пришла снова, как будто чтобы отомстить. В лице мальчика уже не было ни кровинки. Кузнец плакал, прижимая лицо к одеялу, в которое был завернут ребенок. Вдруг он совсем перестал шевелиться. Савва приложил ухо к его грудке, чтобы проверить, бьется ли сердце. Сердце не билось. Пульса не было. Мальчик умер.

* Южные и Западные губернии царской России включали в себя территории Польши и Крымского ханства. - Прим. ред.

** Об отношениях казачества с советской властью в период революции и гражданской войны см. Р. Медведев, С. Стариков. Жизнь и смерть командарма Миронова / документальное повествование / Журнал "Подъем" № 4-5 за 1989 год. Е. Лосев. Трижды приговоренный / о Ф. К. Миронове / Журнал "Москва" № 2 за 1989 год. Альберт Юсский. Он восстал против насилия / документы о трагедии командарма 2-ой Конной / Журнал "Огонек" № 17, апрель 1989 года. (Судьба большей части казачества после революции связана с именем Ф. К. Миронова и его 2-ой Конной армии. Указанные публикации относятся к донскому казачеству, но это немного, что можно прочесть сейчас о судьбе казачества). - Прим. ред.

“Прощай, Виктор! - прошептал кузнец сквозь слезы, нежно глядя головку ребенка. - Мы увидимся в небе, у Иисуса”.

Внезапно он почувствовал, что сердце малютки забилося и в то же мгновение увидел, будто небесный свет осветил всю комнату. Благодарность наполнила сердце кузнеца, теперь он плакал от умиления перед милостью Божией.

Своими сильными руками Савва поднял мальчика вверх, к потолку, и произнес: “Благодарю тебя, Господи! Я отдаю его Тебе обратно! Благослови его, и я прошу, чтобы Ты сделал из него Своего служителя!”

Когда финны в 1944 году отходили из восточной Карелии, Клименко со своей семьей переехал за старую границу, которая была до советско-финляндской войны*. Они остановились в Похянмаа, а потом переехали в Лохья. Там Ольга Клименко родила еще двух мальчиков, Петра и Владимира.

ГЛАВА 2

Вот первые впечатления детства. Отец рассказывал о Боге и брал сына с собой на собрания, где проповедывали об Иисусе, пели и молились. Савва Клименко работал кузнецом в ремонтной мастерской цементной фабрики в Лохья, и об этой фабрике он тоже рассказывал сыну. Виктор знал, что жилье они имеют от фабрики и еще у нее есть ремесленное училище, баня, и что почти все люди, которых он видел вокруг, работали на этой фабрике.

Виктор запомнил свою мать тихой и спокойной женщиной с длинными красивыми темными волосами и смуглым лицом. Она так никогда и не научилась хорошо говорить по-фински, и почти никуда не выходила. Но и дома дел было много - семья большая, жизнь трудная. Несмотря на это, она умело вела и устроила дом, и дети любили ее. Впятером семья жила в маленькой комнатке при кухне, где стояла плита, отапливаемая дровами, вокруг которой была сосредоточена домашняя жизнь. Когда родился Владимир, семья переехала в другую квартиру, из двух комнат. И тут плита была центром всего. Воду приносили из колонки, а уборная находилась в конце двора.

Фабрика производила известь и цемент. Во всех рабочих семьях было много детей, и первыми друзьями Виктора были дети фабричных рабочих. Когда семья Клименко переехала в Вирккала, недалеко от Лохья, случилось, что ученики ремесленной школы зазывали Виктора и его младшего брата за поленицы дров и просили говорить по-русски. За это им давали конфеты. Финляндия только недавно воевала с Советским Союзом, и мальчики постарше хотели слышать язык врага.

* М. И. Се м и р я г а, доктор исторических наук “Незнаменитая война” (размышления историка о советско-финляндской войне 1939-1940 годов). Журнал “Огонек” # 22, май 1989 года. - Прим. ред.

Бывало и по-другому - Виктора и его старшего брата Александра обзывали браинными словами и угрожали даже побить именно за то, что они были русские. Но постепенно мальчики научились хорошо говорить по-фински и перестали отличаться от своих сверстников.

Раз в неделю рабочие фабрики ходили в баню. Это было событие. Женщины мылись в пятницу, мужчины - в субботу. Баня была большая, с парилкой. Маленький мальчик попадал в непривычную обстановку: баня для рабочих служила местом общения, отдыха и развлечения. Мужчины брали с собой пиво и вино. Они сидели в бане долго, захмелев, говорили грубые и неприличные вещи. Хотя отец в таких разговорах не участвовал, но он не мог сделать так, чтобы ребенок ничего не слышал. Запомнилось Виктору, как мужчины соперничали в том, кто дольше просидит на верхней полке в самом горячем пару. Никто не мог победить одного водителя грузовика по имени Каяиси, здорового парня, у которого тело было покрыто черными волосами. Соперничество это иногда доходило до того, что из бани выходили, почти теряя сознание.

Виктор любил мыться в бане. Но самый лучший момент наставал тогда, когда отец закутывал его в свою старую черкеску и через зимний холод переносил домой к теплой плите. Сидя на руках отца, Виктор смотрел на темное небо и мерцающие звезды. Семья садилась за стол, и мать разливала из самовара кипяток, в который добавляли сироп. Потом Виктор засыпал, сон приходил как бы издалека, тихо и приятно, голоса папы и мамы поемногу удалялись, и он, незаметно для себя, погружался в объятия сладкого сна.

В соседней квартире жила семья Рантала. Он был алкоголик, часто избивал жену и детей. Треск ломающейся мебели, грязная брань, крики жены и испуганных детей доносились и в квартиру Клименко. Однажды они вынуждены были даже вызвать полицию, чтобы успокоить разбушевавшегося пьяницу.

Другой соседкой была пожилая женщина, которая зарабатывала себе на пропитание продажей лимонада и сахарных пончиков. Все дети очень любили тетю Сундман.

Дети Саввы Клименко никогда не ходили голодными и были всегда чисто одеты. Чисто, насколько могла позаботиться мать, выпуская мальчишек из дома. Виктор любил играть в футбол, лазить на деревья и прятаться между поленищами дров, играя со сверстниками.

С детства он понимал, что в доме была постоянная нужда и что деньги надо уметь тратить по-хозяйски, чтобы сводить концы с концами. Допоздна сидела мать за своей швейной машинкой "Тиккаоски". Название это было написано на ней красивыми золотыми буквами. Когда мать нажимала педали, Виктору казалось, что ремень пел. Одеть четверых мальчушек, чтобы они выглядели аккуратно и прилично, было не так-то просто. Но Ольге это удавалось.

Чтобы иметь дополнение к своей маленькой зарплате, отец делал бумажные занавески. Он сгибал узкие полосы разноцветной бумаги и

скалывал их в определенных местах. Когда бумажки раскрывались, получалась красивая узорчатая занавеска. А потом старшие мальчики продавали их.

У Саввы Клименко были искусные руки. Он не только был мастером в кузнечном ремесле и умел делать занавески. Он изготовлял разные инструменты и сам шил обувь всем четырем сыновьям.

Нужда заставляла быть предприимчивым. Виктор вспоминал, как однажды зимой он слепил из снега большого слона, на спину его поставил пустой ящик, и стоял поодаль, любуясь своей работой. Тут подбежал маленький мальчик и спросил, можно ли ему покататься. Виктор приподнял его и посадил в ящик. В восторге мальчик закричал: "Едем! Едем! Берегитесь слона!" На крик сбегались малыши и скоро выстроилась целая очередь желающих покататься на спине снежного слона. Тогда Виктор сказал: "Поездка стоит денег; три минуты - одна копейка". Дети потоптались вокруг слона, а потом разбежались по домам, чтобы выпросить денег у родителей.

В этот вечер Виктор понял важный торговый принцип: из маленьких сумм могут вырасти большие деньги, если таких сумм будет много. Когда находится много покупателей, то и небольшая цена может принести хороший доход.

В конце этого дня Виктор имел достаточно денег, чтобы пойти в кино посмотреть "Тарзана".

Жизнь детей была полна своими заботами - летом одними, зимой - другими. Зимой ходили на лыжах. В лесу, недалеко от фабрики, мальчишки построили трамплины. Более смелым, которые не боялись набирать скорость, удавалось лететь на лыжах несколько метров, иногда даже залетали за трамплины и гораздо больше боялись сломать лыжи, чем ушибиться. Конечно, лыжи можно было починить, но это, конечно, уже не то, что целые лыжи.

Озеро замерзало рано, и поздней осенью дети спешили на чистый лед, пока зима не запорошила его снегом. Виктор вместе со старшим братом Александром сделали себе коньки. Сначала вырезали деревянные подошвы по размеру ног, потом просверлили дырки для ремней, выдолбили желобок и вставили в него кусок старой пилы зубьями внутрь. Какое наслаждение скользить на коньках по широкой ледяной глади! Иногда играли в хоккей, Виктор сделал себе клюшку из согнутого березового сука.

Самым веселым весенним событием для детей, было, как ни странно, резание свиней. Фабрика имела большой хлев, где рабочим разрешали держать скотину. Некоторые имели кур, но большинство предпочитало свиней - из них можно было заготовить сало и мясо на всю зиму. Убой свиней происходил весной. Детям не разрешали присутствовать при этом. Свиней убивали в хлеву, а дети и подростки стояли на улице и прислушивались к звукам, доносившимся изнутри. Забитую свинью мужчины вытаскивали из хлева и сразу перерезали ей горло. Женщины

собирали кровь в сосуд и быстро перемешивали со снегом, шерсть отпаривали кипятком и большими ножами соскабливали со шкуры. Затем свинью вешали головой вниз и острым ножом вспарывали ей брюхо. Внутренности падали на землю и от них поднимался теплый пар.

Дети любили этот кровавый спектакль. Как только внутренности свиньи были вынуты, между ними начиналась борьба за мочевой пузырь. Из него можно было сделать много интересного. Если его хорошо вымыть теплой водой, а потом надуть, то на нем можно играть как на барабане. А если наполнить его водой, завязать и бросить со второго этажа, то он разрывался как бомба.

Виктор больше всего любил лето. Не надо было ходить в школу, можно было играть в футбол, ходить в лес, а главное - купаться в озере. Мальчишки строили плоты из тростника и заплывали на них гораздо дальше, чем им разрешали родители.

Один из подростков, сосед Клименко, устроился работать; он важно называл себя представителем фирмы, которая продавала радиоприемники. Семья Клименко заинтересовалась предложением. Старшие мальчики, Александр и Виктор, хотели купить приемник, чтобы следить за спортивными состязаниями. Мать ничего не говорила. Но, к удивлению всех, отец решил приобрести приемник. Человек верующий, богобоязненный, он не поощрял мирские интересы детей, но и не запрещал особо, понимая, что запретами мало чего можно добиться. Опробовав несколько радиоаппаратов, они решили купить приемник марки "АСА": приемник был вставлен в красивый корпус из орехового дерева.

Вскоре Виктор узнал, почему отец захотел приобрести приемник. Однажды вечером его разбудил тихий голос. Он увидел отца, склонившегося над приемником. В комнате было темно и лицо отца освещалось маленьким огоньком, горевшим в приемнике. Он осторожно двигал стрелку, и вдруг Виктор услышал духовное пение. Приподнявшись с постели, он спросил: - "Папа, что ты делаешь?" - Савва повернулся к сыну.

- Тсс... Не разбуди других. Я ловлю христианскую программу на русском языке.

- Посреди ночи?

- Такое время передачи. Да сейчас еще нет двенадцати.

Звук пения замолк и послышалась русская речь.

- Это "ИБРА" - радиопередает христианскую программу на русском языке - пояснил отец.

- Даже до России?

- Да, но помолчи, я хочу послушать.

Виктор залез обратно под одеяло и тут же заснул.

С детства Виктор часто ходил с отцом на богослужения в пятидесятническую церковь. У него рано возникли свои, личные отношения с Богом. Уже с детства, где-то глубоко внутри, он знал, что будет служить Богу, хотя отец не рассказывал ему о том, что произошло.

когда ему было три года*. Лет в десять-одиннадцать Виктор даже хотел принять водное крещение. К тому времени Господь уже крестил его Духом Святым. В той церкви было принято преподавать водное крещение после духовного, не ограничивая людей возрастом. Водно из воскресений Виктор стоял на берегу озера Лохья и смотрел, как другие принимают крещение.

Он чувствовал, что Бог зовет и его, но он торговался с Богом: "Нет, еще не сейчас", потому что у него было много интересов в мире, мир влек его. Однако то, что Виктор испытал, стоя на берегу, запомнилось. Позже он ясно понял, что на призыв Господа ответил "нет" и был непослушен. Виктор никому не сказал о том, что происходило в его сердце там, на берегу, и отец не понял, почему сын не захотел принять крещение.

Жизнь, между тем, шла своим чередом... Летом две девушки из Армии Спасения** устраивали собрания для детей и подростков прямо во дворах. Они играли на гитаре и пели духовные песни. Одна из них научила Виктора некоторым начальным приемам игры на гитаре. Он был очень рад, что мог начать упражняться на гитаре, которую сам сделал на уроках труда.

Иногда из Хельсинки приезжал брат Маер и проводил собрания в доме Клименко на русском языке. Он играл на мандолине, которая казалась немного расстроенной, и мог петь двумя голосами, правда, он никогда не знал, каким голосом будет петь. Виктор не понимал, почему такие тонкости беспокоили его; в то же время он полюбил живую игру на мандолине.

На собрания в дом Клименко приходило много русских знакомых семей, а также и финны, говорившие по-русски. Для Ольги Клименко эти собрания были очень дороги - она могла слышать родную речь и иметь общение помимо своей семьи.

Маер проповедывал так же горячо, как и играл на мандолине. Начинал он спокойно, но постепенно вдохновение охватывало его настолько, что он говорил быстро и так громко, что переходил на крик.

Потом сидели у костра и рассуждали о том, кем они будут, когда вырастут. Затем забрались в свои спальные мешки, но все еще строили планы на будущее, и так незаметно уснули.

* Когда Виктор уверовал, уже будучи известным артистом, журналисты взяли интервью у его отца. Из этого-то интервью он узнал, что произошло, когда ему было три года. Только тогда он смог объяснить себе чувство, которое было у него с детства. - Прим. ред.

** Армия Спасения - Евангельская организация, возникшая в 1878 году на почве методизма и разделяющая его учение. Главной цитаделью Армии Спасения являются США, а филиалы ее - почти во всех странах мира. Эта организация занимается проповедью Евангелия, особенно среди бедных слоев населения, а также благотворительной деятельностью - Прим. ред.

ГЛАВА 3

Это путешествие очень сблизило братьев, и Виктор никогда не мог забыть это лето. Но такие дни, когда можно было играть и путешествовать были не часты в детские и юношеские годы Виктора. Довольно рано ему пришлось браться за работу, чтобы делать свой вклад в общий семейный бюджет. Недалеко от Лохья жил один земледелец, знакомый Саввы Климченко, и Виктор работал у него летом. Там было достаточно дел для крепкого работающего парня. А Виктору нравилось работать на воздухе. Ему не было еще тринадцати лет, а земледелец доверил Виктору пилить и колоть дрова. Он распиливал их на части, а потом колол на метровые полена, и складывал в штабеля сушиться на солнце. Работа была хорошая, - платили сдельно, за количество сложенных кубометров.

В то лето Виктор хотел усиленно поработать несколько недель в начале канкула, чтобы осталось больше свободного времени, когда вода потеплеет. Савва сделал своему сыну хорошо заточенный большой топор. Одного сильного удара было достаточно, чтобы срубить молодую березку. В то раннее утро Виктор пошел в лес со своим новым топором. В рюкзаке была бутылка молока и приготовленный матерью завтрак. Он весело шел по полю, к лесу, и насвистывал, прислушиваясь к голосам птиц, залывавшихся каждая на свой лад. Он размахивал топором, стараясь подсесть высокую траву, но она только пригибалась, а затем снова вставала. "Если я поднажму и хорошо поработаю, - думал Виктор, - я успею искупаться". Войдя в лес, он положил свой рюкзак в тени под большой елью. Мечтая о купании, он начал работать. Руки двигались ловко, топор рубил деревья легко. Виктор валил деревья, пилил, укладывал в штабеля и мерил, подсчитывая, сколько он уже заработал. И когда все шло так хорошо, случилось несчастье. Довольно толстая березка не поддалась от удара топора, но топор отскочил от ствола и ударил по колену молодого лесоруба. Холодный паралич как бы сковал все его тело. Виктор с ужасом посмотрел на порез, который возник на штанине. Он осторожно раздвинул ткань и увидел на колене большую рану. Кровь текла все сильнее. Виктор побежал к ближайшему жилищу, видневшемуся на краю леса, метрах в трехстах. Превозмогая боль, он доковылял до первого дома и без стука ввалился в него. Пожилая хозяйка, перестав мыть посуду, удивленно взглянула на бледного мальчика, который опустился на скамейку у двери со стоном: "О, моя нога! Я разрубил ногу топором..."

- Боже мой, что он говорит!? - женщина поспешно вытерла руки о передник, подошла, подвернула его штанину и обследовала рану.

- Ой, ой, бедный мальчик! Что ты себе сделал! Ой, ой, надо скорее везти тебя в больницу!

Виктор молчал. Он крепко сжал зубы, чтобы не заплакать. Нога болела все сильнее. Женщина, взяв полотенце, перетянула ногу, чтобы остановить кровь.

- Теперь ляг сюда и жди, а я пойду посмотрю грузовик, он должен

быть здесь через несколько минут, - успокаивала она его. Виктор подошел к дивану и послушно лег. Услышав, что дверь закрылась за женщиной, он помолился Богу, чтобы ему не умереть.

Грузовик пришел, и Виктор, хромая, подошел и сел в кабину рядом с шофером. Шофер отвез Виктора в больницу. Было только девять часов утра, и доктор еще не пришел. Сестры милосердия оказали Виктору первую помощь и положили его на носилки с колесами. Он лежал, чувствуя, будто сердце бьется в ране, видя, что повязка становилась все красивее и красивее от крови. Сестры двигались вокруг, занимаясь своими делами и не обращали на него внимания. Виктор уже начал страшиться, что он умрет раньше, чем придет доктор. Он слышал, как в приемную начали приходить больные: они двигали стульями, шуршали газетами и тихо рассказывали друг другу о своих болезнях.

Потом пришел доктор. Он сразу же подошел к Виктору и занялся его раной. Это вызвало у всех интерес, люди заглядывали в коридор. И надо же так случиться, что Ольга Клименко тоже пришла в то утро в больницу; вместе с другими она вышла в коридор посмотреть, что там случилось. Можно представить себе ее потрясение, когда она увидела своего сына, лежащего на носилках. Но она быстро овладела собой и подошла к носилкам.

Виктор изумился, увидев мать в больнице и на минутку даже забыл свое несчастье.

Доктор старался успокоить растерявшуюся мать.

- У мальчика довольно большая рана на колене, но это не опасно, господа.

Выслушав всех любопытных, он обследовал рану и с большим вниманием выслушал рассказ Виктора о том, как это случилось.

- Я не понимаю, как ты мог бежать, - с сомнением сказал врач.

Больше он ничего не сказал и ловко взялся за дело. Колено болело так, что в глазах темнело; рану зашили и Виктор целую неделю пролежал в больнице. К счастью, коленная чашечка была не затронута и после нескольких недель хождения на костылях, он мог опять бегать, как раньше. Но о заработках в это лето пришлось забыть.

На следующее лето Виктор получил работу, о которой мечтал. Недалеко от Лохья находился известковый карьер, называемый Тютюри, из которого известь в товарных вагонах по узкоколейке перевозили на фабрику в Вирккала. Там была большая мастерская, где ремонтировались вагоны. Виктор чистил вагоны, убирал рабочие места, а иногда помогал рабочим, которые ремонтировали или смазывали локомотив. В то лето ему доверили работать тормозником.

Последний отрезок железной дороги у фабрики шел под большим уклоном вниз, а поскольку груз всегда был очень тяжелый, то тормоза сильно нагревались. Поэтому и на последнем вагоне был тормоз. Человек, работающий на этом вагоне, должен был тормозить его, чтобы на спуске поезд ехал не слишком быстро.

Мальчику работа тормозника очень нравилась. Он стоял на площадке вагона, его волосы развевались на ветру, и он чувствовал себя счастливым и значительным человеком. Младшие дети с завистью смотрели на Виктора, стоявшего на тормозной площадке последнего вагона. Иногда он приветливо махал рукой малышам.

Тормозник иногда должен был соскакивать с поезда, чтобы перевести стрелку на фабричном дворе уже после того, как поезд прошел. Виктор делал это, пока поезд был еще в движении. Задача была ответственная, а Виктор имел мало опыта. И по закону подростку не полагалось поручать такую работу.

Однажды Виктор поторопился и переключил стрелку раньше, чем последняя пара колес последнего вагона успела перейти место стыка. Он тут же увидел свою ошибку. С грохотом два последних вагона сошли с рельс и опрокинулись. Едкая известковая пыль наполнила двор, Виктор едва не задохнулся. Он страшно испугался и бросился в сторону. После того, как все утихло, стали подходить люди. На месте рассыпавшейся известки было очень жарко. Когда выяснили, что под упавшими вагонами ничего не осталось, начали их поднимать и собирать известь.

Молодой стрелочник ждал сурового нагоняя, но его не последовало. Все понимали, что виноваты те, кто поставил неопытного подростка переключать рельсы.

Пришла осень. В школе учеников ожидали покрашенные парты и требование хорошо учить уроки. У Виктора с учебой в этом году не ладилось, потому что он заинтересовался музыкой и посвящал ей все больше времени. Один музыкант из Виркаала продолжил то, что начала девушка из Армии Спасения. Он научил мальчика хорошо играть на гитаре. Савва Клименко слушал по радио духовные передачи на русском языке, а Виктор - увлекавшие его рок-программы Элвиса Пресли. Он разучивал его песни и пел их под электрогитару, которую сделал ему брат Александр со своим приятелем.

Александр и Виктору удалось приобрести дешевый проигрыватель, который присоединялся к радиопремнику. Теперь им стало легче быть в курсе всякой популярной музыки. Первая пластинка, купленная Виктором, называлась: "Апрель в любви".

У него пробудился интерес к девочкам. Гитара и песни Элвиса Пресли очень помогали ему в общении с ними. Но, несмотря на свой переходный возраст и пробудившийся интерес, Виктор оставался еще очень застенчивым. Конечно, рассказы старших мальчиков об их приключениях влияли на него, он познакомился с порнографической литературой. Это было нечто для него новое. Но он еще не совсем отказался от прежней жизни: посещал собрания пятидесятников, молодежные собрания Армии Спасения, читал Библию и молился дома. Иногда эти два мира вступали в конфликт. Это случалось, когда вечером на молитве он рассказывал Богу о том, что слышал от старших мальчиков, и он просил Бога: "Не дай Иисусу прийти до того, как и у меня будет девочка! Боже

мой, я бы тоже хотел испытать это”.

Осенью в школе устраивали конкурсы по искусству. Каждый класс выдвигал тех, кто мог петь или играть на каком-либо инструменте; художники выставляли свои лучшие картины, а девочки состязались по рукоделию. Учителя были судьями, и они решали, кого награждать.

Виктору предстояло играть на электрогитаре “Караван” Дюка Эллингтона. Он упорно тренировался и в конце концов выучил пьесу наизусть, и казалось, мог сыграть ее даже во сне. Два мальчика, - один умел играть на пианино, другой на барабане - обещали аккомпанировать ему. Они вдвоем усердно упражнялись много вечеров.

Потом настал ответственный день. Часа за два до начала концерта Виктор ходил по лесу, недалеко от школы, стараясь сосредоточиться и преодолеть волнение. Потом, за час до выхода, они в последний раз репетировали вдвоем. Все было хорошо, и мальчики разошлись. Придя в школу, Виктор долго ходил за кулисами, где пахло пылью и мелом. Он считал минуты. Оставалось десять минут. Гитара и громкоговоритель уже находились на сцене. Но где пианист и барабанщик, которые должны аккомпанировать ему? Пять минут. Может быть, они еще в зале, вместе с другими? Непонятно...

- А теперь очередь Виктора Клименко, который будет играть на электрогитаре мелодию “Караван”. Уважаемые учителя и ученики, представляю вам Виктора Клименко!

Объявляющий учитель сделал приглашающий жест, и Виктор вышел из-за занавеса. От волнения у него пересохло в горле. Зал был полон учеников. Он подошел к своему инструменту и взял его. Ностуд пианиста был пуст и за барабаном не было никого. Виктор посмотрел в зал. Их там тоже не было. Они просто не пришли. Все ждали. Виктор повернулся к ведущему учителю и растерянно сказал:

- У меня нет пианиста и нет барабанщика. Мы должны были играть вдвоем. Виктор нагнулся, чтобы положить свою гитару на пол.

- Так дело не пойдет! - шепотом остановил его учитель. - Будешь играть без них, не волнуйся, все будет хорошо. И Виктор решил играть один.

Играл он плохо, хуже некуда. Виктор нервничал, пальцы не находили нужных струн, и без барабанщика нарушался ритм. К тому же он сделал грубую ошибку, сбившись с мелодии. И все это заметили. Из первого ряда послышался смех. Там сидела также и Мария, девочка, которая ему нравилась. Виктору так хотелось произвести на нее впечатление, но, увы, теперь она была свидетелем полной его неудачи. Виктор готов был провалиться сквозь пол. Но он стоял и играл. Когда он закончил, то почти бегом скрылся за занавес и в ушах стояли жидкие аплодисменты и свист, который был намного громче аплодисментов.

Это было первое выступление Виктора Климинко на эстраде и самая печальная память его юношества. Но эта горькая неудача не поколебала в сердце Виктора любви к музыке. По совету своего учителя

он начал играть в школьном оркестре и делал заметные успехи. В Лохье жил искусный трубач Рейо Хольм, он собрал эстрадный оркестр и пригласил Виктора играть в нем на гитаре. Виктор был в восторге - играть в настоящем оркестре! Об этом он и мечтать не мог. Оркестр нуждался также в басисте. Брат Виктора, Александр, который всегда готов был учиться новому, и у которого были деньги, купил себе контрабас и научился на нем играть.

Отцу и матери не нравилось увлечение старших сыновей светской музыкой. А для Виктора этот оркестр послужил дверью в тот мир, который он мечтал завоевать. Веселая гитара Армин Спасения и горячая мандолина пятнадцатников остались в прошлом. Теперь он хотел попробовать нечто новое, неведомое и опасное, но что влекло и манило его к себе.

Новый оркестр играл на танцах, а также в ресторанах Лохья и окрестностей.

Карьера Виктора Клименко началась.

ГЛАВА 4

Закончив требуемое законом образование, Виктор не стал продолжать учебу. Музыка интересовала его больше, чем науки. Кроме того, он хорошо рисовал, и мечтал стать художником, но понимал, что у его семьи не было средств, чтобы платить за его обучение в хорошей школе. Рассудив, что профессией художника много не заработаешь, Виктор принял решение, которое было где-то посредине между мечтой и действительностью: стать художником-оформителем.

После школы он пошел работать в универмаг, где писал объявления и красочно оформлял витрины, а по субботам играл в оркестре. Это было добавкой к небольшому жалованию.

В шестнадцать лет он решил поступить в художественный техникум и поехал в Хельсинки. Отбор был строгий - проверяли не только знания и способности, но также и умение. Виктор хотел попасть на художественный курс, хотя видел, что желающих очень много. Там были люди старше и опытнее Виктора, некоторые из них пытались поступать три, а то и четыре раза. Полагая, что профессией художника много не заработаешь, Виктор все же подал документы.

Время экзаменов, жизнь в Хельсинки оказались для него путем в мир взрослых людей. Несмотря на то, что Виктор давно перестал посещать собрания, и свободное время посвящал танцевальной музыке, он в сердце не пренебрегал мнением родителей. Он знал, что это их огорчает, и что всякий раз, когда он уезжал с оркестром, Савва Клименко преклонял колени в молитве за сына. А в глазах матери Виктор все еще был ребенком, нуждавшимся в ограждении от мирского зла.

В Хельсинки Виктор оказался далеко от дома, там никто его не знал, и никто им не интересовался. Ежедневно встречаясь с художниками и с

теми, кто хотел стать художником, он как бы готовил себя к жизни в этой среде. Часто вместе с другими посещал рестораны, где все проблемы решались за стаканом вина. Будущие художники философствовали об истинном искусстве и в то же время рассуждали о том, как научиться зарабатывать деньги.

Виктора не привлекало вино, но ему нравилось общение с художниками, нравилась позиция их жизни, особенно привлекала свобода в большом городе. Так он и хотел жить: свободно мыслить, свободно говорить, одеваться, как ему нравится и общаться с теми, с кем хочется. Недавний школьник, который носил брюки гольф и очки, теперь вырос из своих брюк и выбросил очки. После двух стаканов вина в кругу взрослых людей юноша чувствовал себя бессмертным.

Недели экзаменов пролетели быстро, настало время узнать результаты. Вахтер техникума прикрепил на доску список с именами поступивших. Вокруг него собралась толпа нетерпеливых абитуриентов. Послышались радостные восклицания и тут же брань и проклятия.

С замирающим сердцем Виктор протиснулся к спискам. Его имени там не было. Разочарование ударило так больно, что он похолодел и закрыл глаза. Потом, открыв глаза, он прочитал список еще раз. Результат был тот же.

Он сунул руки в карманы, поднял воротник и сказал, ни к кому не обращаясь:

- Я не сдаюсь так легко!

Трудно было пережить неудачу, трудно вернуться в Лохья. Гордость была уязвлена. В автобусе, по дороге домой, Виктор решил, что переедет жить в Хельсинки. Он найдет работу и будет пытаться снова поступить в художественный техникум.

Александр учился в ремесленном училище в Лохья и стал специалистом-техником, а потом ему удалось поступить в техническое училище в Хельсинки. Виктор поступил на работу оформителем в рекламный отдел универсального магазина фирмы "Еланто". Братья Климченко снимали маленькую комнатку, в которой и жили.

Жизнь и работа в Хельсинки составляли часть юношеских мечтаний жить на свободе. И эти мечты вроде бы сбылись. Но желание Виктора стать художником не исполнилось. И теперь он не принадлежал больше к той компании художников, с которой общался раньше. Он был один в большом городе. Брат много занимался, и Виктор старался его не беспокоить. Он бродил по улицам, рассматривал витрины, ходил в кино и рестораны, где было много веселых и шумных людей, казавшихся радостными, но Виктор чувствовал себя в их среде чужим и одиноким. Иногда вечерами он брал свою Библию, читал ее, подчеркивал красным карандашом какой-нибудь стих, вспоминая, что о нем говорил ему отец. Виктор не хотел жить, как верующие, но не хотел также совершенно расстаться с Богом. Святая книга была для него как амулет, который мог бы его оградить и принести успех и счастье в жизни. Потом он снова клал

Библию в ящик.

Когда приходил вечер субботы, он страхивал с себя чувство одиночества и мрачные мысли, и играл на гитаре в оркестре Хаглунда. Сам Хаглунд играл на гармонии. Оркестр все чаще и чаще приглашали в рестораны. Возрастали требования. Уже недостаточно было играть последние популярные произведения, но каждому оркестру надо было иметь своего солиста-певца. Этого новшества ожидали и от оркестров, играющих в ресторанах. Владельцы ресторанов начали нанимать итальянские оркестры, имевшие несколько певцов с хорошими голосами. Финские оркестры тоже стали приглашать певцов. И они имели большой успех, чем заграничные оркестры, потому что пели на языке, понятном публике.

Хаглунд также пригласил солиста. Но он вскоре заболел, и Хаглунд стал петь сам. Он давал возможность петь и другим членам своего оркестра. Начал петь и Виктор. У него обнаружился сильный и красивый голос, и он свободно держался на сцене. Популярность его быстро росла. Виктор стал хорошо зарабатывать. Вскоре Александр купил себе автомобиль, и теперь братья Клименко в конце недели ездили домой на своей машине.

Посетители танцевальных вечеров и ресторанная публика заметили в молодом казаке способности эстрадного артиста; заметила это и администрация универмага "Еланто", заботившаяся о том, чтобы его служащие не проводили праздное свободное время. При фирме "Еланто" был любительский театр. Эта богатая фирма могла приглашать в качестве режиссеров и постановщиков профессионалов.

Администрация универмага стремилась привлечь сотрудника к работе в театре. Однажды после спектакля (а Виктор старался их не пропускать) к нему подошла одна из руководителей театра "Еланто" Ритва Нуутинен и сказала:

- Виктор Клименко, я слышала, что ты хорошо играешь на гитаре и поешь?

- Не знаю...- Виктор смутился.

- Мне нужен для роли ковбоя мальчик, умеющий играть на гитаре. Мы будем ставить пьесу "Автобусная остановка" Уильяма Ингена. Можешь ли ты завтра в семь часов вечера придти сюда со своей гитарой?

Виктора не надо было просить дважды. Он был на месте задолго до назначенного времени. Самодельную гитару давно уже сменил хороший инструмент. Сцена была пуста. Виктор нашел стул, сел и начал настраивать гитару. Он постарается не упустить этот случай. Он смотрел на пустые ряды скамеек, и тут вспомнил, как он провалился на школьном конкурсе, когда играл "Караван". Теперь у него было больше опыта. Виктор сыграл на гитаре несколько песен, потом заиграл американскую мелодию в стиле "поп", которую часто пели в те дни по радио.

- Неплохо, неплохо, хотя песня и неподходящая, - Ритва Нуутинен вышла на сцену. Виктор играл так сосредоточенно, что не заметил ее

появления. Он встал так резко, что стул упал.

- Простите, я только...

Ритва приветливо подала ему руку.

- Тебе не надо просить прощения за то, что ты играешь и поешь.

Ритва Нуутинен объяснила ему его роль. Актер на роль ковбоя был уже выбран, а у него есть друг, умеющий играть на гитаре, и эту роль она хотела поручить Виктору.

- Вот, пожалуйста, - сказала она, и протянула Виктору шляпу с полями. - Надень ее немножко на бок, придай своему лицу беззаботный вид, садись на стул, играй и напевай про себя какую-нибудь песенку.

Виктор сразу вошел в роль: небрежно развалившись на стуле, он старался казаться беззаботным американским пастухом. Он играл сельскую музыку, которая, по его понятию, соответствовала роли. Затем Ритва Нуутинен попросила Виктора прочитать несколько строчек из его роли. Он прочитал их с выражением, вдохновенно. Ей понравилось.

- Приходи во вторник на первую репетицию. Если все пойдет хорошо, роль будет твоя!

Репетиция прошла удачно, и Виктор получил роль. Он был рад.

Благодаря опытным руководителям, театр "Еланто" пользовался большой популярностью и о нем писали в газетах. Пьеса "Автобусная остановка" имела успех. В ноябре 1960 года Виктор мог первый раз прочитать о себе отзыв в главной газете страны "Хельсингин Саномат": "Событие происходит в маленькой кофейной. Артистов всего восемь человек, и все представление продолжается немногим более часа... Виктор Клименко - настоящий батрак, несмотря на то, что он почти не говорит, только играет на гитаре. Этот свежий, любительский театр заслуживает всеобщего одобрения".

Ритва Нуутинен радовалась своей новой находке.

- Ты кончай петь и играть в ресторанах и посвети себя театру. У тебя может быть великое будущее, но, конечно, надо будет поступить в театральную школу.

От всех этих похвал у Виктора закружилась голова, и он высоко возмечтал о себе.

И в это время, однажды, когда он трамваем ехал домой после репетиции произошло событие, которое потрясло его: он встретил Бога. Бога своего детства. Ему показалось, что он снова стоит на берегу, и что он снова непослушен... Трамвай, постукивая, ехал через длинный мост, мимо Каисаниемского парка. Был апрель. Весна потихоньку начала оттеснять зиму. В парке прогуливались пожилые мужчины и женщины, - все еще одетые по-зимнему. Они ходили не торопясь, поворачиваясь и подставляя солнцу свои лица.

Виктор смотрел на них и думал о будущем. Он хотел знать свое будущее, но знал также, каким он хотел видеть это будущее, однако он боялся, боялся Бога, понимая, что это его желание Ему неугодно. Трамвай уже миновал парк и продолжал монотонно стучать колесами. И вдруг

Виктор почувствовал, что Бог снова зовет его к себе как тогда, в детстве. И он снова начал торговаться с Богом. Он мечтал о театре и видел себя среди знаменитых артистов. Сидя в трамвае, он воззвал к Богу. Как с ним поговорить? Ведь контакт потерял. И веры нет. А разве разумом можно приблизиться к Богу? Но Бог ответит ему сразу - так, как человек ответил бы человеку.

Виктор был сосредоточен. Свет в трамвае изменился. Атмосфера тоже стала другая. Разговоры, кашель и капризные голоса детей, - все куда-то ушло и стало тихо. Бог был здесь, невидимый, но ясно ощутимый в духе. "Боже мой, помоги мне продолжать выступления на сцене. Я хочу подняться до самой вершины. Я очень хочу этого. Помогите мне, Господи!" Так он молился в мыслях, и не успев закончить молитву, услышал голос Бога: "Ты получишь то, что ты хочешь".

Это было так ясно, как будто другой человек говорил ему.

"Я хочу иметь успех и стать знаменитым артистом. Если Ты поможешь мне иметь успех теперь, позже я буду трудиться на ниве Твоей".

"Хорошо. Я помогу тебе достичь твоей цели, - был ответ, - но тебе придется платить великую цену за твой успех. Когда ты получишь все, что хочешь, ты низко падешь, и все, чего достигнешь и приобретешь, отнимется от тебя, и ты испытаешь духовное опустошение".

Сердце Виктора билось, как молот кузнеца, и эти удары он чувствовал в голове. Во рту пересохло, он сжал руки в кулаки, так что пальцы заболели и ногти впились в ладони.

"Боже мой, пусть цена будет высокая, но мне хочется иметь успех и достигнуть цели. Если Ты поможешь мне сейчас, я буду служить Тебе позже".

"Возвращение будет очень тяжелым, но, когда ты упадешь на дно, ты станешь подниматься и будешь поднят высоко. Но это будет во имя Мое".

А потом все исчезло. Понемногу все возвратилось в прежнее состояние.

Виктор вышел из трамвая в центре города, весьма смущенный от всего пережитого. Бог обещал ему помочь достигнуть успеха. На самом деле это было единственное, что сейчас его интересовало.

ГЛАВА 5

В понедельник, подходя к своему рабочему столу, Виктор посматривал на часы. В большом рекламном зале "Еланто" все сотрудники уже сидели на местах. Кто писал вывески, кто рекламные объявления, - в общем, каждый был занят делом. Пахло краской и табачным дымом.

- Эй, смотрите, кто идет! Выспался, наконец, после своих танцев! - крикнул Рауно. Ему было лет тридцать, он имел уже большой опыт по части рекламы и оформления и быстро продвигался по службе. Он не мог

понять, почему Виктора не интересовала карьера оформителя; по его мнению, всякому, кто хоть немного способен и честолюбив, она давала хорошую перспективу.

Выступление вчера закончилось поздно, и спать Виктору пришлось мало. Понедельники всегда были трудными для него. И сотрудники рекламного отдела привыкли к его опаздываниям на работу.

- Тебе самому надо почаще ходить на танцы, - ответил Виктор, - ты бы немножко сбросил свой жирок!

- Но, но, этого как раз я и опасюсь! Моя пышная внешность придает мне солидность, - сказал Рауно и закурил сигарету. - Разве я не похож на управляющего фирмой? А ты так похудел, что кто-нибудь может по ошибке натянуть тебя вместо струны.

Все сотрудники весело смеялись. Смеялся и Виктор. Обстановка в отделе была непринужденная.

Но веселость мгновенно оборвалась, когда директор бюро Пентти Холопайнен вышел из кабинета и позвал Виктора: - Зайди ко мне, - сказал он довольно холодно. Рауно сделал гримасу за спиной Холопайнена. Виктор положил карандаш и пошел к начальнику. Предчувствия были плохие, и он оправдался.

- Клименко, ты должен решить определенно, будешь ли ты работать здесь. Ты сегодня опоздал на работу уже не в первый раз. - Виктору нечего было сказать, он хорошо понимал, что в дальнейшем его работа в "Еланто" будет страдать еще больше, потому что музыка и театр становились для него все важнее и дороже.

- Мы тебя предупреждаем. Мы требуем, чтобы наши люди работали полностью то время, за которое мы им платим. Или тебе придется искать себе другую работу, - сказал начальник и дал понять, что аудиенция окончена.

Молчаливый и огорченный вернулся Виктор к своему столу. Все понял, что произошло, и никто этому особенно не удивился. Хотя Виктор обещал начальнику исправиться и решил, что будет стараться, но он чувствовал - вряд ли это получится.

Летом, когда ему не было еще девятнадцать лет, Виктор купил себе первую машинку "Зефер-Сикс". Она была уже не новая, зеленого цвета, но Виктору казалось необыкновенно красной. В машинке было много мелких неполадок, и Александр решил ее отремонтировать. В гараже своего приятеля в Лохья он разобрал машинку и потом снова собрал ее. Мотор был тщательно промыт и покрашен. К субботе, когда Виктору надо было ехать за двадцать километров от города играть на танцах, автомобиль был готов. Музыкальные инструменты были посланы заранее, и братья Клименко собирались ехать вместе с аккордеонистом.

Никто не подозревал, что Александр, собирая машинку, допустил ошибку. Передние колеса были неправильно отрегулированы, и на первом же повороте эта ошибка обернулась аварией: машинку накренило к канаве, и она перевернулась. К счастью, никто серьезно не ушибся, и все

благополучно вылезли из-под машины. Пришлось отвезти ее за город, на рынок, где продавалось всякое старье.

Следующая его машина была "Ситроэн" с брезентовой крышей. Слабым местом этой машины было ее переднее сиденье, произвольно съезжавшее со своего места, так что водитель мог оказаться на полу, поэтому езда с большой скоростью представляла значительные трудности. В конце концов Виктору надоело возиться с этим сиденьем, и он выбросил его, а взамен сделал скамью, но почему-то она оказалась выше, чем прежнее сиденье. Брезентовую крышу надо было держать открытой, а это было небезопасно. К тому же люди смеялись над маленькой машиной и шофером, который сидел на высокой скамейке, выглядывая из машины. Но ее хозяина это не огорчало, а даже радовало, потому что он стремился к тому, чтобы все обращали на него внимание.

Несчастье с машинами и предупреждение на работе не изменили образа жизни русского юноши из Лохья. Успех "Автобусной остановки" и ободряющие слова руководительницы воодушевили его, и он мечтал о театральной карьере. Но это значило, что надо поступать в театральную школу. Конечно, там были многие из тех руководителей, которые помогали ему в "Еланто", и они дали о нем благоприятные отзывы. Но почему-то это не помогло.

Снова он стоял перед списком, тщетно ища в нем свое имя. Жизнь больше не улыбалась ему, но казалась жестокой и полной несправедливости.

Дня через два Виктор встретился на улице с Юха Лаппалайненом - одним из руководителей Елантского театра.

- Сожалею, - сказал он и положил свою тонкую руку на плечо Виктора, - ты заслужил, чтобы попасть в театральную школу.

- А почему же не попал?

- Конкурс большой.

- А другой причины не было?

Юха Лаппалайнен взял своего ученика под руку и отвел в сторону, где никто не слышал их разговора.

- Я думаю, ты уже знаешь, что в театральном мире существует много интриг и козней. Многие, поступающие в театральную школу - дети актеров. Но, между нами, я могу сказать тебе истинную причину: ты не финский подданный.

Виктора как будто ударили. В школе его дразнили русским и казаком. Шли годы, а вражда оставалась. Виктору было очень обидно, но он подумал, что финны отчасти правы - он действительно не был финским подданным.

Юха Лаппалайнен дружелюбно похлопал Виктора по плечу.

- Не унывай! Сожми зубы и попробуй опять. Если ты будешь иметь успех на сцене, никто не сможет поставить тебе преграду.

Виктор решил последовать этому совету, но тут возникли новые обстоятельства.

Телевидение в Финляндию получало все большее развитие. Руководители театра "Еланто" сотрудничали и на телевидении, и они не забыли юного казака, с горячим темпераментом и многосторонним талантом. У Виктора Клименко обнаружились способности комика, и он умел хорошо импровизировать. Когда выступаешь перед людьми охмелевшими и часто неспособными рассуждать здраво, надо научиться находить выход из безвыходных положений. И Виктор научился легко и весело выходить из трудных и опасных ситуаций. Эта способность могла пригодиться для работы на телевидении, - в то время программы готовились на месте; возможностей для обработки программы и режиссуры было очень мало, даже в передачах, которые записывали на пленку. Многие спрашивали, кто этот молодой статист, умеющий спасти положение там, где другие были готовы спастись. Но несмотря на это, дальше третьих и четвертых ролей продвинуться ему не удавалось. А он стремился стать "звездой". Зная, какой честолюбивый был Виктор, один из его учителей посоветовал ему учиться танцевать.

- Язык движения очень важен на телевидении, - сказал он. - Скоро музыканты тоже будут выступать на телевидении, и тогда им надо будет уметь не только играть, но и танцевать.

Виктор решил последовать этому совету. Конечно, он научится танцевать. Он переговорил с Ритвой Арвело, у которой была джаз-балетная танцевальная группа, часто выступавшая по телевидению. Она приняла Виктора в свою группу, а потом посоветовала продолжить учение в танцевальной школе.

- У тебя есть талант, - сказала она, - в театре оперы и балета нуждаются в танцорах. Начни учиться классическому танцу.

Открылась новая возможность, о которой Виктор начал серьезно думать, и его планы на будущее стали меняться. Было ли у него будущее в мире танца? Очень возможно. Он начал учиться классическому танцу, но не оставлял и телевидение. Приятельские отношения с преподавателями открыли ему двери в "Театр Рабочих", где он исполнял небольшие роли. Он решил, что если снова попытаться поступить в театральную школу, то опыт, приобретенный в "Театре Рабочих", может пригодиться.

В этом театре Виктор познакомился со многими хорошими актерами и присоединился к группе молодых артистов, которые жили довольно беззаботно, проводя время в кабаках и ночных клубах Хельсинки. Теперь Виктор совсем не брал в руки Библию и даже встреча в трамвае, когда Виктор слышал голос Бога, стала постепенно забываться и больше не тревожила его мысли.

Больших успехов пока не наблюдалось, но Виктор был молод и верил в свое будущее. Вокруг него было веселое общество и красивые женщины, с удовольствием общавшиеся с талантливым молодым человеком. Виктор знал, что в будущем все это изменится, а пока... пока можно было наслаждаться жизнью.

ГЛАВА 6

- Слушай, Калле! - я тут думал об одном деле, - сказал Виктор поглаживая пальцем бороду, которую он отрастил, чтобы в свои двадцать лет выглядеть более солидно. Он сидел в углу телевизионной студии с чашкой остывшего кофе и беседовал с более опытным артистом Калле Юрела. - Чего я жду? Я статист, который за несколько монет мелькиет перед камерой, тогда как другие имеют большие роли и получают много денег. Некоторые из них, конечно, хорошие артисты, но есть и такие, которые раньше были знамениты тем, что пение их было записано на пластинках, а теперь они уже ничего не могут. - Калле Юрела кивнул головой.

- Правда, есть такое в нашей профессии. Значит, и ты хочешь петь для пластинок?

- А почему нет? Я пою уже много лет. Нашлись бы покупатели на мои пластинки.

- Да, по крайней мере, в Лохья.

- Не иронизируй. И в Лохья тоже.

- Вообще-то, ты мог бы петь для пластинок.

- И если мне удастся добиться успеха на пластиночном рынке, то, может быть, я смогу получить роли на телевидении, хотя бы музыкальные.

- Могу дать тебе хороший совет. В музыкальном отделе фирмы "Фацера" раз в неделю прослушивают всех, кто хочет записываться на пластинки. Фирма старается находить новые таланты.

Виктор ухватился за это предложение и тремя днями позже впервые пришел в студию записи. Незнакомый пианист должен был играть песню, которую Виктор выбрал для пробы. В студии находился магнитофон и сидели два представителя фирмы, устало слушавшие многочисленных певцов, приходивших на пробу. В большинстве своем пробы были ужасными, и уже после двух спетых куплетов претенденты уступали место следующим. Виктор спел две песни. Представители фирмы оживились и многозначительно переглянулись.

Через несколько часов Виктор сидел в канцелярии директора Тойво Кэрки, весьма знаменитого господина, а на столе лежал составленный договор, который он должен был подписать.

Русский юноша, приехавший из Лохья, сядя в глубоком кожаном кресле, протянул руку и осторожно взял авторучку директора. Это был торжественный момент. Виктор старался быть спокойным и держаться с достоинством, но внутри он был переполнен счастьем. Он, Виктор Клинменко, будет петь на пластинках! Будет петь не с кем-то, а один! Его фотография будет на каждой пластинке! И представит его публике большая музыкальная фирма!

Медленно и аккуратно он поставил свою подпись, закрыл авторучку и отдал ее директору, уже раньше подписавшему договор. Тойво Кэрки встал и улыбнулся своему новому артисту. Директор, с черными

вьющимися волосами, изысканно одетый, производил приятное впечатление.

- Это будет для нас обоих очень доходный договор, - сказал он и протянул Виктору руку. - Не закрепить ли его по финскому обычаю? Пойдем пообедаем, а потом проведем часик в сауне. - Виктор охотно принял предложение. В ресторане гостиницы, недалеко от канцелярии, они плотно пообедали, а после обеда продолжили свой разговор в сауне той же гостиницы. В канцелярии и даже еще в ресторане Виктор чувствовал себя немного скованно. Ведь директор музыкального отдела "Фацара" был очень значительный человек. Виктор понимал, что если у директора останется хорошее впечатление, то это послужит ключом к его будущему успеху. Но в бане великий директор знаменитой фирмы не очень отличался от молодого артиста, карьера которого только начиналась. Тут мужчины, раньше совсем незнакомые, разговаривали свободно о жизни и о любви, о настоящих талантах и об истинном искусстве. Тойво Кэрки знал многих финских артистов, и он рассказывал своему протеже об их личной жизни, которая у многих была окончательно разбита. Говорил также об их успехах и неудачах на сцене.

- Виктор Климменко, у тебя есть способности, у тебя есть данные для звезды эстрады. И если ты их разовьешь, то станешь очень знаменитым. Вытирая пот со лба, Виктор благодарил за комплимент.

- При умелом руководстве ты сможешь вскоре приобрести мировую известность.

Виктор не знал, что и отвечать. Директор говорил то, о чем он мечтал. Впервые он подумал о возможности выступать за границей. И после этой беседы в бане он начал размышлять о том, как ему стать артистом с мировым именем. Исходя из этого, он выбрал себе программу.

Дело пошло хорошо, и скоро на пластинку была записана песня: "У каждого есть любимый". Так пришла известность и новые возможности в работе. Благодаря пластинкам, Виктор мог выбрать роли на телевидении. Он решительно шагнул в круг известных артистов.

Карусель кружилась все быстрее и быстрее. Виктор Климменко больше не был обыкновенным артистом, одним из многих. Теперь вокруг него собирався оркестр. Он перестал выступать во всяких ресторанах, а выступал только в тех, где платили лучше. Кроме многосерийных телевизионных фильмов, он участвовал в рекламных программах. Фирма по продаже пластинок заботилась о том, чтобы он получал контракты, так как благодаря этому росла продажа пластинок.

В те времена редактор газеты "Хюю" так написал о своей встрече с Виктором Климменко: "Бородатый мужчина широкими скачками стремительно бежал по коридору. Он был похож на казака, который догонял убежавшую от него лошадь. Но разве он не был им? Да, это был он сам, внук дикого кубанского казака в каракулевой папахе на голове. Он бежал не за лошадью, и не спасаясь от ярости ревнивых мужей, чьих жен он покорил. Эти сложности у того, кто ищет их сам. А Виктор юноша

серьезный; он спешил в телестудию, у него балетный урок, запись на пластинку..."

Виктор оставил службу в "Еланто" и перешел в фирму "Маиноскукко". Но после выхода своей первой пластинки он оставил и эту фирму. Заняв деньги у некоторых клиентов, он открыл собственную рекламную фирму, чтобы никто им не командовал. Но спустя немного времени, он совсем оставил рекламную работу. Теперь, в свои двадцать лет, он мог полностью содержать себя и уже ничего не брать у родителей. Виктор видел, что многие "звезды" гасли почти сразу, едва загоревшись. Он не хотел этого, понимая, что одних способностей мало, надо вести правильную тактику и иметь честолюбие. По замыслу Виктора ему следовало нанять учителя пения. Об этом он советовался с фирмой. Они порекомендовали обратиться к Тууре Ара, известному оперному певцу. Виктор заключил с ним договор и начались уроки пения. Учитель имел сильное влияние на Виктора. Он стал обучать его пению по методу йоги, где человек учится владеть своим дыханием. Тууре Ара пояснил, что при этой технике обучения можно из голоса извлечь больше силы и петь гораздо легче. Вскоре упражнения йоги стали для Виктора более интересными, чем само пение.

Тууре Ара оказался гуру*, у которого был многолетний опыт по йоге, почерпнутый им отчасти во время пребывания в Индии. Ара познакомил Виктора с совсем новым миром, где некоторые понятия перекликались с детскими религиозными воспоминаниями.

Гуру говорил о Христе, что Он является путем к Богу. Виктор слышал об этом раньше, - и в доме отца, и в церкви. Но гуру не говорил о том, что Виктор слышал в церкви - о кресте, о крови Христа, о Его смерти и о воскресении. Для него Иисус был только великий учитель. И хотя Виктор знал, что Христос - Сын Божий, сейчас это не имело для него значения.

Размышление стало для Виктора источником новой силы. Он получил от своего учителя мантру, то есть текст для размышления, который он совсем не понимал**. Он научился некоторым упражнениям, помогавшим иметь контакт с космосом и астральным миром.

Туура Ара стал для Виктора гуру. Он объяснял, как человек, при помощи йоги, может отделиться от своего тела и смотреть на себя со стороны. В то же время Ара предупреждал Виктора, что делать это самому очень опасно. Однако Виктор решил попробовать. Однажды вечером, вспоминая и повторяя все учение гуру, он старался сосредоточиться, чтобы все функции тела подчинить своему контролю. Повторяя без конца свою мантру, он понемножку входил в транс.

* Гуру - учитель, наставник в некоторых восточных религиях (индуизм, буддизм и др.) - Прим. ред.

** Мантра - это молитва, но фактически не к Богу, а к определенному духу, у которого человек просит помощи и попадает в его власть. - Прим. ред.

Вдруг он заметил, что смотрит на тело сидящего Виктора Клименко со стороны.

Он вышел из тела и был где-то в углу комнаты, под потолком. Все было как во сне, но только очень ясно. Все детали комнаты были четко видны. Он как бы смотрел на картину, темой в которой был он сам. Такое состояние длилось несколько минут. Когда Виктор вернулся в свое тело и пришел в чувство, он дрожал от страха. Он понял, что переходить границы опасно, и что выход из тела мог бы закончиться для него очень плохо*.

Вскоре Тууре Ара умер, но Виктор продолжал сам заниматься по его методике. Духовная же сущность Йоги открылась ему только после обращения.

ГЛАВА 7

Виктор Клименко так и не поступил в театральную школу - карьера певца, комика и телевизионного артиста вытеснила это намерения.

В театре были те, кто не забыли разносторонне одаренного русского парня. Одной из них была Марта Рейма, энергичный директор небольшого театра в городке Иматра. Ей нужен был темпераментный и танцующий певец на главную роль в музыкальном представлении: "Стой, мир!" И она вспомнила про Виктора Клименко. Другие руководители театра не были уверены в этой кандидатуре, да еще для главной роли.

Когда Виктор Клименко выступал в Иматре со своим оркестром, Марта Рейма пришла с директором-экономистом театра Леннартом Плюмом. Выступление Виктора не произвело на него впечатления.

- Этот фигляр поет довольно хорошо, но выступать в настоящем театре - совсем другое дело, - сказал он. Однако Марта решила поговорить с Виктором. Он был удивлен, но обещал прийти в ее канцелярию на следующий день. Когда стрелки часов подходили к назначенному времени, Марта заметно волновалась. Она знала, что Клименко был как бы специально создан для главной роли представления: "Стой мир!". Его пение, манера движения на сцене, - все подходило. Но придет ли он?

За несколько минут до назначенного часа она выглянула в окно. На улице было тихо и безлюдно, как обычно бывает в небольшом городе. Она подумала, что талантливый артист, который старается устроить свою карьеру в Хельсинки, вряд ли захочет переехать на несколько месяцев в Иматру. Но если бы он заинтересовался, то это, по ее мнению, принесло бы честь и ему и театру. Как только часы пробили назначенное время, в дверь позвонили и вошел элегантно одетый Виктор Клименко.

- Привет! А вот и я!

* Если дух выходит из человека, то его место может занять другой дух, чуждый. - Прим. ред.

- Добро пожаловать! Я уже думала, что ты изменил свое решение и вернулся в Хельсинки. - Марта Рейма приветливо протянула ему руку и, улыбаясь, попросила сесть.

Она приступила прямо к делу и объявила, что театр хочет включить в свою программу представление "Стой, мир!" и ищет подходящего человека на главную роль.

- Я уверена, что ты подошел бы, поэтому и предлагаю эту роль тебе. Не буду скрывать, что выступление знаменитого человека в главной роли дало бы театру славу, если все пойдет хорошо.

Виктор оценил прямоту Марты.

- Это несколько необычно для певца браться за театральную роль, - сказал он, - хотя мне приходилось играть в театре, ты знаешь.

- Да, я уверена, что ты справишься с этой ролью, хотя руководство театра сомневается.

Виктор тут же принял предложение. В нем сомневаются! Он покажет театру в Иматре, а также членам отборочной комиссии финской театральной школы, что Виктор Клименко умеет играть на сцене!

Они стали обсуждать дело практически. Виктор жил в Хельсинки, и его карьера певца продвигалась весьма успешно. Не забыли бы его на радио и телевидении, если он на несколько месяцев уедет работать в Иматру. Такие опасения Марты считала вполне обоснованными. Они решили, что Виктор возьмет роль и придет на репетицию в понедельник после Рождества. Когда директор театра объявила другим руководителям, что она взяла Виктора Клименко на главную роль, они были недовольны и дали ей ясно понять, что если эта затея потерпит фиаско, то вся вина падет на нее одну.

- Дорогая Марта, ты сделала глупость, - сказал ей Лениарт Плюм. - Ты еще раскаешься в решении, но что сделано, того нельзя уже изменить.

Рождество приближалось, но Виктор Клименко не подавал о себе никаких вестей. С ним даже не удавалось связаться. В театре начали уже нервничать - а если исполнитель главной роли вообще не явится? Тяжелее всего было Марте Рейма, потому что от исхода этого дела зависела ее репутация.

Первая репетиция была назначена на шесть часов вечера. И вот настал этот понедельник. Без десяти шесть еще никто не знал о Клименко, хотя все другие уже были на месте. Рухнет ли все дело только потому, что этот необычный артист не выполнит свой договор? Но ровно в шесть перед театром остановилась машина. Да, это был Виктор. Встречать его выбежала Марта - сердитая, но и со вздохом облегчения.

В контракте были оговорены все репетиции, и они шли своим чередом. Незадолго до премьеры Виктор переехал в Иматру и жил там некоторое время. Премьера прошла большим успехом. Виктор Клименко, играя главную роль, действительно, принес успех театру. Кроме повышенных кассовых сборов, театр получил хороший отзыв критики.

Вскоре после этого отбирали представителя Финляндии на конкурс

в Европу, который должен был проходить в Неаполе. Виктор Клименко пел песню Тойво Кэрки: "Солнце заходит на западе". Соперницей у Виктора была Катри Хелена, но песня Кэрки победила, и Виктор поехал в Неаполь. Этот выбор вызвал полемику в финской прессе. Писали, что песня "Солнце заходит на западе" не выражает финских национальных чувств, а кроме того, открыто возмущались, как Финляндия могла послать русского человека своим представителем в Неаполь. Другие же защищали и певца и песню, которую он собирался петь.

Виктор Клименко считал этот конкурс очень важным для себя, потому что он открывал ему дверь на европейский рынок. И, благодаря телевидению, этот конкурс могли посмотреть миллионы людей.

Конкурс в Неаполе проходил гораздо более бурно, чем Виктор мог себе представить. Там были директора и представители многих музыкальных фирм, выпускающих пластинки, и они действовали открыто и по-деловому, рекламируя и продавая пластинки своих артистов. Журналисты собирались вокруг знаменитостей, чтобы услышать их мнение о том или другом деле. В этих кругах Виктор был никто. Он только смотрел и учился.

Начался конкурс. Артисты, каждый по очереди, исполняли свои программы, а потом каждый с волнением ждал подсчета очков. Виктор был удовлетворен своим выступлением. Он чувствовал, что сделал все, что мог и теперь оставалось только ждать оценки. Страна за страной получала свои очки. Некоторые артисты радовались, другие старались казаться спокойными. Виктор не волновался - Финляндия, наверное, будет оглашена в конце. Но оказалось, что страна, которую он представлял, не получила ни одного очка! Ни одного! Такого еще не было ни с кем, не было ни у кого!

В тот вечер в Неаполе и другие северные страны выступили неудачно: Норвегия получила одно очко, шведский оперный певец Ингвар Вискел набрал шесть очков.

Хотя Виктор Клименко не получил ни одного очка, и у него не было причины радоваться, все же он не унывал; его утешало то, что, по сути дела, это был конкурс не певцов, а мелодий. Он полагал, что выполнил свою работу хорошо. Гораздо больше он был разочарован тем, что не сумел установить в Европе новых контактов. Только один редактор шведского радио пришел взять у него интервью.

Дома, в Финляндии, на него накинута критика. Но опыт этой неудачи Виктор считал для себя полезным.

Слава Виктора в представлении "Стой, мир!" дошла до руководителя городского театра в Хельсинки, и он сам приехал в Иматру. В результате этой поездки Виктору предложили место актера на два года в городском театре. Это было так поразительно, что финский культурный мир долго удивлялся. А Виктор не удивлялся - он помнил слова Ритвы Нуутинен: "Если захочешь и если будешь упорно работать, то ты сможешь стать преуспевающим артистом". Виктор вспомнил также договор.

который он заключил с Богом в трамвае. А еще подумал, что те, кто препятствовал ему поступить в театральную школу, теперь убедятся, что он может выступать и без школы! Все эти соображения радовали сердце гордого казака.

Первое, что Виктор увидел в театре, было изречение, висящее на стене: "Те актеры, у которых есть комические способности, желают играть трагические роли, а актеры, которые подходят на трагические роли, хотят комических ролей. Актер, который не знает ничего, стремится к главной роли".

Два года, проведенные Виктором в театре, подтвердили для него истину этих слов. Когда намечали поставить новый спектакль, объявление о ролях вывешивали на доске. Атмосфера раздражения и недовольства, разочарования и даже злобы царила в это время в театре, мало кто был доволен тем, что ему предлагали.

Виктор скоро понял, что в театральном мире надо играть не только на сцене. Жизнь в обществе, да и в театре, была ключом, и жаждущий развлечений молодой артист, пил из предлагаемой чаши до дна, до последней капельки. Виктор оказался в мире людей, опьяненных развлечениями. Его окружали поклонницы, и он не пренебрегал их вниманием. Им интересовались многие, и он научился уживаться со всеми. Пресса тоже не оставляла его, похвалы сыпались отовсюду. Не это ли была жизнь, о которой он мечтал еще дома, в Лохья, когда брал первые аккорды на самодельной гитаре?

Имея постоянную работу в городском театре, Виктор не оставлял и пения. Как начинающему артисту, ему давали небольшие роли, и у него оставалось время для выступления со своим оркестром. Он продолжал также записи на пластинки.

Дирекция театра ожидала от него честолюбивых стремлений к большим ролям, а следовательно, упорной работы. Но Виктору уже привык к успеху и не мог сосредоточиться только на работе в театре. Ему хотелось выступать на сцене перед публикой и как можно чаще. Пение отнимало много времени и поэтому актерская работа страдала. И когда двухлетний договор кончился, Виктор получил от руководства театра письмо, в котором ему объявили, что договор с ним не будет возобновлен.

Некоторые из коллег выражали свое сожаление, а другие приняли эту весть с радостью. Большинство считало, что место певца-комика совсем не в серьезном театре.

Виктор воспринял это письмо как удар кулаком, но на самом деле это был удар по его самонадеянности. Он мечтал быть актером, а теперь его выбросили вон. В то же время он чувствовал освобождение. Теперь Виктор мог оставить мечты о театре и полностью посвятить себя менее сложной и более увлекательной работе. В то время в Финляндии задули новые ветры в этой профессии. Многие артисты одновременно пели и танцевали. Виктор тоже решил этим заняться.

Виктор разъезжал со своим оркестром, играл в кино, иногда

соглашался на главные роли в небольших провинциальных театрах, но к длительным договорам с театрами уже не стремился. Зарабатывал он много, но ему хотелось большей известности, и он стал обдумывать программы, которые годились бы и для иностранного рынка. В Европе в то время подвизался один певец, Иван Ребров, который одевался по-казацки и пел русские народные песни. Успех Реброва направил мысли Виктора в другое русло. Он помнил, что с самого детства страдал от того, что родился в России и был русским. Детские впечатления оставили в нем глубокий след, хотя он понимал, почему русские в Финляндии были не очень желанны. Но где-то в глубине души Виктору хотелось подойти ближе к своим корням, открыть то, что надо было скрывать в силу требований развлекательного репертуара. Глядя на успех Реброва, он подумал, что может быть ему лучше не прятать самого себя. Ведь он, действительно казак, и ему не надо играть казака, подобно Реброву. Пластинки Реброва покупались нарасхват, и Виктор тоже начал разучивать русские песни, а также собрал соответствующий оркестр. Правда, у него было слишком мало материала, и он еще не умел готовить пластинки.

Вспоминая неудачу в Неаполе, Виктор полагал, что песни, имевшие успех в Финляндии, вряд ли подойдут для европейского и всемирного рынка. Он понял, что ему надо создавать свой собственный стиль.

Однажды вечером Виктор сидел за своим столом и рисовал эскизы костюмов для своих представлений. Ему позвонил Лассе Пулккинен, его друг, оставшийся верным и в хорошие и в трудные времена.

- Здравствуй, Викки! Что это ты сидишь дома в такой прекрасный вечер?

- Сажу, потому что артисту, который хочет чего-нибудь добиться, надомного работать. Если же хочешь оставаться мальчиком на побегушках, лишенным всякого честолюбия, то можешь гулять сколько угодно, - ответил Виктор.

- Понял. Я тебя понял. Но я хотел тебя пригласить, чтобы ты не совсем одичал без общения. Есть две хорошенькие стюардессы, которые согласились выпить со мной кофе. Может быть, и ты составишь нам компанию?

- Кофе? Ну ладно. Где встречаемся?

Лассе дал ему адрес. Виктор отложил работу и пошел. За чашкой кофе в беседе с симпатичными девушками вечер прошел весело. Они работали у Фин-aira. У одной из них, по имени Айрис, были блестящие рыжеватые волосы и светло-голубые глаза. Виктор почему-то отметил это.

Прошло две недели, и Лассе позвонил снова.

- Ты помнишь тех финских девочек? Что скажешь, если мы снова...

- Да, хорошо, хорошо, если ты нуждаешься в помощи, чтобы обманывать девочек, я могу прийти... Они, действительно, не плохие и не глупые.

В тот вечер Виктор долго разговаривал с Айрис. Ему нравилось, что

она была не слишком восторженной, несмотря на то, что беседовала с известным артистом. Айрис была красива. Все же Виктор считал, что если он когда-нибудь заведет серьезное знакомство с женщиной, то она должна быть одной с ним профессии. - певицей или актрисой.

Прошло несколько недель, и Виктор уже так не думал. Он полагал, что в его сердце найдется место и для стюардессы.

ГЛАВА 8

В начале июня 1969 года Виктор Клименко нагрузил свой красивый "Волв Амазон" и поехал в Англию. Некоторые договоры он перезаклучил на более позднее время, а новых не брал, и таким образом, устроил себе отпуск на четыре месяца. Лишь немногие знали об его отъезде, среди них были Лассе Пулккинен и Айрис.

Дело это было решено быстро, когда Виктор и Лассе вечером сидели и болтали в кабаке за бокалами пива.

- Слушай, Лассе, - сказал Виктор, - мне надо увидеть мир. Финляндия слишком тесна для меня. Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк...

Лассе расхохотался так громко, что люди, сидевшие за соседними столиками, стали оборачиваться в их сторону.

- Так! Так и действуй! Но сначала тебе надо найти помощника, который знал бы английский и в то же время говорил бы по-фински... и по-русски.

Виктор примолк. Языки были его слабостью, это он и сам сознавал. Он мог собрать программу международного класса, но, чтобы продвинуться дальше Скандинавии, - это требовало контактов и переводчиков. А, зная только финский и русский языки, далеко не поедешь.

- Я буду учиться английскому языку, - пробормотал он, и заказал себе еще пива. - Ведь люди более глупые, чем я, научились говорить по-английски, почему же я не смогу?

- Ну хорошо, хорошо. Действуй. Я верю, ты научишься, - сказал Лассе примирительно. Он знал горячий темперамент своего друга и не хотел портить хорошего вечера. Виктор выпил свое пиво одним глотком и крикнул:

- Я знаю, что делать. Я поеду летом в Лондон. За четыре месяца я смогу научиться языку, если буду больше учиться, чем разъезжать. Да хотя и буду разъезжать, все равно научусь! Поедешь со мной?

- Да ты с ума сошел! У тебя же договоры в Финляндии.

- Я могу перенести мои летние работы на осень, а осенью буду работать больше. Научусь говорить по-английски, и тогда мне будет открыт весь мир. Поедешь?

- Нет, у меня другие планы на лето.

- Ну, пожалуйста, хоть на неделю, на две.

- Но ты же не знаешь никаких школ английского языка.

- Мне пока не нужно знать о них. Поеду туда и поищу в газетах

объявления о каких-нибудь курсах.

- Между прочим, в Англии все газеты на английском языке.

- Ну не будь таким беспощадным. Я надеюсь, что найду там какую-нибудь помощь.

Уговорить Лассе было не так уж трудно. Он любил приключения, и знал, что с Виктором скучать не придется.

- Да, Викки, моя сестра живет недалеко от Лондона, и у нее большая квартира. Для начала будет где остановиться.

- Замечательно! А когда Айрис будет прилетать в Лондон, мы попросим ее читать объявления в газетах. Она очень хорошо знает английский.

В течение нескольких дней Виктор отсрочил свои летние договоры до осени. Айрис посмеялась над рвением своего казака, но обещала помочь, чем сможет. Работая в Фин-аире, она часто летала в Лондон и находилась там день-два.

В Лондоне Виктор сразу столкнулся с трудностями. До этого времени он редко выезжал за пределы Скандинавии. Лондон показался ему огромным кипящим котлом. Люди, автомобили, автобусы - они были повсюду, и их было гораздо больше, чем в Хельсинки. Человеку, который учился водить автомобиль по сельским дорогам Финляндии, движение казалось слишком плотным, часто расстояние между машинами, едущими по улице, было не более нескольких сантиметров. По тротуарам двигался бесконечный поток людей, они шли к станциям метро, остановкам автобусов и просто так. Повсюду слепили глаза ярко освещенные рекламы. Виктор замучался, ведя свой "Амазон" среди всей этой путаницы, да еще по левой стороне улицы, потому что в Англии левостороннее движение. Он с Лассе ехал через весь этот огромный город по адресу, где жила его сестра.

На одном перекрестке улицы на них буквально наскочил черный автомобиль. Виктор со всей силой нажал на тормоза и получил от ехавшего за ним двухэтажного автобуса нервный сигнал. Лассе сидел бледный, углубившись в карту, и иногда давал короткие указания:

- Направо! Налево! Тут надо ехать прямо... Остерегайся автобуса...

- Сядь и управляй сам! Тогда увидишь, каково!

- Нет, нет! Управляй ты. У тебя идет хорошо, но надо бы нам иметь предостерегающий флаг на радиоантенне. В конце концов они доехали до места, но Виктор совсем выбился из сил. Когда он выходил из машины, колени дрожали, ноги были как ватные и совсем не держали его.

Первые два дня друзья учились ездить на машине по Лондону, затем они оставили машину возле дома и с удовольствием ездили на автобусах или в метро.

Сестра Лассе, просматривая объявления в газетах, скоро нашла Виктору подходящее училище в Кенсингтоне, где начинающим ученикам давали уроки английского языка. А так как эта школа предлагала еще "постель и завтрак", совсем недалеко от училища, Виктор решил, что это

вполне устроит. Погостив неделю у своей сестры, Лассе уехал домой.

Первый день учения для казака был хуже, чем первый день в первом классе школы в Вирккала. Собравшиеся ученики разговаривали на разных языках, - среди них были люди из Азии, Африки, Европы. Виктор улыбался, кивал и говорил: "хелло, хелло". Ему тоже кивали и отвечали: "хелло". Никто никого не понимал.

Так начался трудный путь учения. Не было никаких переводчиков. Обучение происходило по-английски. И надо же было понимать, чему тебя учат! Виктор и другие, приехавшие с разных концов мира, постепенно начали читать по складам: "дог, кэт, мазер, фазер". Самоуверенность казака, с которой он выехал из Финляндии, совсем исчезла. Как мог он научиться этому трудному языку за такой короткий срок? Ему предстоят нудные разговоры о кошках и собаках. Какие уж тут договоры с международными представителями!

Первая неделя была очень трудная. Забывание каждого слова и память отнимало все время. Общаться Виктор ни с кем не мог. Задевало и то, что его, признанного в Финляндии артиста, здесь никто не знал. Поначалу он боялся пойти куда-нибудь, даже в ресторан, а ходил только в кофейню "Вампи", где можно было заказать еду, просто показав пальцем на то, что хочется взять. Кроме того, в кофейной еда была дешевая, а Виктор имел с собой не так много денег на целых четыре месяца.

Квартира, рекомендованная школой, была сущим разорением, и Виктор нашел себе другую квартиру. Хотя внешне дом выглядел вполне прилично, внутри было грязно и стоял затхлый запах давно не убранного помещения. Этот запах Виктор почувствовал едва вошел в гостиную, когда-то, видимо, богатую, оклеенную коричневыми с золотистыми цветочками обоями и обставленную плюшевой мебелью. Владелец дома, старый врач, вдовец, сдавая комнаты, имел добавку к пенсии. Костюм на нем был лосиящийся, но когда-то, видно, он был дорогим и элегантным. Хозяин повел Виктора вверх по лестнице, покрытой желтоватым вытертым ковром, и открыл дверь в комнату, где Виктору предстояло поселиться со следующей недели. Положив свои вещи на пол, Виктор кивнул и сказал: "Феикью, вери гуд!" Этими словами он начинал и кончал любую беседу, - больше ничего по-английски он не знал.

Хозяин стал что-то говорить, но Виктор не понял. Глядя на красный нос своего хозяина, он бормотал по-фински: "Я понимаю, у тебя свои проблемы, приятель". А хозяин ответил новым потоком слов по-английски.

В комнате стояла кровать, письменный стол, над которым висело зеркало в ветхой рамке, диван, покрытый цветным покрывалом, и квадратный стол: на нем лежала скатерть в пятнах кофе или чая. Окошко, выходившее на небольшой зеленый задний двор, было закрыто пожелтевшим занавесом. На потолке не было никакого светильника. К стене над кроватью двумя шурупами была прикреплена лампа с абажуром из жести; один шуруп вылез из своего отверстия и, казалось, вот-вот упадет. Другая лампа, латунная, на высокой ножке, стояла у дивана.

Виктор повесил свою одежду в стенной шкаф, а когда он задвинул чемодан под кровать, оттуда вылетели клубы пыли и разлетелись по всей комнате. Потом он решил отдохнуть. К его удивлению, постельное белье оказалось чистым.

Видно, хозяин все делал сам - и убирал, и готовил. Яйца на завтрак были твердые, как камень, бекон очень жирный, но чай свежий и хорошо заваренный. Хозяин положил перед постояльцем газету и пытался обменяться с ним впечатлениями, но беседа ограничилась улыбками и жестами.

Виктор заметил, что от хозяина пахнет спиртным и часто походка у него неуверенная. Однажды Виктор пришел домой поздно и увидел, что господин Тревор спит надвине в гостиной. Он громко храпел, его галстук был сдвинут, жилет и пиджак расстегнуты, рот открыт и по подбородку текла слюна. Седые волосы были мокрыми от пота. Возможно, он вернувшись домой после вечеринки, не смог добраться до своей постели.

Виктор решил разбудить старика, чтобы отправить его спать в свою комнату, но подойдя ближе, увидел, что штаны на нем совсем мокрые и от него сильно пахнет мочой.

- Мистер Тревор! - Виктор взял его руку и потряс. Старик проснулся и испуганно смотрел на Виктора, не узнавая его, его глаза округлились от испуга. Потом в них появился проблеск сознания - он узнал своего постояльца и испуг сменился смущением. Что - то бормоча, он направился в уборную, а Виктор задумчиво пошел в свою комнату; ему было жалко одинокого старика.

Прошли первые трудности в Лондоне, занятия языком день ото дня давались все легче. Виктор начал понемногу разговаривать с товарищами по училищу и бродил один по городу.

От Айрис пришло письмо. В ближайшие дни она собиралась прилететь в Лондон и сможет пробыть с ним целые сутки! Айрис... она значила для Виктора все больше и больше. Он очень обрадовался ее письму. В назначенный день он поспешил на аэродром. Он долго стоял и обнявшись. Виктор чувствовал себя счастливым!

Вскоре в школу поступил новый ученик, по происхождению финн. Его сестра работала в ресторане в Лондоне и знала многих эстрадных артистов. Виктор позвонил ей, узнав номер телефона у ее брата. Аида Вайнио очень хорошо знала Виктора Клименко, хотя они не были знакомы. Когда он назвал себя, она сразу спросила:

- Что ты делаешь в Лондоне?

- Учю язык, - ответил Виктор. - Хочу стать звездой мирового класса.

- Я могу познакомить тебя кое с кем. Лови момент, пока ты находишься в Лондоне. Быть может, тебе повезет и ты найдешь себе место.

Они договорились о встрече - у входа роскошного ресторана "Сохо". Виктор пришел первым. Через несколько минут к нему подошла красивая смуглая женщина лет двадцати пяти. Она крепко пожала руку Виктору

и с ходу начала говорить без остановки. Аила повела его к столику, который стоял немного в стороне и был накрыт на четверых.

- Я пригласила двух моих друзей, - пояснила она. - Один - управляющий фирмы, у которой контракт с некоторыми знаменитыми артистами, а другой представитель фирмы, выпускающей пластинки. Виктор поблагодарил и засмеялся. - Я вижу, ты в самом деле деловая, как говорил твой брат, и с места включаешь скорость.

Как показалось Виктору, вечер прошел удачно, хотя ни один из этих лондонских бизнесменов не слышал раньше о певце Викторе Клименко. Они с интересом слушали его, - а он, с помощью соотечественницы, рассказывал о своих успехах в Скандинавии.

Теперь у Виктора было мало свободного времени. Днем он занимался языком, а по вечерам, с помощью Аилы Вайнио, старался налаживать новые контакты. Виктор познакомился со многими, но здесь он вовсе не был в центре внимания. И он понял, что одно дело быть знаменитым в Скандинавии, и совсем другое стать всемирно известным.

В то лето Виктор решил, что наступит день, и он будет блистать в Лондоне. Да, именно тут, в Лондоне, должна быть его база; здесь он будет жить и работать.

Кто-нибудь из соотечественников, чаще всего Аила Вайнио, сопровождал его, и поэтому во время различных встреч у него не было затруднений с языком. Он рекламировал свои пластинки, привезенные из Финляндии, рассказывал о работе в театре и на телевидении. Столичные господа важно слушали, курили сигары, предлагали выпить по рюмочке. Виктор видел их заинтересованность, но чтобы подписать с ним договор, так далеко не шло. При жестокой конкуренции, он был лишь один из многих тысяч искателей счастья, старающихся покорить Лондон.

Самой большой удачей Виктор считал пробное выступление в одном ресторане. Это устроила Аила. Он пел русские песни, но аккомпанировал ему пианист, исполнявший только западную музыку. Виктор пел с глубоким чувством и был награжден теплыми аплодисментами, но был недоволен своим выступлением.

- Если бы у меня был свой оркестр! - сказал он Аиле, подходя к столику, где она сидела со своими друзьями.

- Ты пел очень хорошо! - утешала его Аила.

Но ободрение не успокоило его. Он стремился к совершенству и знал точно, чего добивался. Петь задушевные казачьи песни в сопровождении пианиста, игравшего только поп-музыку, было несерьезно и даже унижительно. Какой уж там договор!

Во время пребывания в Лондоне, все мысли о Боге ушли от него, как облака с синего неба. Хотя он и взял с собой Библию, но ни разу не достал ее из чемодана. Все его мысли были заняты карьерой на мировой арене. По вечерам, сидя один в своей комнате, Виктор писал длинные письма Айрнс, время от времени получая на них ответы... Иногда случалось, что Айрнс прилетала в Лондон на короткое время, и тогда они могли быть

вместе несколько часов. Виктор стал более постоянным, его перестали интересовать другие девушки. Воспоминания об Айрис освещали каким-то внутренним светом дни его пребывания в Лондоне.

В это лето окончательно созрела мысль, что роль казака, в которой он уже пробовал себя, очень подходит ему. Если Иван Ребров, который только одевался по-казацки, имел такой успех, исполняя русские песни, то он, настоящий казак, может рассчитывать на гораздо большее! Виктор накопил много пластинок с русскими песнями. Одолжив проигрыватель, он слушал пластинку за пластинкой, отбирая песни, которые мог бы, по его мнению, исполнять.

Ему не пришлось пробыть в Лондоне те четыре месяца, которые он наметил. Через два с половиной месяца он получил письмо из Финляндии от телевизионной компании МТВ, приглашавшей его на главную роль в художественно-документальном фильме о жизни Хельсинки в царское время. Виктор написал ответ, что он принимает предложение, и начал упаковывать вещи. Он решил, что будет продолжать изучать английский самостоятельно.

Зайдя в последний раз в магазин на Петикот Лейн, он увидел большую красивую латуниную кровать, и решил купить ее. С помощью друзей он привязал ее на крышу своей машины.

Через несколько дней после того, как господин Тревор подал Виктору письмо от телевизионной компании МТВ, Виктор сошел с парохода в Гетеборге и поехал на своей машине через Стокгольм в Хельсинки. Счетчик показывал, что бак почти пуст и ему пришлось остановиться на первой заправочной станции. Он наполнил бак и пошел расплатиться. Служащий станции, взяв деньги, взглянул на привязанную кровать и заметил:

- Ага, теперь уже едут в личном спальном вагоне!

- Да, тут, в Швеции, так дорого жить в гостинице, что путешественнику приходится брать с собой кровать, - в тои ему ответил Виктор.

Потом он продолжал свой путь, любуясь шведским пейзажем, а люди оглядывались на странный "Волво Амазон".

ГЛАВА 9

Из Англии Виктор Клименко вернулся с горячим желанием продолжать изучение английского языка и снова работать. В Лондоне можно было слушать, учиться, развлекаться, но дома, в Финляндии, надо было трудиться - на сцене и в студии. В Англии Виктор отрастил длинные волосы и бороду, но этот вид "хиппи" быстро исчез под иожинцами по указанию дворцового фотографа Тимирьясова из Хельсинки царского времени. Над фильмом трудились несколько недель, но он был довольно равнодушно принят публикой и критикой. Виктор продолжал петь в ресторанах и выступать в новых телевизионных представлениях. Много

труда и временн отинмалн пластинки. Для широкого рынка их надо было делать все больше и больше.

Растущий успех Ивана Реброва не давал Виктору покоя. Выступая в ресторанах, он начал включать в свою программу русские песни, и заметил, что они нравились публике. Из пластинок, купленных в Лондоне, Виктор выбрал некоторые русские мелодии, которые, как ему казалось, могли иметь успех. Как всегда, он делал все очень основательно: читал книги о культуре казаков, их быте и одежде, припоминал рассказы отца о том, как одевались казаки. В результате он нарисовал себе эскиз костюма для выступлений. Эта одежда изменила его внешний вид; он выглядел диким, романтичным казаком.

Свой замысел он решил продать большой международной пластиночной фирме ЕМИ, которая в то время старалась проникнуть на финский рынок. Виктор пришел в канцелярию фирмы и прямо предложил им свою идею и свои услуги, добавив, что по его мнению, польза будет взаимная.

Рейно Бекман, директор ЕМИ в Хельсинки, обрадовался и одобрил проект. Успех Ивана Реброва в исполнении русских песен не остался незамеченным и другими конкурирующими пластиночными фирмами. А тут пришел настоящий, живой казак... Договор состоялся, и началась усиленная работа. Виктор внимательно подбирал песни. Вскоре он держал в руках выпущенную пластинку "Стенька Разин". Он чувствовал, что нашел себя и, казалось, нашел свой путь к сердцам людей. Виктор хотел, чтобы все узнали, кто он такой и что он хотел выразить своим искусством. До этого он подвизался в жанре легкой музыки, которой уже не один год зарабатывал на хлеб, но теперь его влекло другое. Тоскующие русские мотивы будили что-то глубокое и сокровенное в сердце самого певца. В студии, при звуках балалайки или гармошки, Виктор испытывал волнение. Но все же он не очень надеялся на успех новой пластинки, поэтому пока решил не оставлять старую программу. Новые песни исполнялись как дополнение к уже проверенному. Но все повернулось иначе, чем он думал. Пластинка "Стенька Разин" имела огромный успех и завоевала финскую публику. Критики хвалили пластинку, отзывы помещались на первых страницах газет; записи часто передавали по радио. Пластинка "Стенька Разин" стала тем оружием, которым Виктор завоевал Швецию.

До этого он лишь несколько раз выступал в соседнем государстве, и то для финских эмигрантов, осевших в Швеции. А потом - Англия, Ирландия, Голландия... "Стенька Разин" везде имел успех. И прежде чем за пластинку была повышена цена, ее успели продать в 63 странах! Для финского артиста такой успех был раньше немыслимым.

Виктор решил воспользоваться этим успехом. Он не имел своего импрессарио, да и теперь не стремился иметь его, отчасти потому, что хотел, чтобы весь доход принадлежал только ему. Но, главное, он хотел сам решать все свои дела. Фирмы, выпускающие пластинки, оказали ему в этом большую помощь.

Первая фирма в Швеции, заключившая с ним контракт, была "Фолкпарксфорум". Виктора пригласили выступать летом в национальных парках. Впервые ему предстояло выступать за пределами Ботнического залива. Выступление состоялось в ресторане Стокгольмской центральной железнодорожной станции, куда пресса обычно не приглашалась. Многие, с купленными на поезд билетами, отложили поездку, чтобы послушать русские песни. Вечер еще не кончился, а в ресторане появились газетчики, музыкальные критики, а также редакторы журналов и представители телевидения. После выступления тут же в ресторане устроили большой банкет. Пресса не скупилась на похвалы. Эпитеты "вольный казак", "дикий казак" слышались постоянно, запись пустили по обоим каналам шведского телевидения. А когда Виктора показали в популярной программе "Квельсоппет", то о нем уже знала вся Швеция.

В газете писали: "Ветер степей через камеру телевидения подул в наши скучные гостиные и разогнал холод и сонливость. Все сидели как зачарованные, впитывая музыку. И если бы не наша природная сдержанность, то, наверное, тут же, один за другим, мы стали танцевать казачка. Имя степного ветра - Виктор Клименко".

Шел 1970 год. Для Виктора открылось широкое поле деятельности в Швеции. Гетеборг стал для него как бы базой. Первый раз он летел в этот город на маленьком двухмоторном самолете для выступления на празднике в ресторане "Луция". А когда он поехал туда во второй раз, его встретили не то что как старого знакомого, но как родного. Выступление в ресторане имело бурный успех: публика окружила его плотной толпой, женщины забрасывали цветами, пресса хвалила. Вскоре Виктор опять приехал в Гетеборг, потому что признание среди его жителей вызывало в нем ответную благодарность.

Другое место, где Виктора горячо принимали, был ресторан "Кронпринц" в Мальме. Он также выступал на больших эстрадах Стокгольма: в Грона Лунде, Хамбургер Борсе, Валдакинене и во многих других местах. Газета "Дамерна Варид" так писала об одном из выступлений в Грона Лунде на сцене на открытом воздухе: "На сцену выходит Виктор, и закутанный в свою черкеску (войлочная меховая накидка). Температура майского вечера ноль градусов. Несколько минут артист и публика смотрят друг на друга. Люди дрожат и ежатся от холода. Но вот казак как бы раскрылся и потекли широко и привольно полноразличные мелодии. Кудри его развеваются. Публика замерла в шоке. Никто больше не дрожит и не ежится, но все стоят, как зачарованные". Другая газета писала об этом же выступлении: "Он пел так, что, казалось, холодный весенний вечер стал теплее".

Фирма ЕМИ устроила Виктору гастроли в телевизионных программах Англии, но там продажа пластинок шла не очень хорошо. Больше успеха было в Ирландии. Тоска, звучащая в русских народных песнях, оказалась более сродни ирландскому характеру. Успешно выступал Виктор и по голландскому телевидению.

Со своим оркестром из трех человек, Виктор разъезжал по Европе, давал концерты, выступал по телевидению - успех пластинки "Стенька Разин" открыл ему дорогу, во многих странах он стал очень популярным певцом. Возвращаясь из Европы домой, он ездил со своим оркестром по Финляндии. В Хельсинки Виктор сделал весьма рискованный шаг: он арендовал недавно выстроенный "Дом Финляндии" с залом на тысячу семьсот мест, и решил давать там концерты. "Дом Финляндии", построенный для важных случаев, был большим и роскошным. А тут пришел этот ресторанный певец и арендовал дом на свое имя! Одины полагали, что он сошел с ума, другие, что он захотел проглотить слишком большой кусок. Конечно, риск был большой, но Виктор не поколебался, не смутили его и толки. Он нанял хор и оркестр, напечатал входные билеты, сделал объявления и вошел в контакт с прессой. По всему Хельсинки висели афиши, сообщавшие: "Казак в Доме Финляндии"! Газеты тоже извещали публику о будущем концерте. Билеты были проданы в один день! Виктор был очень доволен и арендовал дом еще на два вечера.

В первый вечер огромный красивый зал наполнился публикой до отказа. Журналисты зорко наблюдали за всем происходящим. Оркестр, которым дирижировал Георг де Гоцинский и хор из Тиккурила заняли свои места. За кулисами стоял Виктор, готовый к выходу на сцену. Он чувствовал усталость - вся суета подготовки вечера бременем легла на его плечи. Но при звуках настраиваемых инструментов в оркестре, наблюдая публику, спешившую занять свои места, он почувствовал вновь возбуждение, подобно тому, как цирковая лошадь рвется на манеж, почуяв запах опилок. Туда, к свету рамп, слышать аплодисменты и возгласы публики! Последний внутренний рывок. Вот он, один на один со своим искусством, готовый показать себя. Это была его жизнь. Никогда он не чувствовал такой собранности, как перед выходом на сцену.

Виктор пел песни, записанные на пластинке "Стенька Разин", и новые, приготовленные для следующей пластинки, а также танцевал. На сцене он выкладывался полностью. Концерт имел огромный успех. Публика аплодировала, критики восторгались, хвалили Виктора, а скептически настроенные друзья только покачивали головой и улыбались. Кроме всевозможных хвалебных отзывов, критика высоко оценила профессионализм певца. Публика заполняла "Дом Финляндии" все три вечера. Финансовый риск обернулся удачей. Концерты принесли Виктору большую известность.

В семидесятых годах искусство Виктора Клименко нашло своих любителей и в Германии. Все началось с того, что Рейно Бекман, вернувшись из Германии, сказал Виктору, что он нашел человека, который соглашался представить его немецкой публике. Господин Готлиб Бауэр-Шлихте Гролл приехал в Хельсинки с портфелем, набитым бумагами. Все условия соглашения были оговорены, и Виктор подписал контракт. Несмотря на то, что "Стенька Разин" имел удивительный успех, популярный эстрадный певец Виктор Клименко еще не сделал последнего рывка в международную

известность. И теперь он не хотел упустить открывавшейся возможности. Два года Виктор усиленно работал, даже нанял квартиру в Берлине и переехал туда жить. Ему удалось сделать пластинку на немецком языке; ее продажей занялась фирма "Телефуикен". Гролл представил Виктора телевизионным фирмам и фирмам, выпускающим пластинки, а также организаторам развлечений. Много говорили, много сидели в ресторанах, но дело как-то не двигалось. Пластинка продавалась плохо. Ресторанные выступления, к каким привык Виктор, в Германии не практиковались, а устраивать персональные концерты никто не рисковал, так как конкуренция была очень большой и только артисты, собирающие полные залы, могли рассчитывать на успех таких концертов.

Виктор не сразу понял, в чем тут дело, а было оно в том, что всюду повторялось имя Ивана Реброва. Здесь на него смотрели, как на одного из многих подражателей Реброву. Когда Виктор это понял, он решил не терять времени на пустую конкуренцию. Дома, в Финляндии, и в северных странах его знали и любили. Дипломатическими способностями Виктор не обладал, и когда Германия не открылась ему сразу, он не захотел тратить силы на то, чтобы искать помощи у нужных людей. Не хотел также ждать, пока уже сделанный труд принесет результаты. Своим нетерпением и горячностью он успел испортить несколько хороших контрактов. Виктор искал славы и хотел конкурировать со знаменитостями, а не добиваться, чтобы кто-то заметил его способности. Он решил вернуться в Хельсинки.

На аэродроме Виктор увидел свежую рекламу с портретом Ивана Реброва. Держа чемоданы в обеих руках, казак взглянул в глаза улыбающегося конкурента, и сказал:

- Ты уже старый, а я еще молодой. Время на моей стороне!

Виктор Клименко верил, что неудача была временной.

ГЛАВА 10

В 1975 году Виктор Клименко поехал в США. Вместе с пианистом он разъезжал по многим местам, где жили финские эмигранты, и пел для них в небольших концертных залах. Соотечественники знали и любили своего певца, а американцы даже и не слыхали о такой знаменитости из Финляндии. Но Виктор мечтал. Америка - страна больших возможностей, если бы только...

Его влекла также карьера в кино, и он уже сыграл несколько ролей. Но до кинозвезды...

Все же он был актером, умел выходить перед публикой, петь и танцевать. Во время пребывания в Соединенных Штатах ему открылась возможность стать кинозвездой. Когда Виктор выступал недалеко от Лос-Анжелеса, некоторые из его финских друзей предложили ему познакомиться с Альбертом Салми, кинозвездой, финном по происхождению. Ему позволили и договорились о встрече в одном из

баров Голливуда. У Виктора была с собой его последняя пластинка с проспектом. Встреча прошла в сердечной обстановке, с американским хлопаньем по спине, но Альберт Салми куда-то спешил, они поговорили на общие темы, Виктор подарил ему свою пластинку с проспектом, и они расстались.

У Виктора впереди было два дня, и он собирался посмотреть город, прежде чем продолжить путь. Но на следующее утро позвонил телефон.

- Виктор Клименко?

- Да.

- Привет! Приятно слышать твой голос! Я Альберт Салми! Когда я вернулся домой вчера вечером, я прослушал твою пластинку. О, Виктор! Это фантастика! - Виктор смущенно пробормотал, что он очень рад.

- У меня есть идея, - продолжал Салми, - о которой нам надо поговорить. Сможешь сегодня вечером прийти к нам поужинать? - Виктор не знал, что и думать.

- Конечно, у меня есть время, - сказал он.

Альберт Салми дал свой адрес и назначил время. Осматривая город, Виктор размышлял о предстоящей встрече. Что взять с собой? Какая идея была у Альберта Салми? Что этот ужин значил для его будущей карьеры?

К назначенному времени Виктор был готов - он надел белый модный пиджак, темно-синие брюки, и выглядел весьма элегантно. Затем он сел в нанятый автомобиль с автоматической коробкой передач и поехал по адресу.

Альберт Салми принял его на своей роскошной вилле. Представил ему жену, показал красивый дом с сауной и бассейном. Он прекрасно говорил по-фински, и вовремя ужина беседа шла о Финляндии, о Голливуде, о жизни художников; разговаривали доверительно, как коллеги. Но Виктор все время думал о предстоящем разговоре.

После ужина Альберт Салми повел его в свой кабинет, обставленный красивой, массивной, обитой кожей мебелью, а стены были отделаны дорогим деревом.

- Здесь, - сказал он и положил книгу на стол перед Виктором, - здесь моя идея.

Виктор прочитал заглавие: "Ковбои и Казак", автор Клаур Хуффакер.

- Я давно мечтал сделать фильм по этой книге. Когда я слушал твою пластинку и читал твой проспект, где ты выходишь в казацкой одежде, я сразу понял: ты будешь играть казака, а я ковбоя.

В голове Виктора зашумело. Кинофильм... с Альбертом Салми... в Голливуде?!

- Это кажется невероятным.

- Это и будет невероятным! Мы будем иметь успех.

Альберт Салми давно не был сдержанным финном, он стал полным энергией американцем и не мог даже подумать, чтобы что-то помешало исполнению его планов.

- У тебя есть еще какой-нибудь материал, кроме пластинки и проспекта?

- Да, есть. - В гостинице у Виктора были некоторые видеофильмы его телевизионных и театральных выступлений.

- Завтра мы начнем работу. Встретимся в девять утра. Захвати твои видеофильмы.

Виктор понял, что аудиенция окончена. Ему понравились, что здесь быстро переходят от слов к делу. Но не слишком ли быстро?

- Что же мы будем делать завтра? Начнем снимать фильм?

Альберт Салми засмеялся и похлопал своего земляка по спине.

- Нет, так быстро дело не делается даже в Америке. Будем искать режисера, покажем тебя ему, продадим ему нашу идею.

- У меня есть только два дня, а потом я должен ехать дальше.

- Да, времени очень мало, поэтому надо распределить его правильно. Поезжай домой ложись спать, чтоб завтра ты был свежим и бодрым, потому что завтра Виктору Клименко предстоит покорить Голливуд!

Виктор вернулся в гостиницу взволнованный. Ковбой и казак. Восток и запад. Очень интересно. Но сделать кинофильм стоит много денег, да и его здесь никто не знает. Как посоветовал коллега, он лег спать. Но сон не приходил. Мысли кружились вокруг идеи, и уносились в неведомую даль. Потом он заснул. Ему снилось, что он, одетый в казацкую одежду, мчался верхом на лошади по степи. От сильного ветра у него слезились глаза, из под копыт лошади столбом поднимался песок. Его преследовал враг. Держа крепко поводья, Виктор повернул лошадь к лесу, но деревья были не настоящие, и они падали с треском, когда всадник на лошади громыхал по искусственному лесу. Виктор проснулся мокрый от пота. Быстро собрался и к назначенному часу был на месте. Он знал, что все зависело от связей, а Альберт Салми имел хорошие связи. Он повез Виктора Клименко в одно учреждение, потом в другое, к одному режиссеру, потом к другому. Разговоры были деловые. Возникли и трудности. Первое препятствие, из-за которого все дело могло провалиться, заключалось в различии европейской и американской видеосистем. Видеофильмы, привезенные Виктором, предстояло переделать на американскую систему. Это не требовало много времени, но было довольно дорого. Но когда Альберт Салми предложил заплатить за всю операцию, Виктор понял, что тот серьезно заинтересовался этим делом. Виктор озабоченно посмотрел на Альберта.

- Не беспокойся, - сказал тот, - я с удовольствием вложу деньги туда, куда выгодно.

Режиссеры, их помощники, директора смотрели, слушали, улыбались, хвалили идею, но дело как будто не двигалось. Один вечер они провели в ресторане в обществе невысокого господина с черными усами и блестящими глазами. Родом он был из Южной Америки и там успешно занимался производством фильмов. Ему понравилась идея Альберта Салми, и он горячо и долго говорил об этом. Потом извинился, сказав, что

ему надо позвонить. Когда он ушел, Виктор сказал:

- Можно ли доверять этому человеку? Он слишком много говорит. Как одет! Рубашка несвежая, рваные сапожки и этот ужасный запах чеснока...

- Успокойся, он один из лучших в своей профессии. Виктор решил, что если Альберт Салми доверяет этому человеку, то ему не стоит беспокоиться. В дальнейшей беседе Виктор перестал обращать внимание на внешность и скоро понял, что этот человек действительно знает дело.

Два дня пролетели быстро. Виктору надо было уезжать. Позади остались драгоценные связи и энергичный Альберт Салми, который обещал продвигать дело. Один или два режиссера заинтересовались идеей. Но нужно было еще достать деньги.

Виктор закончил свое путешествие по США и вернулся в Финляндию. Казалось, что он сделал большой шаг вперед, и приблизился к своей мечте стать кинозвездой. Но фильм, основанный на книге Хуффакера, не состоялся. Виктор как-то охладел к этой идее, да и Альберт Салми нашел, наверное, что-то другое.

У Виктора в памяти осталось несколько суетливых дней, когда он немного узнал о деятельности своих американских коллег и понял цену многих горячих и убедительных слов.

ГЛАВА 11

Считается, что норвежцы спокойные и даже флегматичные люди, и они, в своих шерстяных кофтах, больше любят путешествовать пешком, чем развлекаться. Но выступая со своим оркестром в отеле Драмеипарка в течение двух недель, Виктор Клименко понял, что характер норвежцев не такой уж однозначный. Никогда раньше он не видел публики, которая бы так живо воспринимала представление. Тоска русских мелодий вызвала слезы на их глазах, а удалые казацкие песни приводили их прямо-таки в буйное веселье. Конечно, кроме музыки и пения, их оживляло и вино. В тот вечер дважды пришлось вызывать скорую помощь. Один господин, с лицом апоплексического вида, сидел совсем близко к сцене. Он был так увлечен представлением, что дирижировал вместе с оркестром и шумно аплодировал в конце каждого номера. Неожиданно он встал на стул и начал махать руками над головой. Люстра, висевшая довольно низко под потолком, с грохотом упала на пол. Осколки стекла полетели во все стороны, послышались испуганные крики, люди повскакали с мест. Музыка смолкла. Виктор стоял на сцене, держа в руках микрофон и ждал, пока все успокоится. Забегали официанты, а человек, учинивший переполох, был абсолютно спокоен. Он стоял на стуле, рассматривая свою правую руку, покрасневшую от крови. Кто-то вызвал скорую помощь, и она примчалась с пронзительным звуком сирены. Пострадавшему сделали перевязку, осколки убрали, и Виктор продолжал выступление. Энтузиазм публики только увеличился, веселье стало всеобщим.

Вскоре снова случилось происшествие. Один господин, бывший весьма навеселе, вышел из помещения... через окно, приняв его за стеклянную дверь. Снова полетели осколки стекла. Его лицо и руки оказались в крови.

- Помогите, я умираю, я умираю! - кричал он.

Видимо, здесь уже привыкли к подобным происшествиям. К пострадавшему подошли и увидели, что нет никакой опасности для его жизни, правда, он был очень испуган. Опять послышался вой сирены, появилась машина скорой помощи, опять люди толпились у места происшествия. Музыканты не могли сдержать смеха.

- Вот и верь после этого, что норвежцы люди спокойные, - сказал Виктор своему скрипачу.

Правда, не все вечера были такие бурные, но темперамент норвежской публики изумлял Виктора. - он как-то совсем по-другому увидел этих людей. В Фраммене у Виктора было много друзей, и он просиживал с ними иногда до поздней ночи. Полюбились ему также одинокие прогулки по городскому парку, из которого открывался вид на красивые фиорды. Виктор много думал о пустоте жизни артистов и о своей будущности. Ему начала надоедать роль "дикого" и "романтичного" казака, которому надо было развлекать других и смеяться на сцене даже тогда, когда ему вовсе не хотелось смеяться. Все чаще, оставаясь один в номере гостиницы, он доставал Библию, которую все же возил с собой, и мечтал о новой жизни. Но какой жизни?

Церковные здания привлекали Виктора. Везде, где ему приходилось бывать, он смотрел на церкви и фотографировал их. Нередко он заходил и внутрь, желая ощутить покой и благоговейную тишину. Мыслию он возвращался в свои детские дни, вспоминал молитвенные собрания в Лохья.

В один сырой и холодный весенний день он пошел посмотреть церковь в Драммене. Войдя внутрь, он начал рассматривать книги и журналы на выставке при входе в церковь. Откуда-то из полумрака появился седоволосый привратник, остановился рядом и тихо спросил:

- А откуда вы?

- Я... русский.

В этом ответе для привратника не было ничего особенного. Он привык к тому, что в его церковь приходили моряки из разных стран.

- Я многим русским морякам дал Библию. Пройдите сюда, пожалуйста. Он взял Виктора за руку, повел его в маленькую комнатку и стал перебирать стоящие на полке книги.

- Ага, вот она. Пожалуйста, возьмите.

Виктор взял маленькую книжечку. Это было Евангелие от Иоанна. Внимание привратника было приятно ему. Этот незнакомый человек заботился о его душе. А он? Он заботился о том, чтобы быть первым на сцене и перед телевизионными камерами. Виктор положил книжечку в карман.

- Спасибо, большое спасибо!

Привратник улыбнулся и поклонился, как он думал, русскому моряку. Но Виктор не стал уточнять, кто он. Попрощавшись, он еще долго стоял в церкви. Он вспомнил встречу в трамвае. Что же Бог сказал ему тогда? Он помнил эти слова: "Возвращение будет очень трудным". Но оно будет!

Хочет ли он возвращения? Или это только минутное настроение? На этот вопрос Виктор ответить не мог.

ГЛАВА 12

Поглощенный артистической карьерой, Виктор Клименко все же часто думал о своей родине, о России, которой никогда не видел. Выступая перед публикой в роли казака, он вдруг понял, что его принадлежность к казачеству для него нечто гораздо большее, чем актерский прием или реклама. Что-то в глубине сердца связывало его с предками, жившими на Кубани. Хотя он любил Финляндию, ставшую его родиной, любил ее народ, который, зная его русское происхождение, все же считал его своим артистом и всегда тепло принимал, но Виктор искал свои корни. Хотелось увидеть деревню, где жил отец, встретиться с родственниками, многие из которых, как он знал, были живы. Он даже познакомился со своей двоюродной сестрой Рансой, приезжавшей в гости в Финляндию.

Началось все с того, что, немного обжившись на чужбине, Савва Клименко начал разыскивать своих родных. Ему сообщили печальную весть о смерти матери, а старшая сестра Акулина была жива, и у них завязалась регулярная переписка.

Мечта Виктора побывать на Кубани исполнилась неожиданно летом 1978 года.

Сотрудники одной большой еженедельной газеты решили поехать в Краснодар вместе с Виктором Клименко, чтобы написать о его первой встрече со своими родственниками-казаками на его родине. Оформили визы и вместе с редактором газеты и фотографом полетели через Москву в Краснодар. Виктор был тихим и задумчивым; сердце сжималось, какой она будет, эта встреча с землей предков? А родственники - какие они, как живут, не встретится ли он с ними, как с чужими людьми? Не испытает ли разочарования? Он почему-то этого боялся.

В Краснодаре встретили его Ранса, которую он уже знал, со своим мужем Николаем. В гостиницу ехали на их желтой машине "Лада". В Краснодаре у них была квартира в многоэтажном доме, они были хорошо устроены и в глазах других родственников считались "богатыми". Потом обнимались, по лицам текли слезы радости, говорили все одновременно. На следующий день решили ехать к тете Акулине.

- Все родственники, - пояснил Николай, - кто только мог, взяли отпуска, чтобы провести время с тобой, Витя! - Он понял, что ему надо сразу привыкнуть к этому имени, такому для него непривычному.

- Как ты относишься к шпику и водке? К этой казацкой еде? Или тебя так избаловали на Западе, что ты этого есть не можешь? - смеялась Ранса.

- Сама увидишь, как я отношусь, - в тон ей отвечал Виктор. Ох, как приятно будет увидеть тетю Акулину!

Мало спали этой ночью, а утром чуть свет поехали в деревню, неподалеку от Краснодара. Дорога извивалась среди полей, а вдали синели горные вершины Кавказа. Ехали в родное село отца, село казаков, которое раньше именовали станцией, а теперь здесь было всего несколько домиков по обеим сторонам дороги.

Тетя Акулина встретила их на пороге. Она была небольшого роста, крепкая, в простом синем платье. Голова покрыта платком, из под которого виднелась седые волосы, а лицо - молоджавое, приветливое. Руки - грубые, шершавые, в мозолях. Много и тяжело пришлось ей работать в жизни. Но глаза - молодые, веселые, и она радостно улыбалась, когда обняла сына своего брата, которого видела впервые.

- Витя, Внтя, ты выглядишь настоящим казаком!

У Виктора на глазах выступили слезы. Поцеловавшись трижды, по русскому обычаю, он подошел к другим родственникам, которые ожидали, чтобы поздороваться и познакомиться с родственником, приехавшим издалека.

- Подумайте, вот еще моя двоюродная сестра! - вскрикнул Виктор, чтобы как-то скрыть свое смущение. Он повернулся к красной казачке, которую фотографировал финский корреспондент.

Тетя Акулина жила в маленьком голубом домике. Кухня была очень бедная: плита, шатающийся стол и два стула. Обстановка в комнате не лучше. На потолке - широкие мокрые пятна и кое-где уже обвалилась штукатурка. В углу висели иконы, а на окнах - кружевные занавески. Теперь, летом, когда солнце светило через белое кружево, все казалось очень красным, но можно было представить себе, каким холодным и сырым этот домик был зимой. Виктор все это мгновенно заметил, и сердце его сжалось от боли. Однако, тетя Акулина не жаловалась. Всю жизнь она проработала в колхозе, теперь получила пенсию. Веселая, жизнерадостная, казалось, она всем довольна; вспоминала те времена, когда все обстояло намного хуже. У нее был домик, и ее внуки и внучки приезжали к ней во время летних отпусков.

- Ты, Витя, расскажи Савве, как у меня хорошо и уютно!

- Конечно, расскажу. Он будет рад услышать, что ты здорова и довольна жизнью.

Род решил торжественно отпраздновать приезд родственника, и все вместе отправились в ресторан, находившийся на островке посреди реки Кубань. Уселись за большой стол с обильным угощением, лучшим грузинским вином, вспоминали былые времена, плакали, смеялись и пели. Виктор чувствовал, что он очень любит этих простых сердечных людей. На торжество пришли и другие люди, которые знали Савву.

Тетя Акулина представила Виктору свою подругу Марусю, полную и веселую бабушку, в молодости знавшую Савву и хорошо помнившую его.

Выпив немого, Акулина и Маруся затянули старинную казацкую песню. Виктор удивился, какие у этих старых женщины были хорошие голоса: у Акулины - красивое сопрано, а у Маруси - низкий приятный альт. На Виктора эта песня произвела большое впечатление. Когда они кончили петь, Виктор сказал:

- Теперь я знаю, откуда у меня любовь к пению!

В ресторане сидели долго. Пели старинные казацкие песни, красивые и полные глубоких чувств. Виктор потихоньку тоже пел вместе со всеми. В перерывах между пением вспоминали пережитое, рассказывали о прежней, свободной жизни казаков. Виктор жадно слушал это рассказы.

- Не говори Савве, что мы тут выпивали, - смеялась Акулина, которая знала, что вера ее брата не позволяла ему пить.

Виктор улыбался и нежно обнимал за плечи свою старую, милую тетю. Ему было хорошо среди своих кубанских родственников.

Дни проходили в сплошных празднествах, Виктора водили из дома в дом, где, несмотря на видимую нужду, выкладывалось на стол все лучшее, а, может быть, и последнее.

Виктора привели к дому, где рос его отец. Там сейчас жили другие люди, но все равно дом показался ему родным и близким. По вечерам, возвращаясь в гостиницу, он часто плакал. О чем он плакал? Скорее всего, об утрате своей мечты. Где они, романтичные, свободные и гордые казаки, которые охраняли границы русского государства, но сами распоряжались своей жизнью? Их не существовало. Потомок этих казаков, знаменитый финский певец Виктор Клименко, который привык свободно мыслить и свободно выражать свое мнение, для которого высокий уровень жизни был обыденной повседневностью, глубоко страдал, видя неприкрытую бедность своих родственников. Роль, которую он выбрал, настраивала его на тоску по родине свободных казаков, но в настоящей жизни не было свободных казаков, осталось прошлое: далекое, невозвратное, и от этого было очень больно. Едва Виктор заговорил о политике, как воцарилось неловкое молчание. Ему стало не по себе. Кто он такой, чтобы критиковать их? Они приспособлялись, чтобы выжить, они не были дерзкими, они не бунтовали. Да, у них были причины для молчания. Он заметил их теплое отношение друг ко другу, их доброжелательность и внутреннее единство. Все же это были казаки. И он был одним из них.

Однажды, прогуливаясь с Николаем по улицам Краснодара, он вдруг остановился перед православной церковью. Было время богослужения, и Виктор захотел зайти в церковь. Николай покачал головой.

- Ты иди, а я подожду тебя здесь.

- Но почему?
- Ты иди, иди!

Виктор не стал спорить с мужем своей двоюродной сестры, и проглотил все набежавшие вопросы. Он молча кивнул головой и вступил в полумрак церкви. Постояв немного, он вышел на сияющую солнцем улицу к Николаю. Они продолжали свой путь и говорили о разных вещах. Никто из них ничего не сказал о посещении церкви. В тот день Николай и Раиса пригласили Виктора к себе. Снова заговорили о прошлом. Вспоминали о тяжелых годах, о том, что многие умерли от голода, рассказывали о старых обычаях. Например, белый шпик считался почти что святыней и составлял часть ритуала, когда хотели оказать человеку почет, подчеркнуть к нему дружеское расположение и доверие.

Когда они сели за обильно накрытый стол, Николай сказал Раисе:

- Дорогая жена, принеси шпика и чеснока. Чтобы было по-казацки!

Раиса принесла кусочек шпика, копченого в соломе старинным способом. Николай показал, как раньше казаки благословляли водку. Он перекрестился перед налитыми стаканами и сказал:

- Творец мой, не дай этому стакану остаться последним! - Потом второй раз перекрестился, и снова помолился:

- Творец мой, возьми прочь от нее нечистый дух и оставь только чистый спирт! - После этого полагалось выпить весь стакан залпом.

Как-то вечером, Николай и Раиса с детьми, тетя Акулина и Виктор поехали на дачу. Там они выращивали картофель, разные овощи, чеснок. На участке росли фруктовые деревья и во дворе был красивый очаг, построенный Николаем из серого камня.

Виктор лежал на траве, опираясь на локти, и смотрел на бескрайние просторы полей. Рядом протекала речушка, впадающая в Кубань. Все было тихо, радостно, не хотелось думать о печальных сторонах жизни.

Он вдыхал запах:

- Мм...мм..., что ты там жарить? Как приятно пахнет!

Николай повернул вертел с мясом, а Раиса вынула из корзины черный хлеб, грузинское вино и, конечно, водку. Тетя Акулина тихо сидела перед огнем на деревянной скамейке. Она закрыла глаза, скрестила руки на коленях, и, казалось, находится где-то далеко. За домом на разные лады пели птицы. Удивительно, каким многоголосым был их хор, и солисты соревновались между собой. Солнце стояло на западе, над горизонтом, и его освещало красное легкое облако.

Мясо на вертеле шипело. Николай приветливо повернулся к Виктору.

- Баранна, - заметил он, - перец и помидоры, пища страны твоих родственников, Внтя. - У Николая были хорошие связи с кладовщиками, завмагами и продавцами, и он был горд, что ему удалось достать

хорошие продукты.

Он подал Виктору шашлык прямо на вертеле. Ранса предложила гостю хлеба и вина. Тетя Акулнна пробудилась от своих дум и запела песню о свободном казаке, который воровал лошадей и продавал их на рынке. Потом она ела и пила вместе с другими, вино развязало ей язык, и она стала более разговорчивой.

В тот вечер она рассказала сыну своего младшего брата Саввы о тяжелых годах в жизни казаков, когда ели лебеду и крапиву, потому что больше ничего не было, как многие и в их семье умерли от голода, рассказывала о злобе и неправде, которые пришлось испытать людям, кровь которых текла в жилах Виктора. Потом она нагнулась к Виктору, и чтобы другие не слышали, рассказала об ужасных преследованиях казаков и дала понять, что дела их еще и теперь не совсем ясны.

Николай старался восстановить утраченное веселое настроение.

- Дорогие друзья, не будем унывать! Теперь-то немного другое время, мы ведь не голодаем!

- Теперь твоя очередь рассказывать, - сказала тетя Акулнна. - Расскажи, как ты поживаешь там в Финляндии, как там мой брат, и все мои племянники?

Виктор рассказывал об отце, об его жизни и о своей. Но это было нелегко. Нужда, которую он помнил в детстве, давно, давно ушла в прошлое. И ему не хотелось делать сравнений, которые могли бы обидеть этих дорогих ему людей. Не мог он признаться, что его романтические представления о казаках разбились здесь, среди этих сердечных и доброжелательных людей. Не мог он объяснить им своих чувств, не мог пока объяснить их и самому себе. Он приехал сюда не только потому, что хотел повидать родственников. Он чувствовал себя казаком. Свободным казаком. В его крови, казалось, играла древняя удаля степей. И вот они, казаки. Хорошие люди. Шпик, водка. Все разбито, уничтожено. А он остается казаком, хотя и вырос на чужбине, среди лесов и снегов, хотя у него совсем другая жизнь. И то, что на своих пластинках и пленках он пишет "Виктор Клименко, свободный казак" - это не просто слова. Один свободный казак... Сюда, к ним, он никогда не придет насовсем...

Они сидели перед огнем, пока солнце стало как кровавое пятно, а потом оно опустилось в темную степь.

В день отъезда многие родственники пришли в аэропорт попрощаться с Виктором. Все было очень трогательно и сердечно. Ему нанесли много всякой провизии - жареных уток, цыплят, огурцов, помидоров, яблок. Старушки наставляли его, что надо есть больше, так как, по их мнению, он слишком худой. А кроме того, они не могли допустить, чтобы человек с Кубани уехал без провизии. Их забота была приятна Виктору, и он с удовольствием ел в полете всю эту чудесную снедь.

Прощание было очень трогательным. Обнимались и целовались,

плакали.

- Никогда не забывай, Витя, что ты казак, - улыбалась сквозь слезы тетя Акулина.

- Обещаю, что не забуду! Спасибо за все, тетя Акулина, я рад, что мог повидаться с тобой!

ГЛАВА 13

Виктор был на Кубани неделю. Всего семь дней он провел в прошлом своей семьи. Несмотря на такой короткий срок, по возвращении домой, он никак не мог отделаться от удручающих мыслей. Разочарование овладело им, от развлечений он чувствовал себя усталым и пустым. Его роль казака, на которой основывался его артистический успех, стала причинять боль. Он уже не чувствовал себя ни "диким", ни "романтичным". То, что он бы казак, оставалось в его сердце, но ему нужна была другая роль, а, может быть, и другая жизнь.

Виктор Клименко уже много лет жил вместе с Айрис Асколине, стюардессой, которая, благодаря Лассе Пулккинену, вошла в его жизнь. Чувства становились все глубже, и он понял, что по-настоящему любит Айрис. Они жили в красивом доме в Хельсинки, у них было двое детей - пятилетний Тарас и трехлетний Тодор. Виктор чувствовал себя главой семьи, и это было его радостью. Финский певец с самого начала четко разграничил место семьи и публики. Представители прессы допускались в его дом только на нижний этаж, и они могли фотографировать его там перед бассейном для плавания. Но остальная часть дома принадлежала семье, и туда не пускали никаких репортеров. Айрис также была тверда в этом решении с тех пор, как они стали жить вместе. Они не хотели подчинять свою жизнь карьере друг друга и жили мирно. Но ответственность за семью беспокоила Виктора. То, что он всем сердцем принадлежал своим успехам, не давало покоя его совести. Не надо ли ему быть больше с семьей? Ведь может случиться так, что его мальчики будут знать отца только из газет и телевидения. С другой стороны, его влекла мечта о мировой славе артиста, и семья могла помешать его стремлению к этой цели. Все эти мысли теснили его, вызвали беспокойство и подавленность. Однако заботы о семье он отодвинул на второй план и стал размышлять о своей будущности артиста, решив, что ему нужно искать более сильный художественный образ, чтобы выступления его стали более напряженными, захватывающими, будоражащими публику. На беду, ему попала книжка о Распутине, шарлатане и "чудотворце" при царском дворе, очаровывавшем женщин и имевшем большое политическое влияние. Известный своей безнравственной жизнью, Распутин в конце концов пал жертвой заговора. Вся эта грязь не смушала Виктора. Мистицизм,

интриги, эротика и насилие - какое мощное соединение! И также добросовестно, с той же точностью, с которой он раньше создавал образ казака, теперь он продумывал новую роль. Он собрал книги о Распутине, рылся в архивах и библиотеках, просматривая документы и фотографии, касающиеся того исторического времени. Выписал все Библейские места, на которые опирался этот "проповедник" и "пророк". Узнав в какую одежду одевался Распутин, Виктор начал создавать эскиз нового костюма для представления. Он посещал православную церковь и изучал православную мистику.

Образ Распутина открывался яснее и яснее; это привидение в кровавой истории России завладело Виктором Клименко, и он старался вжиться в этот образ. А тем временем его ресторанные выступления проходили в старом стиле, только стали еще более дикими и буйными. Увлечение Распутиным привело к игре со смертью.

В программе одного из цирков Филяидии была русская рулетка. При исполнении весьма рискованного номера, оказалось, что в револьвере одного известного артиста была какая-то механическая неисправность, и он застрелил себя прямо перед публикой. Трагический случай произвел на людей страшное впечатление, о нем много писалось в газетах. Этот случай заинтересовал Виктора. Он встретился с вдовой умершего артиста и расспросил у нее о всех деталях, связанных с этим случаем. Он меньше всего думал о том, что женщины тяжело говорить на эту тему, да еще в подобном плане. Беседовал также со специалистами о разных типах револьверов. Постепенно у него появились новые номера.

Виктор достал легко воспламеняющуюся жидкость, похожую на виски. Он таил ее и пел, потом выпивал стаканчик этой жидкости и начинал тушить свечу, стоявшую в серебряном подсвечнике на круглом столе. Но свеча не потухала, а изо рта певца выходило длинное пламя огня. Публика выла от восторга и ужаса. Тогда Виктор вытаскивал из-за пояса большой револьвер, прикладывал к своему виску и нажимал на курок. Один, два раза. Нервы публики бывали натянуты до предела. Еще не забыли того артиста, для которого подобная игра стала роковой. Виктор как раз и стремился вызвать такое напряженное состояние. Он хотел, чтобы его игра со смертью выглядела вполне натурально. Потом в ресторане гасло все освещение, горела лишь одна люстра посреди сцены. Виктор пел свою заключительную песню в сопровождении оркестра, после этого снова вынимал револьвер и, целясь в механизм, державший люстру, стрелял. Одновременно он нажимал тайную кнопку, регулировавшую электрическую систему, и тяжелая люстра с грохотом падала на пол. В зале становилось темно. Истерические крики публики смешивались с бурными аплодисментами. Когда свет снова загорался, все видели весело улыбавшегося казака, который, гордо поставив одну ногу на упавшую люстру, приветствовал публику. Подобные номера он

выделявал не раз.

Когда восторженные крики смолкли и зал пустел, гасла профессиональная улыбка Виктора Клименко. Покидая зал, он один выходил на улицу, в темноту ночи.

Неожиданно Виктору пришлось поехать в Берлин. Лехнер, бывший менеджер Ивана Реброва, хотел повидать финского певца, чтобы обсудить условия работы с ним. Встреча состоялась в небольшом театральном ресторане. Лехнер оказался невысоким, уже лысеющим человеком, одетым весьма элегантно. Вместе с ним пришла Барбара, певица, полная светловолосая женщина, служившая переводчицей, потому что английский язык Лехнера был не лучше немецкого языка Виктора. Вскоре Виктор заметил, что Барбара была не только переводчицей, но и подругой Лехнера, и его правой рукой. Разговор продолжался несколько часов. Лехнер был очень доволен теми материалами, которые показал ему Виктор, и твердо верил, что он может иметь успех в Германии.

- Образ Ивана Реброва не достаточно мужественный. Мы создадим более мужественный образ. Люди должны будут увидеть, что ты любишь женщин, может быть, немного как Распутин, - сказал он мечтательно.

Виктор испугался. Он продвинулся довольно далеко в создании своего нового образа, но и не хотел говорить об этом до подписания контракта.

- Потом тебе придется расширить программу, - продолжал Лехнер. - Будешь петь немецкие народные песни. Может быть, петь и в церквях. Иван Ребров пробовал это с большим успехом.

- Нет, спасибо. Этот стиль не для меня. Я останусь при своих русских песнях. - Виктора злил этот разговор. Иван Ребров и Иван Ребров! Везде Иван Ребров!

- Публика подсказывает, что надо делать, ты это уж, наверное, знаешь, - сказал Лехнер и зажег сигару.

- Я казак, настоящий казак, и меня трудно переделать на другой лад.

- Посмотрим, посмотрим... Управляющий курил свою сигару, пил кофе. Барбара вынула из сумки зеркало и занялась косметикой. Решили, что Виктор останется в Берлине на несколько дней, - Лехнер договорился о пробном пении в том театре, где Барбара выступала в музыкальной программе; думал он устроить также встречу с телевизионным предпринимателем из Мюнхена. В назначенное время Виктор пришел в театр, но оказалось, что директор театра занят и пришлось договориться о новой встрече, хотя Виктору было досадно попусту терять время в Берлине. До новой встречи было целых четыре дня. Виктор решил поискать русские рестораны и послушать, какую музыку там исполняли. В одном из ресторанов был небольшой оркестр - орган, гармоника, скрипка и мандолина. Виктор был восхищен игрой

скрипача и несколько раз приходил в этот ресторан. Ему показалось странным, что все обращали на него внимание. Оркестранты в перерывах тоже смотрели на него. Виктор был одет в костюм казака, но, по его мнению, это не должно было обращать на себя внимание, тем более в русском ресторане. Однажды вечером, после того, как он выпил пару стаканчиков, ему надоело это пристальное внимание.

- Я покажу этим болванам, кто я такой, - бормотал он, - и пошел взять проспекты из своего портфеля. Он хотел бросить их на сцену, чтобы они узнали о финском казаке-певце и перестали смотреть на него, как на обезьяну в зоологическом саду. Виктор открыл портфель, но в нем не оказалось ни одного проспекта. Тогда он начал громко кричать:

- Кто украл?.. Где они?.. Кто украл?! Воры...

В глубине сердца вспыхнул красный свет. Нет, он не должен терять самообладания. Надо успокоиться.

Подошла сильно накрашенная девица и спросила, что случилось. Виктор взял ее руку, поклонился и сказал с издевкой на своем лучшем английском языке:

- Большое спасибо. Я не видел более красивой женщины. - Затем он повернулся к оркестру, который перестал играть и вновь смотрел на него, демонстративно плюнул и вышел из ресторана. Позже он узнал, что этот русский ресторан был тайным притоном. Этим и объяснились любопытные взгляды: всегда интересовались новым посетителем.

В другом русском ресторане он познакомился с Ивушкой, цыганкой из Одессы, выглядевшей утонченной аристократкой. Это была 47-летняя профессиональная певица, имевшая теперь собственный ресторан под названием "Ивушка". Она слышала о Викторе Клименко, и была рада познакомиться с ним.

- Жалко, что мой муж в отъезде. У него есть все ваши пластинки, он принадлежит, наверное, к самым большим вашим поклонникам.

Теплые слова согрели Виктора. В Берлине конкуренция среди артистов была очень большой и никто не поворачивался на улице, чтобы посмотреть на Виктора Клименко. А он не привык жить так, чтобы его не знали.

Ивушка предложила выпить, и они просидели вдвоем за столиком до позднего вечера. Эта певица раньше жила в Болгарии. Друзья пригласили ее сюда, сказав, что с ее голосом в Берлине можно заработать целое состояние. Но все оказалось по-другому.

- В Болгарию я была "звезда", а здесь я оказалась в сточной канаве, сказала она горько. - Я живу здесь пять лет, а успеха и славы нет и в помине, и существую только благодаря моему ресторану.

- Ну, а разве нельзя вернуться в Болгарию? - удивился Виктор. Ему было очень жаль эту милую женщину.

- Нет! - усмехнулась она. - Я уехала, решив стать мировой знаменитостью. Как же я могу вернуться проигравшей?

Ивушка пела только в своем ресторане, но как она пела! Ее оперный голос наполнял зал, и ее горячий темперамент зажигал сердца. Ее пение произвело на Виктора сильное впечатление.

- Если немцы не заметили тебя за эти пять лет, может быть, они заметят и оценят тебя позднее, в будущем? - сказал Виктор, стараясь ободрить Ивушку. Но она разочарованно махнула рукой.

- В сорок семь лет уже невозможно равняться с молодыми красавицами. Одного голоса не достаточно, - сказала она с горькой улыбкой.

Разговор с Ивушкой сильно повлиял на Виктора. Он подумал, что с ним может случиться нечто подобное. Чем гнаться за огромными заработками и потерпеть крах в этой негостеприимной Германии, может быть, лучше работать у себя на севере и довольствоваться тем, что есть? Но все же он решил попробовать и, как было условлено, пошел в театр.

Сцена была приготовлена для прослушивания - пианино выдвинуто вперед, пианистка, маленькая японка, сидела на стуле. Когда Виктор подошел к ней, она встала и вежливо поклонилась ему. Она плохо говорила по-английски и была очень смущена. Виктор дал ей ноты. У них было несколько минут для упражнения. Она никак не могла найти верный ритм, и Виктору оставалось только надеяться на лучшее. Вскоре в зал вошли два господина и сели в пятом ряду. Поскольку освещена была только сцена, их лиц не было видно. Один спросил по-немецки:

- Что будем слушать?

- Я думал спеть некоторые отрывки из известного американского мюзикла "Жизнь", - ответил Виктор Фигурам, и дал знак пианистке. Пел он вяло, а пианистка не способствовала уверенности певца. Когда он закончил, послышался вопрос:

- Что будем слушать следующее?

Виктор спел русский романс. Бедная пианистка не привыкла к такой музыке и играла в некоторых местах неправильно. Ему сказали, что достаточно. Виктор чувствовал, как пот выступил на его лбу. Это было хуже, чем он ожидал. Когда последние звуки стихли и тишина наполнила почти пустой театр, Виктор ждал, что его судьи встанут и что-то скажут. Но они продолжали сидеть, и опять из пятого ряда спросили:

- Ну, а еще?

Виктор приготовился петь только две песни, а тут просят еще. Он вытащил из портфеля ноты песни "Волга, Волга", которые смутили японскую девушку еще больше, чем прежние. Виктор пел, но знал, что пел плохо.

В это время невидимые фигуры встали и поднялись на сцену. Они оказались весьма приятными людьми, и скоро все оживленно разговаривали о берлинской театральной жизни. Они сказали, что были

в Финляндии, и посещали также Иматру.

- В этом городе я выступал, - сказал Виктор. - Представление называлось "Стой, мир!". Оба директора заинтересованию переглянулись.

- Вы играли в театре?

- Да. В сущности, я больше актер, чем певец, - сказал Виктор, чтобы немного покрыть свою неудачу в пении.

Директор театра и его помощник сняли свои пальто.

- Что они собираются делать? - спросил Виктор Лехнера.

- Они хотят, чтобы ты спел что-нибудь из пьесы: "Стой, мир!".

- У меня нет с собой этих нот. - Виктор заволиновался и пробормотал несколько финских ругательств. Пропадет ли у него эта возможность только потому, что у него не было нот и был плохой аккомпаниатор?

- Успокойся, может быть, они согласятся и без пения, - утешал его Лехнер, - и начал рассказывать им об удивительном музыкальном таланте Виктора Клименко. Он говорил все, что знал, и даже немного больше.

В конце концов Виктор подписал предварительный контракт, по которому Лехнер имел право заключать договора с театрами и получать пятнадцать процентов от всех доходов. Этот контракт не особо радовал Виктора, да он и сам не знал, чего хотел. Слава мировой звезды по-прежнему манила его, но и наводила страх. Но больше всего его угнетало чувство пустоты и бессцельности существования.

ГЛАВА 14

Девятого июня 1979 года Виктор Клименко проснулся от пения птиц, доносившегося через открытое окно. Он повернулся на постели и посмотрел на Айрис. Она спала и ровненько дышала. Шестилетний Тарас спал рядом с младшим братом Тодором на полу, на матрасе, что-то бормоча во сне.

Семья Клименко гостила у друзей недалеко от Парижа. Они поехали на автомобиле на месяц в отпуск в среднюю Европу. До конца отпуска оставалось еще несколько дней. Айрис и Виктору надо было вернуться в Финляндию на работу. Они планировали погостить немного у подруги Айрис в Лозанне, в Швейцарии. Виктор разбудил жену.

- Проснись! Нам надо собираться, если хотим доехать до Лозанны, пока не очень жарко.

- Мм... который час?

- Половина восьмого.

Выехать рано не удалось, и семья Клименко осталась обедать у своих друзей. Глава семьи Пьер, который поехал утром в город, к двум часам дня вернулся домой. К этому времени серая машина "Волво-343" была нагружена, и семьи тепло попрощались.

Выезжая из Парижа, Виктор и Айрис обменивались впечатлениями о Париже. Виктор мечтал жить там со своей семьей. Париж был

хорошим трамплином для карьеры мировой звезды. И ему была предоставлена некоторая возможность. Молодая управляющая Даниеле устроила ему контракт на год с рестораном "Лаврентия". Владельцы этого ресторана были также владельцами знаменитого ночного клуба "Лидо", в котором Виктору очень хотелось выступать. Договор в "Лидо" - и дверь в широкий мир открыта. Этот летний визит в Париж, помимо отдыха, дал пищу для всевозможных планов.

День получился труднее, чем предполагали. На карте путь из Парижа в Лозанну казался очень коротким, и они решили ехать по проселочным дорогам, чтобы избежать шума и пыли главных дорог. Но вскоре они горько раскаялись в своем выборе. Несмотря на хорошую вентиляцию в автомобиле, жара была невыносимой. Работая на полную мощность, машина с трудом взбиралась по извилистой альпийской дороге. Глазам путешественников открывался удивительный ландшафт, но мальчикам, сидевшим на заднем сидении, скоро надоело смотреть в окно, и они начали капризничать. Дороги расходились в разные стороны и нелегко было сообразить, какую выбрать. И когда им навстречу из-за поворота выскочил грузовик, то путешествие по узкой альпийской дороге, где с одной стороны был глубокий обрыв, вовсе не показалось им таким уж романтичным.

Жара усиливалась, и настроение путешественников становилось все мрачнее. Айрис и Виктор, утомленные жарой, никак не могли решить, по какой дороге ехать и где остановиться на отдых. Было душно, как перед грозой. Расстояния, которые на карте выглядели совсем короткими, казалось, не было конца. Мальчики проголодались, но в полдень все рестораны были закрыты. Они не сумели доехать до Лозанны к намеченному времени.

Грозы так и не было, и жара не спадала. С опозданием на несколько часов, они все же добрались до швейцарского городка и по адресу нашли подругу Айрис, которая тоже была стюардессой. Она их уже давно ждала.

После ужина Айрис беседовала со своей приятельницей в большой светлой кухне. Мальчики рассматривали картинки в журналах. Виктор был в плохом настроении после трудной поездки, а тут разговор шел без него, и он чувствовал себя оставленным. Тарас и Тодор очень устали и Айрис попросила Виктора уложить их спать. Тарас заснул сразу, а Тодор просил то одно, то другое. Виктор присел возле малыша, стараясь его убаюкать. Наконец, он уснул.

Виктор тихонько вышел, сел в мягкое кресло в гостиной и стал читать газету.

Через несколько минут из комнаты мальчиков послышались голоса. Виктор прислушался. "Ведь Тарас уснул еще раньше, чем Тодор, почему же они разговаривают?" - удивленно подумал Виктор. Он положил газету и пошел в комнату, где спали мальчики. Он решил сказать им, чтобы не разговаривали, а спали.

Однако в комнате было тихо и темно. Виктор не видел мальчиков и не хотел включать света, чтобы не разбудить их окончательно. Он слегка отодвинул штору. Тарас крепко спал, но младший сидел на кровати и, увидев отца, начал говорить каким-то странным, очень уверенным голосом, будто говорил кто-другой:

- Финны и русские нападут на Норвегию.

Виктор застыл от изумления.

- Кто нападет на Норвегию? - переспросил он автоматически.

- Финны и я. Там высокие стены и на стенах высокие башни.

Взобраться туда невозможно.

Виктор понял, что речь шла о северной Норвегии. Тодор продолжал:

- И потом норвежцы воевали с норвежцами.

- Что ты сказал, Тодор? Ты имеешь ввиду русских и финнов, воюющих против норвежцев?

- Нет, норвежцы разделились на две части и воевали между собой. На одной стороне были те, которые были как будто русские. И они жестоко боролись между собой. Там были и финны, их всего-то было двадцать человек, а норвежцев - десять миллионов. Финны были крепкие парни. Между этими двумя группами появлялись шведы, они пригибались, но мы разбили их в лепешку, - сказал мальчик и утих, а потом добавил:

- И Бог помог нам.

Виктор испугался за ребенка, но в то же время и речь, и поведение сына были вполне нормальными. На вопросы он отвечал ясно. Виктор спросил:

- Где ты видел Бога?

- Он был на облаке и сошел оттуда вниз и помог нам. Он был хороший. А потом все умерли, и дети, и все...

- Разве Финляндия не с Россией воевала? - спросил Виктор.

- Нет, русские пришли сюда воевать с норвежцами. Все страны, которые граничат с Советским Союзом, очень плохие. Теперь я хочу еще посмотреть сон. - Мальчик лег и сразу заснул, а Виктор вышел из комнаты, весьма смущенный. Он слышал разговор и смех женщин и подумал, что нет смысла рассказывать им об этом. Он стал искать бумагу и карандаш. Найдя несколько листов смятой бумаги, он подробно записал все, что говорил Тодор.

Через некоторое время Виктор вернулся в комнату и разбудил Тодора. Но мальчик не спал, и снова кто-то другой говорил его устами:

- Вот, теперь мы бросаемся на валы русских, потому что они злые. Это ничего, папа, что и ты русский. Но я больше не могу говорить об этой войне, и я больше не хочу смотреть этот ужасный сон. Я хочу теперь спать. Спокойной ночи, папочка!

Тодор повернулся на бок и спокойно уснул. Виктор удивился, что мальчик действительно спал крепко и спокойно. Он погладил сына.

потом вышел из комнаты и снова записал все, что он говорил.

Что все это значит? Мог ли он где-то слышать об этом? Каким образом он так точно описывал ландшафт и события? Ведь ему только четыре с половиной года! И что за удивительная уверенность в его словах! Как мальчик мог различать страны и их действия? Он никогда раньше не говорил ничего подобного, никогда, не употреблял таких слов. Дома вообще не говорили о политике и, конечно, понятия не имели о том, что Советский Союз собирается захватить Норвегию. К тому же Тодор не получил религиозного воспитания и ничего не знал о Божьей помощи. Более всего Виктора удивляло то, что все это страшные вещи, - война, кровь ничуть не пугали малыша, наоборот, он утешал отца.

Когда семья вернулась в Хельсинки, Виктор спрятал записи; Айрис он так ничего и не сказал. Постепенно жизнь вытеснила из памяти это событие, и он почти забыл о нем.

ГЛАВА 15

Виктор Клименко, известный артист, танцующий и поющий казак, многие годы очаровывал публику своими виртуозными номерами и могучим голосом, но публика, которая любила артиста, не знала другого Виктора Клименко, проваливавшегося иногда в бездну ужаса и отчаяния от мысли о будущем. В такие минуты он хотел оставить эту бурную и бессмысленную жизнь, но как освободиться от глубоко укоренившихся привычек?

По вечерам он развлекал публику в кабаках, а днем искал тишины в церквях, и мечтал, что когда-нибудь будет петь под их сводами. Часто он страшился самого себя, в нем жили как бы два человека, и он глубоко чувствовал это раздвоение.

В те годы финские газеты много писали о благословенном проповеднике Ниило Юли-Вайнио. Телевидение сделало целую программу об этом человеке. Тысячи людей приходили на собрания, чтобы послушать его проповедь. Потом он молился за больных, и многие исцелялись.

Виктор заинтересовался и пошел в Массовый центр, где происходило собрание. Чтобы не привлечь к себе внимания, он спрятался за сценой. Проповедник, средних лет человек, просто одетый, казался ничем не примечательным, но Виктора поразило его выступление. Какой контакт с публикой! Он рассеянно слушал проповедь и, может быть, поэтому многого в ней не понял, но внимательным взглядом артиста он наблюдал каждое движение, каждый жест этого человека. Убеждая себя, что пришел сюда, чтобы почерпнуть что-либо для образа Распутина, он таил глубоко в сердце надежду на перемену жизни.

Потом Виктор пошел в палаточное собрание пятидесятников в

пригороде Хельсинки, где присел на скамейку, стараясь остаться незамеченным. Ему тут не понравилось: слишком легко относились к святым делам и много говорили о пожертвованиях. Девочка, сидевшая на скамейке впереди, обернулась и протянула Виктору открытый песенник. Он смутился, потому что не собирался вместе со всеми петь об Иисусе. Все же песенник взял, прочитал текст, и на душе потеплело. Он просматривал песенник и боялся, что девочка заберет его; это был привет из другого мира, куда в тайне своего сердца он желал попасть.

После собрания девочка повернулась к нему и улыбнулась. Виктор осторожно сказал спасибо, вернул песенник и выскользнул из палатки.

В эти дни он вынул из своего почтового ящика сообщение на бандероль. Виктор пошел на почту, получил пакет, но там не было имени пославшего. В пакете лежала красивая Библия в кожаном переплете и на нем золотыми буквами стояло: "Виктор Клименко". Имени пославшего не было, но на титульном листе было написано: Псалом 138. Кто-то заботился об его душе! Виктор пробежал глазами этот псалом, но вникать не стал. Ему надо было готовиться к поездке в Париж, и он старался отодвинуть подальше другую жизнь, которая постоянно давала о себе знать. Эта другая жизнь могла и подождать, когда перед ним приоткрывались двери на пути к международной карьере, и он считал, что ему надо обивать порог этой двери, чтобы она распахнулась перед ним. Он сказал себе, что не будет обращать внимания на смутные и путанные чувства и мысли о будущем, волновавшие его. Из Германии пока не было никаких вестей, но открылась надежда на договор в Париже.

Сразу же после Рождества Виктор Клименко со своим небольшим оркестром приехал в столицу Франции. Сама мадмуазель Даниеле, энергичная дама в строгом сером костюме, и с портфелем, как коммерсантка, встретила их в аэропорту и отвезла в гостиницу. На следующий день им предстоял обед с директором ресторана "Лаврентия", месье Симоном.

Это был дружелюбный, приветливый человек, и обед прошел непринужденно. Директора развеселила одежда Виктора, сделанная для роли "Распутии - Раввин": длинное до пола, пальто, а на голове красивая раввинская шапка.

- Ох, да ты в самом деле выглядишь как раввин, - смеялся месье Симон.

Сам он был евреем лет под шестьдесят, родители которого уехали когда-то из Советского Союза. Он хорошо говорил по-русски, любил русскую народную музыку и горячо одобрил программу своего нового артиста.

- Если ты будешь петь в моем ресторане так же хорошо, как на пластинках, успех гарантирован!

Виктор напрягся, когда этот человек сравнил его с Иваном

Ребровым, но тот добавил:

- Это немецкий фальшивый казак, его песни меня не трогают, но твои песни идут прямо в сердце.

Месье Симон пригласил Виктора посетить представление в знаменитом "Лидо" в этот же вечер, сказав, что директор ночного клуба примет их до начала представления, чтобы обсудить возможность заключения контракта.

После обеда к Виктору в гостиницу пришел капельмейстер из "Лидо", работавший там уже сорок лет и попросил дать ему пластинки, видеофильмы и ноты, чтобы представить себе, что финский артист мог ему предложить.

Вечером Виктор, слегка волнуясь вошел в канцелярию могущественного директора "Лидо". Он знал, что этот человек один мог решать судьбы актеров, и не каких-то второстепенных, но и звезд.

Пол в большой комнате был устлан восточными коврами, на стенах висели картины в темных деревянных рамах, мебель массивная, обитая кожей. За огромным столом сидел человек весьма живописной внешности: крупный, с горбинкой, нос, густые волосы, уже седые на висках, на руках тяжелые золотые кольца, взгляд живой, быстрый. Когда он улыбался, блестели золотые зубы. Он встал и широким жестом указал рукой на кресло:

- Добро пожаловать в "Лидо"!

Разговор он начал по-английски. Сказал, что получил положительные сведения о Викторе Клименко и его программе. Если новогоднее выступление в ресторане "Лаврентия" будет удачным, тогда двери на сцену "Лидо" открыты.

- Договор мы заключаем на два или три года, - сказал директор. Виктор удивился - подобные договоры никогда не заключались больше, чем на несколько недель. Он спросил, возможно ли это?

- Возможно! - был ответ, - у нас хорошее место, мы много вкладываем в дело и хотим иметь результаты.

Виктор знал, что оплата в "Лидо" довольно низкая. В северных странах за один вечер он мог заработать столько же, сколько в Париже платили за целую неделю. Но до того, как Виктор спросил об этом, директор сказал:

- Мы платим мало, но у нас большие возможности. Ты можешь странствовать по миру с нашими поездками - и в Токио, и в Лондон, и в Лас-Вегас, и куда хочешь. Позже, некоторые артисты, работающие в Париже, говорили ему, что тот, у кого контракт с "Лидо", имеет и возможность, и время выступать и в других местах.

- Способен ли ты работать в коллективе?

- В этом нет проблемы. Я работал в театре.

- Хорошо. Взаимодействие очень важно. Мы не строим планов в расчете на одного великого артиста. Каждый артист является составной частью большой машины, и она должна быть хорошо

слажена.

Виктор пожал руку директора и вышел из канцелярии. И так, новогоднее выступление в ресторане "Лаврентия" послужит ему пробой в "Лидо", - какое будущее открывалось ему! В то же время Виктор видел уже много невыполненных обещаний, много неисполнившихся планов, хорошо понимал, с кем имеет дело. Радоваться преждевременно не следует.

Выступление Виктора Клименко и его музыкантов в праздничном представлении в ресторане "Лаврентия" прошло с большим успехом. Шампанское лилось рекой. Элегантные дамы в длинных платьях и мужчины в смокингах поздравляли с Новым годом одетого во все белое Виктора, благодарили за его песни, полные глубоких чувств. Месье Симон был очень доволен.

В Париже Виктор и его оркестр выступали также в некоторых маленьких ресторанах. Мадмуазель Даниеле уставала эти выступления, чтобы познакомить Виктора с развлечениями Парижа, а также представить его публике. Виктор уже знал этот мир, в котором царила жестокая зависть и конкуренция. Это угнетало его. Артисты, выступавшие в маленьких ресторанах постоянно, не хотели гоним в них популярных артистов, любимцев публики. Когда выступления Виктора награждались громкими аплодисментами, постоянные артисты ресторана не аплодировали. Виктор слышал, как одна артистка громко спросила метрдотеля:

- Пьер, кто такие эти актеры-любители?

Виктору это было неприятно. Он не хотел никому доставлять огорчений.

Дни в Париже были заполнены работой, а свободное время он проводил, выступая в ресторанах и других местах развлечения. Благодаря Даниеле, он завел множество связей и был принят в салонах, где собиралось разнообразное общество. Там лилось вино, смех был громче звона стаканов и звуков оркестра. Это был внешне блестящий мир, полный привлекательных женщин, веселых мужчин, разных артистов и всяких легкомысленных людей. Там жили сегодняшним днем, никто не хотел думать о том, что будет завтра.

Виктор мечтал о такой жизни уже много лет: жить среди артистов где-то в столице, блистать в веселом обществе. Но теперь он заторосковал. Стоило слегка цапнуть золотую поверхность, чтобы увидеть подделку. Как хорошо он понимал это!

Много раз Виктор выслушивал рассказы разочарованных артистов, которым не удалось стать знаменитыми; единственной наградой за их труды многих лет были разбитые мечты. Артистов постарше вытесняли более молодые, и это вызывало горечь и озлобление. Они жаловались каждому, кто хотел их слушать, на свое положение. Но те, кто имел успех, им вовсе не сочувствовали; напротив, цинично чалились именно перед этими разбитыми и разочарованными людьми. В

отношениях не было никакого тепла, никакой доброжелательности, никакого снисхождения, и Виктору было там очень одиноко и неуютно. Все же он еще не хотел оставить свою мечту о великой международной карьере, о сцене в "Лидо" и о широкой дороге в мир. Нет! Пока еще нет!

Сразу после Нового года Виктору дали прочитать договор, и Даниеле ждала от него ответа, чтобы он дал ей полномочия продолжать совещания с "Лидо". Виктор еще не успел дать ответа, как она позвонила ему в гостиницу очень взволнованная.

- Виктор, давал ли ты мадам Ричарде право устраивать твои связи с "Лидо"?

Он знал, что мадам Ричарде имела большую фирму и устраивала дела артистов, но у Виктора не было с ней никакого разговора. Он объяснил это Даниеле и спросил, что случилось.

- Прошлой ночью мне позвонил мужчина, который представился месье Паулом. Он кричал и ругался и велел мне оставить тебя в покое, потому что у мадам Ричарде будто бы есть на тебя право. Он угрожал, что если я не уберу от тебя руки, то мне будет худо.

- Уверяю тебя, что я даже не беседовал с мадам Ричарде. Право совещаться с "Лидо" принадлежит тебе.

- Я готова написать новый договор и дать тебе лучшие условия.

- Мы можем советоваться о деталях, если ты хочешь, но поверь, я не собирался подписывать договора ни с кем другим. Мадам Ричарде - обманщица.

Голос Даниеле дрожал, ей было трудно говорить.

- Я не понимаю, каким образом этот Паул достал мой личный номер телефона, - сказала она, - ведь он же в секрете.

- Ну, это еще ничего не значит.

- Виктор, тут мы не в Хельсинки. Если за этим стоит "Ле-Милиу", то я могу иметь большие неприятности.

Виктор не знал, что и думать. Какой интерес он мог представлять для мафии? Разговор с Георгом Третьяковым, его новым приятелем-артистом, русским по происхождению, происшедший через несколько дней, заставил его призадуматься. Георг Третьяков уже долго жил в Париже. В свое время он путешествовал с Иваном Ребровым, сопровождая его на балалайке.

Был полдень, они сидели в маленьком кафе в центре города. Виктор рассказал ему об этом странном разговоре. Третьяков сказал, что знает этого субъекта. И тут речь шла не о каких-то мелочах, а о том, чтобы остаться живым в этих джунглях. Виктор с удивлением спросил, зачем он нужен мафии.

Георг Третьяков пожал плечами.

- Почему же нет? "Ле-Милиу" держит многое в своих руках, и ворочает большими деньгами.

Виктор понял, что мадмуазель Даниеле испугалась не напрасно.

- Я только знаю, - продолжал Георг Третьяков, - что в этом городе можно избавиться от человека. За две тысячи франков можно нанять убийцу. И я слышал, что имя месье Паула часто упоминалось в связи с мафией.

Виктору вдруг стало скучно и захотелось домой в Хельсинки. Он вспомнил свой дом на берегу моря, Айрис, мальчиков и спокойных соседей. Что он здесь делает? Зачем ему эти огорчения, зло, ссоры, да еще угрозы мафии и страх за свою жизнь... Вот к чему он пришел! Стоила ли международная карьера той цены, которую надо платить за нее? Не будет ли он в старости изливать свою душу первому встречному? Он заплатил, попрощался и, плотнее запахнув свое пальто, пошел в гостиницу.

Живя в Париже, Виктор познакомился со многими русскими артистами, жившими во Франции. Однажды, когда он сидел с одним из них в русском ресторане, к нему подошел среднего возраста худощавый человек с длинными волосами и в больших очках. Он весело сказал:

- Я знаю тебя. Ты мой самый большой соперник, потому что тебя очень любит моя жена. - Он дружески хлопнул Виктора по плечу.

Это был Миша Шемякин, художник из Ленинграда, который теперь жил в Париже. Он пригласил Виктора к своему столу и представил его сидевшим там художникам. В их числе был также американский управляющий Миши Шемякина. Этого ленинградского художника очень уважали в США.

Американцы не умные, - сказал Миша. - Я продал недавно в Нью-Йорке маленькую картину за двадцать две тысячи долларов. Это, конечно, хорошо для меня, потому что теперь я могу предложить вино всем моим друзьям! Я рад видеть тебя, Виктор! Теперь ты можешь пить нам здесь в ресторане, а потом я прошу придти ко мне домой, чтобы моя жена могла увидеть своего дорогого казака!

Виктор не хотел огорчить певцов этого ресторана, и они перешли в другой ресторан, где были благодарны за бесплатное выступление. Виктор хотел сбросить с себя все неприятные чувства последних дней, и позволил водить себя из одного ресторана в другой. Когда он вернулся в гостиницу, было четыре часа утра. Он упал на постель, не раздеваясь, и в ту же минуту уснул.

Миша сдержал обещание и пригласил Виктора в свой шикарный дом, где у него было ателье. Он рассказывал о жизни парижской художнической общины и о своих стремлениях сохранить стиль русской старины. Виктор слушал его и смотрел на картины, которыми были завешаны все стены. Знакомство с Мишей Шемякиным сохранилось в его сердце, как одно из самых светлых впечатлений парижской жизни.

Виктор Клименко вернулся в Хельсинки с блестящими планами на будущее, но усталым и внутренне пустым. Парижские недели

казались чем-то нереальным. Он чувствовал себя у входа в темный тоннель. Увидит ли он свет, пройдя этот тоннель?

ГЛАВА 16

Виктор Климченко получил счет от налоговых властей, которые оценивали его доходы как артиста. Он требовал огромную сумму денег. Одновременно с этим ему пришла в голову мысль, как и чем он будет расплачиваться за свою многолетнюю артистическую жизнь. Этот внутренний счет казался ему не менее тяжелым.

Жизнь в Париже оказалась той каплей, которая переполнила чашу... Ни желания работать, ни радости от работы - все исчезло в тумане равнодушия. Виктор всегда был полон идей, его знали как создающего артиста. Теперь вместо творческого горения он ощущал все парализующий ужас. Сил продолжать жить так, как он жил до сих пор, больше не было, но, как изменить свою жизнь, он не знал.

Ревизоры, занявшиеся его счетами, были убеждены, что Виктора должны привлечь к суду. Если его заставят платить требуемую сумму, ему не на что будет содержать семью.

Угрюмая мысль не давала покоя: закончить бы эту жизнь... Одинокими вечерами он сидел в клубе и думал, придумывая способы бегства от жизни. Но вот наступал новый день, он слышал веселые голоса своих мальчиков, и ему хотелось быть им хорошим отцом, а жене хорошим мужем. Как прекрасно было бы жить для них, а не для машины развлечения.

В то утро Виктор сидел за столом в кухне с газетой и чашкой кофе. Он обратил внимание на статью под заголовком: "Что такое шизофрения?" и начал ее читать. Один психиатр описывал различные признаки этой болезни. Виктор забыл про свой кофе и взял карандаш, чтобы прочесть статью более внимательно. Он подчеркивал те места, где описывались признаки, которые он находил у себя. Он ужаснулся от того, что прочитал: он был психически болен, у него была шизофрения.

На память пришел разговор с Богом в трамвае. Он помнил, что возвращение будет трудным, и он потеряет все свое имущество. Тут всплыла в памяти другая картина: дома, в Лохья, в комнате, где проводилось собрание, стоит брат и читает: "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?" Он совершенно ясно вспомнил это слово из Библии.

И вдруг Виктор четко ощутил, что настал час расплаты. Он упал вниз. У него отнимается имущество. Он потерял и мир, и свою душу. И... вдобавок эта болезнь.

Следующие недели были непрекращающимся мучением. Виктор все же выступал, потому что у него были договоры. На сцену шел

неохотно. Благодаря многолетнему навыку, программу исполнял профессионально, но без всякого энтузиазма.

В концертном доме в Стокгольме давали большой благотворительный концерт. Его устроил Красный Крест для помощи пострадавшим от бедствия в Юго-восточной Азии. В нем принимали участие многие выдающиеся артисты. Это был блестящий праздник. Впервые за долгое время Виктор оживился, чувствуя, что его выступление имело какой-то смысл.

В Хельсинки он предложил свое сотрудничество детскому фонду Организации Объединенных Наций. Он составил особую программу пластинок, чтобы часть дохода от ее продажи пошла на помощь детям развивающихся стран. В одной папке у него были материалы для новой роли Распутина, а в другую папку он собирал кое-что для концертов в церквях.

Но эта статья в газете! Она заслоняла все. Он был болен шизофренией! По ночам он записывал свои беспорядочные мысли, искал себя, старался представить себе свою будущность, и это истощало его последние силы. Днем он читал то, что написал ночью и старался анализировать записи, но не находил в них никакого смысла и никакой взаимной связи; все было тьмой и отчаянием. А внешне жизнь протекала по-прежнему: он планировал свою будущую карьеру и старался быть дальновидным. Подолгу сидел в библиотеках, и делал выписки. В судьбы он не верил и поэтому старался обдумывать все самостоятельно, даже и в кризисе. Ему нужно было время, чтобы спокойно разобраться в своей жизни. Он не хотел топтаться на одном месте, чувствуя себя полуживым, он хотел найти правильный курс и пойти вперед. Но до этого надо было войти в себя и привести все в должный порядок.

Виктор собрал все документы и при помощи калькулятора проверил состояние своих финансов. Счет налоговых властей был бессмысленно велик, но в его распоряжении еще было время до того, как его семья начнет страдать, оставшись без денег.

Но что же ему делать со своей болезнью? Виктор знал одного психиатра, который был женат на артистке. Семья их были знакомы. Он позвонил Антти Репонену. Ритва, его жена, ответила, что его нет дома.

Виктор сказал, что звонит по делу и просил разрешения позвонить еще раз.

Надо ждать и ждать! Как долго он еще может ждать? А если болезнь начнет развиваться с такой скоростью, что он потеряет способность контролировать свои дела? Что тогда? Не попадет ли он в психбольницу?

Через три дня Виктор застал Антти Репонена и сказал, что хочет поговорить об одном важном деле.

- Возьми с собой Айрис и приходите к нам в субботу.

- Спасибо, но у меня срочное дело.
- Ты хочешь придти сейчас?
- Да, у меня проблема... нервы...
- Ты хочешь придти на прием?
- Да, и чем скорее, тем лучше.
- Приходи завтра.

Приемная врача находилась на окраине Хельсинки и выглядела весьма роскошно. Впервые Виктор видел Антти Репонена в белом халате. Они сердечно приветствовали друг друга, и Виктор опустился в удобное кресло. Нервы его были напряжены. Неприятно быть пациентом. Белый халат врача напоминал о больнице. Кто это сидел за столом, Антти или же доктор Репонен?

- Твои нервы стали беспокоить тебя, так ты сказал по телефону?
 - У меня есть проблемы, с которыми я не могу справиться своими силами. - Виктору не хотелось быть пациентом, он пытался вести разговор не как с врачом, а по-приятельски. Вот только этот белый халат...

- Ну, говори. Чем я могу помочь тебе?

И Виктор рассказал, как он разрывается между семьей и профессией, о том, что потерял контакт с Айрис и мальчиками, потому что его профессия требовала от него все больше сил и совсем поглотила его. Он говорил о чувстве вины перед ними и уже думал оставить их совсем и сосредоточиться на международной карьере. Говорил об угрызениях совести, о чувстве бессмысленности и потухшей созидательности, о страхе перед будущим, и о многих других своих мыслях и чувствах.

- Я живу и продаю людям только иллюзии. Я сам уже не могу жить среди этих иллюзий, и не могу больше оставаться ненадежным мужем и отцом. Кого я оставляю? Кем пожертвую?

- Мне надо проанализировать то, что ты рассказал. Приходи на прием через некоторое время, и потом решим, что делать.

Они договорились о времени следующего визита. Виктор попрощался, сел в свою машину и поехал домой. Никакого совета, никакой медицинской помощи... Но все же хорошо, что он смог поделиться с кем-то своими переживаниями.

Виктор несколько раз ходил на прием к Антти. Но однажды он сказал:

- Несмотря на то, что я принимаю тебя как приятеля, по сниженной цене, твои частые посещения будут стоить тебе очень много, и, по моему мнению, они даже не нужны.

- Так я не шизофреник?! - Антти Репонен улыбнулся и покачал головой.

- Нет, Виктор. Существует четкая граница между болезнью и здоровьем. Ты или болен, или здоров. Я не могу оказать тебе никакой медицинской помощи, потому что ты не болен. Я бы даже сказал, что

твоя сила в отношении душевных стрессов лучше, чем нормальная.

- Ну, а чувство виновности?

- У тебя есть проблемы, но это не то же самое, что психическая болезнь. Тебе надо возгревать свой эгоизм. Артисту надо быть себялюбивым, это способствует его карьере. Я ведь женат на артистке, так что я это знаю.

- Но я совсем кончен. У меня больше нет ничего, чтобы быть артистом.

- О, нет! У тебя впереди блестящая карьера на сцене, если только ты забудешь свою виновность и станешь супер-эгоистом. У тебя дело пойдет хорошо, я в этом уверен.

Виктор не мог согласиться с мнением своего друга-психиатра. Он был эгоистом уже много лет и ставил свою карьеру выше всего другого. Но теперь он хотел истребить свою прежнюю жизнь. Он устал от роли казака Виктора Клименко. Он, конечно, казак, но играть эту роль ему было противно. Он ненавидел себя на сцене, ненавидел свою роль. Теперь ему советовали еще больше любить себя. А как же Айрис? Как мальчики? Они уже много потерпели от его эгонизма.

Психоанализ был последней надеждой. И он не помог. Сделайся супер-эгоистом! Этот совет страшил его. Одна мысль об эгоцентричности, управлявшей его жизнью много лет и причинявшей так много вреда другим людям, отталкивала его.

Чувство виновности перед Айрис и детьми сделало его раздражительным в отношении с ними. Не их ли это вина, что теперь он страдал от угрызений совести? Не жена ли давала ему то удобное чувство безопасности, которое он и благословлял, и проклинал? Не его ли семья предоставляла ему покой, вдохновение, но в то же время и закрывала дорогу к международной карьере?

Нет, психиатр ошибся, он был шизофреник! Теперь не осталось ничего! Ему терять нечего! Он сделал еще один шаг по направлению к самоубийству.

Приближалась Пасха, солнышко стало греть больше, дни стали длиннее, вода капала с крыш. Но Виктор этого не замечал, он жил, как в аду, с усилившимся чувством вины, окончательно заблудившись. По ночам он не мог спать. Часами сидел перед каминным на нижнем этаже с бутылкой коньяка, с карандашом и бумагой. Он пил, не хмелея, подолгу задумывался, без всяких мыслей, работал, но не имел никакого результата.

Иногда мысли вторгались, как молнии, он записывал их трясутся рукой и опять погружался в тьму ужаса. От невыразимой тоски выступал холодный пот, одежда прилипала к телу и, казалось, пахло смертью. Надо кончать. Но как? Перерезать себе вены? Принять большую дозу снотворного? Будет ли это концом всего? А что там, за гробом? Он чувствовал себя сидящим в уютной лодочке посреди моря. И кто бы потянул его к берегу?

Он боялся и смерти, и жизни. Если на другой стороне ад, тогда самоубийство не принесет никакого освобождения. В конце марта муки стали так сильны, что, казалось, готовы были задушить его.

Какой-то голос все время советовал: "Покончи с собой, покончи с собой". Кто мог советовать такое? Бог? Нет, Бог такого не может советовать. Виктор это знал. А есть ли Бог? И он спрашивал: "Кто ты? Ты сатана? Да?" Но если сатана действует, значит и Бог есть? А голос говорил: "Ты же видишь, что небо закрыто. Твое время упущено. Убей себя и обрешь мир!" Тут Виктор ощутил беспросветный ужас и полную растерянность. В собственном его доме невидимые силы мучили Виктора, и он с воплем молился, прося помощи у Бога. Но небо молчало, а он продолжал звать на помощь Бога, который когда-то сказал ему, что путь обратно к Нему будет очень трудным. Бог имел Свой план на жизнь Виктора, но до сих пор он должен был только ждать. Не слишком ли поздно теперь? Не слишком ли долго он гневил Бога? Может ли он надеяться теперь на милость Бога? Милость, милость, милость... Вот в чем он нуждался.

Ужас сжимал голову железным кольцом. Стены валились на него и замочная скважина казалась ужасным жерлом, готовым проглотить. Тьма наполняла душу. "Я сошел с ума. Завтра придут за мной и заберут в сумасшедший дом", - думал Виктор.

Внутренняя мука была так страшна, что он дал бы отрубить себе руку, если бы это помогло ему избавиться от нее. "Господи! Если Ты примешь меня к Себе, я буду ползать в Твоем Царстве. Я и не жду и не прошу от Тебя ничего другого, как только прощения за все мое прошлое. Будь милосерд ко мне, Боже!" - просил Виктор, как осужденный. Но небо молчало.

ГЛАВА 17

На следующий день Виктор позвонил отцу. Ему нелегко было смириться, он всегда говорил отцу, что духовные дела у него в хорошем состоянии. Услышав голос сына, усталый и безнадежный, отец сразу понял, что настало время - Бог ковал на Своей наковальне ответ на его молитвы.

- Папа, мне надо поговорить с тобой. Можно?
- Конечно, когда приедешь?
- Сейчас.
- Сегодня?
- Сейчас, сразу.
- Могу ли я попросить нашего пастора тоже прийти?
- Да, попроси его.

Савва Клименко понял, что если его гордый сын хочет приехать домой разговаривать о духовных делах, то это значит, что он истинно

хочет этого.

На второй день Пасхи Виктор ехал по знакомой дороге из Хельсинки в Лохья. По этой дороге он ездил много раз, когда был молодым танцором и музыкантом. Теперь он сидел за рулем автомобиля, уставший от ночной борьбы. Его глаза болели, и ему трудно было сосредоточиться. В два часа дня он был уже дома. Отец ждал его, горячий кофе был на столе. Через час пришел Пекка Мустонен, пастор пятидесятнической церкви.

Втроем они сидели за столом на кухне, и Виктор рассказывал, как он ошущает в темноте уже несколько месяцев ищет путь к Богу, чтобы освободиться от тяжелого груза грехов.

- Я знал это, - сказал отец, тронутый открытостью сына. - Я знал это, - повторил он дрожащим голосом. - Ни одного дня не проходило, чтобы я ни молился за тебя, сын мой.

- Ты хочешь спастись? - спросил проповедник, открывая свою Библию и ища в ней то, что хотел прочесть.

Виктор кивнул головой. Да, он хочет спастись.

- Библия говорит, что, покайся, ты можешь освободиться от твоих грехов и очиститься кровью Иисуса Христа.

Пастор был готов помолиться за кающегося блудного сына, возвратившегося к своему Отцу. Но оказалось, что не так просто сделать.

- Я не понимаю, какая связь между кровью Иисуса и моими грехами? Разве Бог не может простить мне без того, чтобы вмешивать сюда крест и кровь?

Получился целый теологический диспут, длившийся несколько часов. Виктор, еще вчера разбитый, проснувшийся у Бога милости прощения, готовый ползать в Его Царстве, теперь поднял голову. Он хотел, чтобы все происходило так, как он себе представляет, а не так, как говорило Слово Божие.

- Ну ты же хочешь спастись? - мягко спрашивал пастор.

- Да, я хочу, но хочу также понять, что такое спасение. Объясни мне, почему всемогущий Бог не может простить мои грехи без крови Иисуса.

Они снова долго беседовали, потом прервали беседу и шли в баню. Сварив свежий кофе, продолжали разговор о кресте, о крови Иисуса и о тайне искупления. Савва Климченко и Пекка Мустонен перелистывали свои Библии, читали и объясняли текст за текстом. Виктор слушал, возражал и истолковывал все по-своему.

Спустился вечер, разговор продолжался, а Виктор никак не мог понять истины о крови Сына Божьего, которая очищает от всех грехов.

- Ты не видишь двери, - сказал пастор, никогда раньше не встречавший так упорно сопротивляющегося кандидата на спасение. - Не понять надо, а повернуть. Ты все ходишь вокруг да около, а дверь здесь, входни в нее!

Наверное, так и надо было сделать. Виктор вдруг понял это. Сделать шаг веры, и верою принять спасение и прощение грехов. Он смягчился. Пекка Мустонен еще раз спросил прямо:

- Викки, хочешь ли ты найти спасение?

- Хочу.

- Хочешь ли получить прощение грехов?

- Хочу.

- Преклоним колени и помолимся.

- Почему мне надо становиться на колени? Я не нуждаюсь ни в каких ритуалах. Бог может спасти меня сидящим.

Пастор устало вздохнул. А Виктор, задав ему еще несколько вопросов и получив на них ясные ответы, решил отдаться Господу, и, преклонив колени перед стулом в кухне, молился о том, чтобы получить прощение грехов, очищение их в крови Иисуса и жизнь вечную.

Они молились долго. Слезы потекли из глаз Виктора, он тихо, умиленно плакал. В последние месяцы, полные ужаса, он не мог плакать, хотя находился в безнадежном состоянии, и думал, что циничность, как ржавчина, проела все его чувства. Но теперь текли слезы, - это была первая перемена, которую Виктор заметил в себе. Тяжесть в груди прошла, сжатие в голове прекратилось, и на сердце стало легко. Он плакал, благодаря Бога за прощение грехов и обещал следовать за Иисусом. Он был удивлен, почувствовав, как в сердце оживает духовная молитва. Сколько лет он не молился Духом! Все было угашено. И вот Бог давал прямое свидетельство Своей великой милости.

Савва обнял Виктора, и они вместе славили Господа. Пастор похлопал нового спасенного по плечу и пожелал ему Божьего благословения. Усталый, но освобожденный, Виктор ехал домой.

На следующий день, когда Виктор сидел в своей рабочей комнате, его охватил ужас. Он начал дрожать, как осиновый лист на ветру. На лбу выступил холодный пот. Что это он сделал? Что скажет Айрис, и что скажут его друзья и сотрудники? Каким образом в будущем он будет заботиться о своей семье?

Вчера он сказал Богу "да" и стал верующим, христианином. А теперь, как стая хищных птиц, налетели сомнения. Он даже не был уверен в том, что есть Бог. Он стал молиться. Постепенно темнота ушла из его сердца и тяжесть в груди отошла. "Я же обещал отдать свою жизнь Иисусу и следовать за Ним. Я хочу исполнить это обещание и оставшуюся жизнь жить по-христиански", - думал Виктор.

Он позвонил Пекка Мустонену.

- Мир Божий, брат Виктор. Аллилуия! Как поживаешь? - радостно приветствовал его пастор.

- Честно говоря, не очень хорошо. Я трясусь от страха, но в прощение моих грехов верю. Мне казалось, что получив спасение, я

буду чувствовать себя лучше.

- Это не удивительно, ты устал, у тебя было великое сражение, но ты спасен, спасен, помни это!

- Да, вот поэтому я и звоню, чтобы знать, что мне надо делать теперь, когда я спасен?

- Что ты имеешь в виду?

- Мне ведь надо, наверное, будучи спасенным, что-нибудь делать?

- Успокойся, Виктор. Ты нуждаешься в тишине. Успокойся. Жди Бога. Он действует, будь уверен в этом.

Пастор прочитал по телефону стихи из Библии и помолился, после чего они закончили беседу. Казалось, все хорошо, но Виктор не совсем был доволен ответом пастора. Если он спасен, ему, наверное, теперь надо поступать иначе, чем раньше.

Он молился, думал, потом взял свой календарь, где были записаны его будущие выступления. Ему вдруг стало ясно, что теперь он не может петь что угодно и где угодно. Ему надо покончить с выступлениями в ресторанах и кабаре. Да, он начнет отменять, сколько сможет, свои выступления. Он был рад этой ясности.

Виктор благоговейно сложил свои руки у телефона, и тихо в молитве просил Божьей помощи. Потом он позвонил по одному номеру. Это касалось договора о его выступлении в конце лета. Хозяин ресторана не хотел остаться без выступлений любимца публики, но ему пришлось согласиться. Следующий телефонный звонок касался договора с другим рестораном. Здесь дело было сложнее, потому что договор был заключен на длительный срок. Владелец ресторана возмутился.

- Почему ты не хочешь выступать у нас? Ты болен? Или ты связался с двумя ресторанами в одно и то же время, ты, халтурщик? - горячился он.

Виктор говорил, что он очень устал и хочет отдохнуть некоторое время, ему еще неловко было говорить, что он уверовал. Но хозяин понял, что Виктор говорит неправду и продолжал настаивать. Тогда Виктор сказал:

- Хорошо, я приду, но буду петь духовные песни, у меня же есть право выбирать репертуар.

- Нет, нет, нет, таких песен в моем ресторане мне не надо. Отказываюсь от договора!

Другой владелец ресторана, который был хорошим приятелем Виктора, уговаривал его перенести выступления. Но пришлось согласиться и ему.

В течение нескольких часов Виктор почти полностью очистил свой календарь. Оставалось главное - "Лидо", парижский ночной клуб, мечта всей его жизни, ворота в большой мир! Он подумал, что именно в Париже увидел пустоту и бессмысленность своего существования. Париж сделался поворотным пунктом, только совсем не в том

направлении, куда он стремился.

В тот же вечер он связался с мадмуазель Даниеле. Она сразу начала говорить о результатах переговоров с "Лидо". Поездка в Японию... Виктор прервал ее:

- Поэтому я и звоню. Я хочу закончить. - На другом конце стало тихо. Совсем тихо.

- Алло!- кричал Виктор, думая, что телефонный разговор оборвался.

- Алло, Виктор Клименко, повторн снова, что ты сказал! Скажи, с чем ты хочешь закончить.

- Я хочу отказаться от договора с тобой.

- У тебя есть что-то другое? Это мадам Ричарде?

- Нет, дорогой мой друг, я доверяю тебе, я доволен тем, как ты ведешь дела. Но я хочу, что бы никто больше не совещался с "Лидо", потому что я не буду подписывать договора с ночным клубом.

- Ты не хочешь выступать в "Лидо"? Правильно ли я тебя поняла?

- Правильно, - Виктор вздохнул с облегчением. Наконец она поняла его.

- Но что за причина этого иеразумного отказа? Не деньги ли это? Они что, мало платят тебе?

- Нет, это не из-за денег. Дело в том, что я... я стал верующим.

- Ну, Виктор Клименко, я не понимаю, как это может касаться нашего дела. Я тоже верующая.

Виктор чуть не рассмеялся. Тут выйдет сейчас столкновение вероисповеданий.

- Будучи верующим, я не могу выступать в таких варьете, это - грех, - твердо сказал он, - и поэтому я хочу прекратить всякие дела с "Лидо".

После этого разговора Виктор почувствовал глубокую тишину и мир в своей душе. Бог дал ему силы сделать то, что еще недавно было немыслимо. Теперь он мог исповедывать свою веру. Он поставил Иисуса выше своей карьеры. Мосты были сожжены.

Виктор прекратил поездки по Норвегии и некоторые выступления в Швеции. Особенно запомнился недоумевающий взгляд директора фирмы по производству пластинок, когда Виктор заявил, что отказывается от договора с ним. С ним и другими подобными деятелями Виктор старался не касаться причины своего отказа от договоров. Он не хотел, чтобы журналы и газеты сделали сенсацию из того, что с ним произошло.

Все пока шло довольно гладко, но была работа, которую он не мог оставить. Стремясь быть честным перед Богом, он все же не хотел, чтобы у людей из-за него были неприятности.

Большая телевизионная программа кабаре... В ней он один из ведущих артистов. Вскоре предстояла запись на ленту. Христианин

в такой развлекательной программе! Но как ему отказаться? Ведь до начала записи оставалось так мало времени.

Сердце Виктора тревожно билось, когда он звонил на телевидение, чтобы поговорить с ответственной за программу.

Когда он назвал себя, женщина обрадовалась.

- Хорошо, что ты позвонил. Ты хочешь знать подробности программы?

- Нет, я имею в виду совсем другое. Я хочу отказаться.

- Что, что? - сказала она испуганно.

- Прости, я не хочу причинять неприятностей. Не могли бы вы найти кого-нибудь другого на мое место? Я не хочу участвовать в этой программе.

- Но почему же? Это программа высшего класса, ты раньше не имел привычки отказываться от таких программ.

- Да, это правда. Но теперь другое. Я стал верующим, я спасен, и поэтому я не могу участвовать в программе кабаре. Постарайся понять меня!

Виктор давно знал эту женщину: ей надо было сказать все прямо, иначе разговор мог продолжаться до бесконечности. Молчание длилось довольно долго. Потом она осторожно кашлянула и тихо сказала.

- Подожди, я стою, а мне надо найти стул и сесть.

Виктор молча ждал, пока она успокоилась.

- Ты сказал, что ты спасен? - спросила она с интересом.

- Да, и теперь я не боюсь для таких программ. Я не осуждаю никого. Это касается только меня.

- Я понимаю, вернее, стараюсь понять. Ты, значит, теперь спасен и не хочешь больше работать ради развлечений. - И как-то совсем деловому закончила: Мы постараемся найти на твое место другого артиста, но это будет нелегко в такое короткое время.

Виктор поблагодарил, с облегчением опустил трубку и улыбнулся. Это он, который вечно стучался в двери телевидения и искал там роли! Он еще не чувствовал никакого блаженства, но он ясно понимал, - делать то, что он делает... для этого надо иметь силы. И эти силы у него были!

Прошло несколько дней, пока Виктор решился рассказать своей семье, что с ним случилось. Кризис, в котором он находился в последнее время, очень сильно повредил их отношениям с Айрис. Мальчики также, наверно, заметили что-то.

Однажды, когда он играл с детьми на полу, а Айрис накрывала на стол в кухне, он рассказал сыновьям о своей вере, о спасении, о том, что теперь он верит в Бога, молится и читает Библию. Он нарочно говорил громко, чтобы Айрис слышала его исповедание.

Взор Тараса заблестел.

- Ой, это же и есть! Теперь я понял - по виду ты прежний папа, а на самом деле новый папа.

Веселое замечание сына обрадовало Виктора, значит, перемена была замечена в семье. С замиранием сердца он прислушивался, не скажет ли что-либо Айрис. Но она молчала.

Спасение без исповедания невозможно, это он уже знал. И вот он исповедал свою веру дома. У Айрис не было возражений против его веры, но ей было трудно понять, какой оборот примет их жизнь, если Виктор откажется от своей карьеры. В то же время она попросила его, чтобы дома он не проводил никаких религиозных собраний, или даже разговоров. Виктор обещал уважать ее просьбу, но из этого ничего не вышло.

Вскоре мальчики тоже захотели верить в Инсуса, как и отец. Они устранили молитвенные собрания, где папа читал им Библию и молился с ними.

Через несколько недель после обращения Виктора, семья Клинменко поехала в деревню к своим хорошим друзьям. Это была семья врача, с которой они общались уже много лет. В той семье не было детей. Вечером, когда надо было возвращаться домой, мальчики попросили разрешения остаться, так как хозяева все равно собирались через несколько дней приехать в Хельсинки. Виктор и Айрис согласились, чтобы Тарас и Тодор остались у друзей и вместе с ними вернулись домой. Мальчики были очень рады.

Когда через несколько дней Виктор позвонил и спросил, как ведут себя дети, хозяйка, смеясь, рассказала о том, что случилось немного раньше. Она приготовила обед, а потом спросила мальчиков, вкусная ли еда. Тогда Тодор вежливо, но твердо сказал, что они теперь верующие и им нельзя говорить неправду, и он должен сказать, что, по его мнению, еда невкусная. Виктор извинился за своих детей, но в душе он был доволен, что, хотя и в такой невежливой форме, они засвидетельствовали друзьям о перемене в их жизни.

Виктор не смог отказаться от всех выступлений. Среди них была учебная программа шведского радио на финском языке. Часть этой программы должны были записать на пленку в Хельсинки. Виктор поехал на студию автобусом. Во время поездки он вглядывался в лица людей, входивших в автобус. Большинство были очень усталы, на некоторых лицах - черты горя, и так много пустых, погасших взоров. Разве нельзя узнать по лицу человека, что он чадо Божие? Не должны ли его глаза светиться миром и радостью? Виктор стал внимательнее вглядываться в лица, не найдется ли среди них такого, по которому можно было бы узнать, что он спасен, принадлежит Богу, что в его душе радость и покой. Но он не увидел ни одного такого лица.

Вскоре в автобус вошла женщина лет тридцати в сером пальто, светло-синем берете и с большой сумкой. Лицо ее сияло. Заплатив за билет, она улыбнулась шоферу автобуса. Женщина села впереди Виктора. Он решил, что она чадо Божие и ему захотелось поговорить с ней. Вот мы сидим тут, два верующих человека. Мне надо нагнуться

и сказать: "С миром Божиим, сестра! Иисус любит тебя!" Но он не осмелился так сделать. Почему-то тяжесть начала теснить его сердце. Он хотел, чтобы женщина поскорее вышла, чтобы ему с ней не говорить, и в то же время хотел, чтобы она не уходила.

Почему так трудно сказать своему ближнему: "С миром Божиим!" Почему он такой трус?

Женщина вышла из автобуса на той же остановке, что и Виктор. Автобус рванулся вперед, оставив за собой облако синего дыма. Женщина исчезла. Виктор протиснулся через толпу людей, стоящих на остановке, и быстро пошел по тротуару - ему надо было спешить в студию. Вдруг он увидел ту женщину на другой стороне улицы. Она не спеша прохаживалась по аллее парка. Он решился. Быстро перейдя улицу, он догнал ее и сказал:

- С миром Божиим! Бог любит вас!

Женщина повернула к нему свое лицо. Оно было обезображено алкоголем. Одни глаз совсем закрыт от опухоли, во рту видны пейки зубов. Глубокие горестные морщины лежали вокруг ее рта и носа. Пучки салых волос выбивались из под берета. От изумления у Виктора перехватило дыхание. Разве это не та самая женщина, которую он видел в автобусе? Да, та самая. Серое пальто, светло-синий берет и сумка, в которой, как он заметил теперь, звенели пустые бутылки.

- Простите, я спешу.

Виктор почти бежал. Он не сразу сумел придти в себя и сосредоточиться - что это могло значить? Неужели это не Бог побуждал его, а только его воображение?

Через несколько месяцев Виктор нашел на своем столе записку. Какая-то женщина, имя которой ему ничего не говорило, писала, что ей надо встретиться с ним по очень важному делу. Виктор позвонил ей.

- Простите, что побеспокоила вас, - начала женщина как-то робко, - я та самая женщина, которой вы сказали, что Бог любит меня, там в парке, когда я вышла из автобуса. Я узнала вас.

Виктор обрадовался и сказал, что она ничуть его не побеспокоила.

- Я благодарю вас! Ваши слова дали мне силы продолжать жизнь.

Женщина рассказала ему, что в тот день она ехала в полночь подать жалобу на человека, который побил ее. Все казалось ей черным, мир был полн зла и неправды, и вдруг... И она стала вспоминать, как Виктор подбежал к ней и что-то сказал. После этого у нее исчез страх, и она решила не подавать жалобу. Рассказывая, она повторяла слова благодарности.

Виктор был так взволнован, что не мог говорить. Все же это был Бог! Это Бог говорил ему в автобусе! Ах, как хорошо, что он послушался. Позднее он понял, что путь к Божьему благословению лежит через послушание. Виктор был приглашен в этот дом. Женщина

рассказала своим родителям об этом эпизоде, и они радушно приняли Виктора. Оказалось, что женщина была из состоятельной семьи, но у них было много и горя. Виктор провел весь вечер в их красном доме. Он рассказал им о своей вере и о любви Божией, которая может переменить все на лучшее. Через некоторое время он упомянул об этом случае в разговоре с верующими в Хельсинки. Услышав фамилию этой семьи, один из них воскликнул:

- Этот дом находится в моем молитвенном списке уже много лет. Я молюсь каждый день за его спасение! - Вера Виктора укрепилась еще больше.

Бог жив! И Он заботится о человеке.

ГЛАВА 18

Итак, мосты были сожжены. Возврата назад не было. Но куда поведет его будущее? Виктор не мог долго жить без заработка, и если он выполнит требования финансовых властей, тогда он буквально сядет на мель. Но что сказал ему тот голос в трамвае, двадцать лет назад? Виктор помнил это очень хорошо: "Перед тем, как ты вернешься, ты упадешь на дно и потеряешь все свое имущество". Он понимал, что если Бог не совершит чуда, ему не на что будет содержать семью. Виктор решил прибегнуть за помощью к Богу. Он составил для молитвы список своих нужд, и каждый день молился, чтобы Бог из невозможного сделал возможное. "Если Ты хочешь, чтобы я пел Тебе во славу, - молился Виктор, - дай мне в знак этого самого лучшего органиста в Финляндии". Для недавно уверовавшего артиста петь для Бога означало петь в церквях под аккомпанемент органа, и поэтому он просил себе органиста. Вскоре получил спасение известный органист Матти Песонен. Он был преподавателем органной музыки в академии Сибелиуса и принадлежал к числу лучших музыкантов Финляндии. И он сделался аккомпаниатором и сотрудником Виктора на три года.

Вторым пунктом в молитвенном списке было дело, касающееся налогов. В течение многих лет Виктор доверял своему бухгалтеру наблюдать за его финансовыми делами. Он не соглашался с суммой, которую налоговые власти наложили на Виктора, считая, что их требования были произвольны, но на бумаге эти требования выглядели законными. И в этом деле Бог совершил чудо. Суд вынес решение, которое вполне удовлетворяло Виктора. Он заплатил умеренную сумму, и дело было кончено.

У Виктора было совсем безнадежное финансовое дело, и он тоже включил его в свой молитвенный список. Один управляющий фирмой пластинок в Германии иногда не платил Виктору проценты, которые ему полагались за продажу пластинок. Дело передали в суд, и суд давно уже рассматривал его. У Виктора был в Финляндии свой адвокат,

который связался с адвокатом в Германии. Немецкий адвокат сообщил, что, по всей вероятности, Виктор не получит своих денег, потому что фирма обанкротилась, а нового управляющего нельзя преследовать за грехи его предшественника. Проблема казалась неразрешимой. Через некоторое время Виктору позвонил его знакомый по имени Руусканен, который был представителем многих фирм, продающих пластинки, и у него была своя канцелярия в центре Хельсинки. В тот момент он беседовал с одним из своих агентов в Германии. Он спросил Виктора:

- Тебе ничего не говорит название "Евровокс"?

Виктора засмеялся, "Евровокс" была та фирма, которая принесла ему больше финансовые проблемы, и он рассказал Руусканену всю историю украденных комиссионных.

И тот сказал:

- Новый владелец "Евровокса" скоро приедет в Финляндию, и он хочет видеть тебя.

Для Виктора это была хорошая новость - может быть удастся договориться с новым владельцем "Евровокса" и обойтись без суда.

Наконец, этот человек прибыл. Когда Виктор, сидя за рулем своей машины, ехал в канцелярию Руусканена на встречу с новым владельцем "Евровокса", он был уверен в том, что это встреча была ответом на его молитву: он ведь просил Божьей помощи для приведения в порядок его жизни.

Управляющий приехал с небольшим опозданием. Это был светловолосый, крепко сложенный человек лет сорока пяти, с открытым, улыбающимся лицом. Когда все вежливые слова были сказаны, он приступил прямо к делу, даже не выпил кофе, которое налил ему Руусканен.

- Как ты знаешь, я купил "Евровокс", от которого тебе надо было получить порядочно денег.

Виктор кивнул головой.

- У меня есть примирительное предложение. По моему мнению, ни ты, ни я не будем иметь никакой пользы от предстоящего суда, - он открыл свой портфель и вытащил из него бумагу, на которой были написаны его условия, а также пачку немецких марок.

- Возьми это и прекрати суд, или откажись, и продолжай суд. Здесь не так много, как тебе полагается, но это все, что моя фирма может заплатить.

Виктор сказал, что он не может решить дела, не посоветовавшись с адвокатом и бухгалтером. Тут же, сидя в канцелярии, Виктор связался в темноту с людьми, которые вели его финансовые дела. И все было решено. Виктор Клименко вышел из канцелярии с подписанным документом и пачкой денег в кармане. Он был доволен. Скандальное судебное дело прекращено, а это самое главное.

Так Господь помог Виктору расчистить все его финансовые дела.

Весной 1980 года Виктор вместе со старшим братом Александром поехал в Советский Союз. В поезде они познакомились с другими туристами, некоторые из них оказались верующими. Среди них была девушка по имени Мария, брат которой был женат на грузинке. Она ехала в Тбилиси познакомиться с семьей своей невестки.

Узнав, что Виктор верующий, она пригласила его посетить эту семью. В Тбилиси они тайком вышли из гостиницы, сели в такси, проехали несколько улиц и пошли по адресу, который имели. Дверь открыла пожилая женщина. Мария обняла мать своей невестки и та поцеловала ее в обе щеки. Хозяйка приветствовала мужчину более сдержанно и удивилась, когда он заговорил по-русски. Но лед быстро растаял, когда она узнала, что Виктор верующий. Мария дала хозяйке некоторые религиозные книжечки на русском языке, которые привезла с собой. Хозяйка изволиванием просмотрела литературу и поцеловала книжечки, как будто они были живые. Радость разгладила морщины на ее лице, и она сердечно благодарила за подарки. Хозяйка показала Виктору несколько духовных книг, которые уже были в ее тайной библиотеке.

Через некоторое время глава семьи и его сын пришли домой с работы. Все сели обедать. Эти люди говорили с своей любви к Богу и о милости Божией к ним, радовались, что Господь призвал их следовать за Ним. Они помолились вместе. Семья верующих в Советском Союзе сердечно благодарила Бога за встречу с сестрой и братом, которых Он послал в их дом. Маленькое жилище с простой мебелью казалось святилищем, в котором жил сам Бог в полноте Его славы.

Виктору и Марии только вечером надо было вернуться в гостиницу и их пригласили на вечернее собрание, которое должно было быть в другом доме. Они договорились, что брат Марии придет встретить их на автобусной остановке и поведет на собрание. Пройдя несколько улиц, они поднялись на четвертый этаж многоэтажного дома. Брат Марии осторожно постучал в дверь, открыла женщина в платке. Она с беспокойством посмотрела на двух незнакомых людей, но потом, когда ей сказали, что они верующие, она успокоилась. Комната находилась в конце длинного темного коридора, и в ней уже было человек десять. Собрание открыл брат, видимо старший. После проповеди молились, пели, но больше молились. Пели Духом, молились на языках, пророчествовали, и у Виктора было чувство, что он оказался среди первых христиан в Иерусалиме.

Какое счастье светилось на их лицах! Как духовно крепки были эти люди, которым надо было вести свое богослужение втайне, за закрытыми дверями, потому что они не могли открыто исповедывать свою веру.

Атмосфера была полна силы Божьей. Первый раз после своего обращения Виктор понял рассказы верующих о блаженстве и счастье спасения. Он преклонил колени в квартире в городе Тбилиси, и чувствовал себя в каком-то ином, дотоле неизведанном состоянии, слезы умиления катились по его щекам, он был полон радости и счастья. Под конец собрания молодая девушка повернулась к Виктору и начала пророчествовать. Ее голос был ясно слышен среди звуков духовной молитвы.

“Господь привел тебя сюда. Не носи скорби и тяжести по поводу твоей семьи. Господь спасет твою жену и детей и всех ее родственников. Великое дело ожидает тебя, говорит Господь. Молись! Оставь, оставь эстраду, оставь все мирское. Я дам тебе силы. Не сомневайся. Ты получишь много даров. Делай все по Моей воле, как Я скажу. Я благословляю тебя в этом городе. Ты сюда вернешься со своей семьей”.

Последние слова как бы ужалили Виктора. Нет, он не хотел сюда возвращаться. Но, может быть, он неправильно понял?

Потом другая девушка продолжала: “Ты будешь блистающей звездой. Звезда уходит в туман, а потом возвращается и блестит ярко. С помощью твоих песен многие будут спасены. Я даю тебе дар петь в Духе. Исполнишься Духом Святым в этом городе...”

Виктор закрыл лицо руками. Он бросился в объятия Бога, где ему было хорошо и безопасно. В прохладе позднего вечера Виктор и Мария молча возвращались в гостиницу. Оба чувствовали, что слова могли помешать присутствию святости и блаженства, которое они унесли с собрания. До того, как они вошли через стеклянные двери, на которых было написано название гостиницы, Виктор сказал:

- Спасибо, что ты взяла меня с собой на гору Преображения.

Мария улыбнулась. Общение с верующими обрадовало и ее, но она поняла, что Виктор Клименко пережил что-то особенное.

Тбилиси был первым местом остановки туристской группы. Следующие дни оказались трудными для Виктора. Сияние горы Преображения померкло. После пророчества о его будущей миссии, Виктор почувствовал себя великим и важным, но потом пришли угрызения совести. Разве спасение ничего не переменяло в нем? Значит, супер-эгоист Виктор Клименко все еще жив? Он погрузился в темноту и не видел того, что Бог был с ним и в темноте. Будущее все еще оставалось для него неясным. Что он будет делать, чем будет кормить свою семью? Молодая пророчица сказала, что многие через его пение уверуют в Бога. Но как это может быть?

Поездка продолжалась по горной местности Грузии. В одном городе, где они ночевали, Виктор и Александр купили себе прохладительные напитки, потому что было жарко. Виктор пошел на кухню гостиницы и спросил у какой-то женщины, нельзя ли поставить бутылки в холодильник. Она указала ему рукой в сторону старшей, которая сидела за столом и что-то записывала в книгу. Виктор

обратился к ней со своей просьбой.

- Да, пожалуйста, - сказала женщина. - А откуда вы?

- Из Финляндии.

- Но вы хорошо говорите по-русски.

Виктор не собрался откровенничать с ней.

- Научиться говорить по-русски не так трудно.

- В Финляндии да, конечно. Это же наша провинция.

Виктор вздрогнул. Возвратившись в свою комнату, он задумался над словами, так цинично сказанными женщиной. Не очень-то радостно жить в провинции Советского Союза...

Виктор переживал трудный период. Он ходил на палаточные собрания в Хельсинки, слушал проповеди, участвовал в пении и молитве, но старался оставаться незамеченным. Он знал, что если начнет исповедывать свою веру публично, то вся пресса кинется на эту сенсацию, а он еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы устоять в том шуме, который начнется по поводу его обращения.

Девятнадцатого июля 1980 года в Москве должна была открыться Олимпиада. Возрос интерес к русской и славянской музыке. Виктор получал заманчивые приглашения. Он не имел работы и ничего не знал о своем будущем. Искушение было очень велико, но он оставался твердым. Спасение еще не принесло ему той радости, о которой говорил в церкви. Только один раз, на молитвенном собрании в Тбилиси, он пережил это. Но Виктор решил, что он не станет искать переживаний, а будет жить верою. Он отдал свою жизнь Иисусу Христу и верил, что Господь даст ему новый источник существования.

- Почему ты прячешься? - спрашивали его и старались вовлечь в гущу Олимпийских игр в Москве. Но Виктор отвечал уклончиво. В конце июля он вернулся домой. Работы не было, что делать дальше, он не знал, и решил поехать со своей семьей отдохнуть в Северную Норвегию.

Айрис и Виктор давно мечтали об этой поездке, - им хотелось посмотреть безлесные горы норвежской Лапландии, о которых они слышали. Они поехали автомобилем из Хельсинки до Вааса, потом переехали море на пароме в Умая и продолжали свой путь через Швецию до Норвегии. Это путешествие имело две цели: Виктор хотел убедиться в подлинности взаимоотношений в его семье. Раньше, во время отпусков, они с Айрис часто ссорились по всяким маловажным поводам. Сейчас Айрис была напряженной, потому что она не вполне понимала, что случилось с ее мужем и была озадачена его будущим.

У Виктора было еще одно дело, о котором он никогда не говорил Айрис. Он помнил об удивительном видении Тодора во время их прежней поездки в отпуск. Когда он увидел эти высокие безлесные горы, то обратил внимание, что они выглядели, как стены и башни, о которых говорил мальчик. Виктор точно знал, что мальчик никогда не видел этой местности. Говорил ли Бог через ребенка? Не

предупреждал ли Он о будущей войне?

Тодор беспечно играл со своим братом на заднем сиденье. Он не обращал внимания на горы, он вообще никогда не вспоминал о своем видении.

Но Виктор не мог не думать.

ГЛАВА 20

Был поздний вечер, когда Сеппо, корреспондент и редактор, которого Виктор знал очень хорошо с тех пор, как начал выступать на сценах Финляндии, позвонил ему и спросил:

- Виктор, это правда, что ты стал верующим?

- Почему ты об этом спрашиваешь?

- Вокруг тебя сделалось так тихо в последнее время. Я слышал, что ты отказался от новых договоров, а потом тебя видели у пятидесятников на их палаточных собраниях. Как считаем, один да один - два, а теперь еще говорят...

- Сеппо, мы всегда понимали друг друга. А теперь я особенно нуждаюсь в твоём понимании. Пока я не могу рассказать тебе, что со мной случилось. Но я обещаю, что ты первый услышишь об этом.

Сеппо раньше не раз брал интервью у Виктора, и он понимал, что Сеппо хотел бы первым объявить о его обращении и получить статью, где Виктор рассказал бы все сам. Виктор повторил, что Сеппо будет первым, кто узнает об этом.

- Хорошо, как хочешь, но не обмань меня.

- Честное слово!

- Этого довольно. Ты ведь не можешь теперь лгать, ты же верующий. - Виктор с облегчением закончил разговор, но понимал, что скоро надо будет публично объявить о своей новой жизни, потому что, заметив долгое отсутствие Виктора на сцене, пресса несомненно начнет выяснять причины.

На следующий день Виктор позвонил Пекка Мустонену, пастору из Лохья, который помог ему в час его душевного кризиса. Он рассказал ему о своем положении и просил верующих, чтобы они не оставили его в молитвах, когда "стая волков" нападет на него. Пекка сказал, что у него есть хорошее предложение для Виктора: поехать в библейскую школу пятидесятников в Хяменлинна. Несколько недель тишины и покоя с изучением Библии и в молитве вместе с более зрелыми верующими было бы для Виктора очень полезно при теперешнем его положении. Правда, школа готовила людей для проповеди Евангелия, но, может быть, там нашлось бы место и для Виктора Климченко. Заинтересовало ли бы это его?

Виктор сразу согласился и попросил своего духовного наставника постараться устроить его в эту школу. Вскоре пришел положительный

ответ. Виктор мог приехать на осенний курс, жить в общежитии школы и посещать любые занятия. По воскресениям он мог быть свободен и ездить домой к своей семье.

Так и получилось. В один осенний день выдающийся профессиональный артист сел за стол на уроке в библейской школе в Хяменлиинна вместе с финскими, шведскими, канадскими и американскими пятидесятниками. Все вокруг было необыкновенно! Постоянно слышались слова: Аллилуия! Слава Богу! Благодарю тебя, Иисус! Виктор отдыхал душой.

Присутствие Виктора Клименко обратило на себя внимание многих, но руководители школы пояснили, почему он был там, и просили, чтобы ученики были тактичны и чтобы Виктор не чувствовал себя посторонним. Оказавшись среди людей, которые, как и он, были помилованы Богом, Виктор был счастлив, он обрел покой.

Дни проходили в изучении Библии и в молитве. Распорядок школы поначалу приносил большие трудности 38-летию мужчине, который более двадцати лет выступал на сцене, жил ночной жизнью и просыпался поздно. А здесь надо было вставать в 6.30 утра и в 10 часов вечера идти на покой. Первые недели Виктор часто опаздывал на молитвенные собрания и на первые уроки, а по вечерам долго не гасил свет, и не мог лечь спать в положенное время. К счастью, ему дали отдельную комнату, и он иногда читал Библию до двух часов ночи. Постепенно Виктор привык и мог вставать и ложиться по распорядку.

Одной из самых горячих тем разговоров в библейской школе было призвание. Молодые люди рассказывали друг другу о том, как Бог призвал их к служению проповедника или миссионера. Виктор слушал и проверял себя, но не видел ничего определенного. "Боже, призови и меня на какое-нибудь дело. Покажи мне Твой путь!" - Этой молитвой он молился много раз в день и надеялся, что Бог ответит ему.

В школе он узнал, что пост является сильным духовным оружием. Он провел некоторое время в посте и молитве с нуждой: так приблизиться к Богу, чтобы услышать Его голос и от самого Бога узнать, что ему, Виктору Клименко, надо делать в своей жизни. Один раз, когда он молился ночью, он вспомнил рассказ из Библии о том, как отрок Самуил, служивший Богу в святилище, услышав голос Божий, зовущий его, сказал: "Говори, Господи, ибо слышит раб Твой!" Виктор преклонил колени возле кровати и выкрикнул в темноту слова Самуила. Не получив ответа, он очень огорчился. Почему Бог не хотел призвать его? Что мешало Ему? Почему других Он призывает?

Виктор разделся и лег, но уснуть не мог. Он зажег свет и решил что-нибудь почитать. Он взял маленькую книжечку, которую получил от Нилло Юли-Вайнио. На первой странице проповедник написал место из Библии - 1 Иоанна 3:16 - привет вновь обращенному. Виктор нашел это место, отложил книжечку, взял Слово Божие и прочел: "Любовь

познал мы в том, что Он положил за нас душу свою; и мы должны полагать душ своих за братьев".

Черные буквы на тонкой бумаге Библии как будто зашевелились и начали оживать. Прочитанные слова были сказаны непосредственно ему. Это ощущение было таким сильным, что Виктор снова преклонил колени на том самом месте, где два часа назад кричал: "Господи, нбо слышит раб Твой!" Господь говорил ему ясно и определенно. Он познал любовь Божию в том, что Иисус совершил на Голгофе. Это было так ясно! Божья милость и любовь спасли его. И никто не может отнять у него веры в прощение грехов!

Виктор услышал Божий призыв, услышал голос Бога! Полагать свою жизнь за братьев! Любовь не должна оставаться на словах, ее нужно подтвердить делами. Служение, самоотверженное служение для своих ближних! Его братья - это его ближние. В прямом смысле этого слова - они, живущие в Советском Союзе, потомки прежних казаков с реки Кубань. Бог хотел, чтобы он отдал свою жизнь за них. Но каким образом? Виктор был уверен, что Бог покажет это потом. Но что значит - отдать свою жизнь? Он стал молиться: "Господи, Ты хочешь, чтобы я сделался мучеником? Ты просишь слишком много! Отдать свою жизнь! Или же это значит все положить на Твой алтарь? И пенне, и самолюбие, и гордость, - и все, все? "Может быть и то, и другое. Он это понял. Эта ночь принесла Виктору не только борьбу и сомнения, но и великую радость. Бог говорил ему! Теперь он начал понимать разговоры братьев о блаженстве спасения и о радости на пути Божием... Несмотря на то, что Бог требовал всего, сердце ликовало, потому что это было призвание! Успокоенный, Виктор лег спать.

Он проснулся около полудня, наполненный радостью и блаженством. Захотелось снова прочесть святые слова призвания. Он открыл Библию и прочел: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную".

Он знал это место Библии, Евангелие от Иоанна 3:16, но вчера он читал другое место. Сверяя с местом, которое написал на его книге Юли-Вайнко, он заметил, что глава и стих были одинаковые, но ночью он открывал не Евангелие, а Первое послание Иоанна. Виктор понял, что и это получилось не случайно, что Бог хотел сказать ему нечто важное, и Он сказал это через свое Слово.

В ту ночь Бог открыл Виктору, что Он говорит людям не только через видения и пророчество, но также и через свое Слово, однажды данное всем, и сам испытал, как Дух Святой оживляет мертвые буквы, и они говорят вслух и открывают тайны.

Вместе со слушателями курсов Виктор посещал разные церкви, где они свидетельствовали и пели о Господе. В одной церкви рядом с Виктором сидел молодой человек; видно было, что он пришел сюда

впервые, и он очень внимательно слушал пение и свидетельства. В конце собрания всех желающих принять Иисуса Христа как своего личного Спасителя просили выйти вперед для молитвы. Хор библейской школы пел призывную песнь, приглашая всех желающих войти в открытую дверь спасения. А проповедник говорил: "Сегодня для тебя есть возможность спастись! Вот, теперь день благоприятный! Приди и Иисусу сейчас, не откладывая своего решения на будущее, о котором ты ничего не знаешь!"

В переполненном зале настроение было приподнятое. Слышался шепот молитв. Виктор видел, что его сосед становился все более и более беспокойным. Он положил ему руку на плечо и сказал:

- Друг! Что ты скажешь? Пойдем вместе вперед!

Незнакомец посмотрел на Виктора с удивлением, и потом кивнул головой. Они встали, прошли вперед к кафедре и вместе преклонили колени.

Это было в первый раз, когда Виктор вел кого-то ко Христу.

Этот случай дал Виктору смелость и силу исповедовать свою веру. Он уже знал, что все верующие призваны быть свидетелями Господа.

Виктор был пока без работы и еще не имел откровения, что он станет певцом духовных песен. В молитве он сказал Богу, что не споет ни одной песни, пока Бог не пошлет ему ноты и текст. Вскоре он получил и ноты и текст. Ранга Карпо прислала ему песню, которую написал Кари Тикка. Виктор принял это как знак от Бога и весьма удивился.

В ту ночь, когда Виктор слышал голос Бога, призывавшего его отдать Ему свою жизнь, он был уверен, что ему надо оставить свой дар певца и служить Богу чем-то другим. Но потом его мнение изменилось, он хотел посвятить свой дар на служение Богу и ближним. Он будет употреблять его не на эгоистические цели, чтобы зарабатывать деньги или славу, а на то, чтобы приводить людей к вере в Иисуса Христа, спасению и вечной жизни.

Если Бог призвет его быть миссионером в Танзании, Японии или в какой-либо другой стране, он готов на это. Но сейчас он хотел петь и свидетельствовать об Иисусе, как мог. Размышляя о своем будущем пути за Господом, Виктор много молился, и научился находить успокоение в молитве. Один раз он почувствовал, что ему дана весть, и она включала в себя обязанность. Эта весть показалась ему неожиданной, и Виктор рассказал об этом проповеднику Ниило Хеймионену.

- Я чувствовал, что Господь призывает меня для ободрения и утешения тех, кто трудится на ниве Божией, но устали и падают духом, - сказал Виктор.

Проповедник задумался, потом сказал:

- Давай помолимся. - После молитвы он заметил: - Я мог бы дать

тебе наставление, если бы ты уже столкнулся с какой-то ситуацией. А пока, я думаю, поскольку у тебя есть такое побуждение, то ты молись за тружеников на ниве Божией, а если будет какой-то определенный труд, то Господь тебе это укажет.

Виктор провел несколько месяцев в библейской школе, где возрастал в вере, продумывая свою жизнь и принимая решения. Покой его продолжался не так долго, как пребывание в библейской школе. Журналисты узнали, что казак-певец уехал из Хельсинки и находится в библейской школе. Они искали его до тех пор, пока не нашли. Виктор остался верным своему слову, и Сеппо первый получил его статью.

Заголовки статей в журналах и газетах были еще более сенсационными, чем тогда, когда он был артистом. Его обращение какое-то время являлось главной новостью в Финляндии. "Певец Виктор Клименко нашел живого Бога и получил в сердце своем уверенность в спасении", - писал еженедельник *Ме Найсет*. Сам Виктор не мог бы рассказать обо всем лучше, чем они. Благодаря средствам информации его свидетельство о прощении грехов и спасении через веру в Иисуса Христа получило удивительный размах. За каких-нибудь несколько дней вся Финляндия знала об этом.

И только после этого Виктор решил, что может выступать открыто, - свидетельствовать и петь. Первый раз это было в пятидесятинической церкви в Тампере, где он пел со школьным хором. Когда по ходу собрания, в переполненном зале, руководящий брат представил Виктора Клименко, в зале послышался гул.

Легким уверенным шагом Виктор подошел к микрофону. Его глаза сияли. Двадцать лет он развлекал публику - танцевал, пел, смеялся. В конце его мирской карьеры с ним выступали самые лучшие музыканты. Теперь он вышел на сцену с гитарой и перед ним была не публика, жаждущая развлечений, а верующий народ. Уверенность куда-то исчезла, и Виктор какое-то время стоял молча, но вдруг поверил, что помощь придет, потому что в эту минуту он не один стоял перед микрофоном. Рядом, совсем, совсем близко стоял Господь, которому он отдал свою жизнь. Виктор пробежал пальцами по струнам и взял несколько аккордов. Потом он запел: "Я слышал о городе Божьем". Слабые звуки гитары были едва слышны за могучим голосом певца. Казалось, что слава Божия наполняла храм. Гими во славу Господа звучал широко и свободно:

- "И наступит время, когда я буду там..."

Да, наступит время... "Дикий" казак, "романтичный" казак, - эпитеты, которыми Виктор так дорожил, утверждая свою свободу, был теперь поистине свободен. Он пел о новом небе и новой земле, об Отчем доме, куда может вернуться каждый со счастьем жить с Иисусом. Многие плакали. Некоторые неверующие, пришедшие послушать Виктора и считавшие, что он ради большей популярности придумал себе новую роль проповедника спасения, поколебались в своем мнении. Никто не

сомневался, что песня, которую он пел, звучала из глубины сердца и искренней веры.

"Аллилуия, звучит моя песня!

Аллилуия, я в тот город желаю войти!"

Когда последние звуки мелодии затихли и шум аплодисментов наполнил храм пятидесятников в Тампере, сердце Виктора сжалось. Зачем ему аплодисменты? Этого было достаточно в прошлой артистической жизни. Нет, слава должна быть Иисусу и только Иисусу. Ему одному слава принадлежит по праву. Он не хочет славы себе. Виктор подошел к микрофону:

- Не надо мне аплодировать. Я - человек. Иисусу надо воздавать славу, а не человеку.

Потом он пел другие песни, и впервые публично свидетельствовал о своем спасении и о своей новой жизни. Это собрание в Тампере оказалось его первым шагом на новом пути. Певец кабаков и ресторанов превратился в поющего евангелиста.

После этого Виктор позвонил своим прежним друзьям-артистам и рассказал лично каждому о том, что уже горячо обсуждалось в прессе. О, как хорошо знал он, по своему собственному опыту, о пустоте их жизни, о невозможности разрешить свои тяжелые проблемы. Он ничего им не навязывал, он хотел только дать им знать, что если они будут нуждаться в нем, то он близко и всегда готов помочь.

- Если будет нужно, звони мне в любое время суток, - говорил он каждому.

Реакция друзей была различной. Удивлялись все, но одни искренне радовались за него, другие отвечали скептически, а иные считали, что он просто сошел с ума. Прессой тоже эта весть была принята по-разному.

Один журналист, следивший с самого начала за карьерой Виктора, настолько ожесточился, что пригласил Виктора в ресторан и потребовал, чтобы он все рассказал ему подробно.

- Кто угодно, но только не ты! Любому другому я мог бы поверить, но не тебе!

Виктор серьезно объяснил ему, что Бог призывает как раз не лучших, а самых худших, собирая их "по заборам и изгородям". Этот журналист перестал возмущаться, но ушел, с сомнением качая головой.

Неудивительно, что такой радикальный поворот в жизни Виктора вызвал разные толки, - публика слишком хорошо знала его. И он понял, что не надо удивляться тому, что многие не верят его обращению и ожесточаются. Но что ему было до этого! Он отдал жизнь Иисусу, и Иисус был с ним.

Еще во время пребывания в библейской школе, Виктор начал задумываться о водном крещении. Он посещал некоторые собрания, где верующие принимали крещение и просил более опытных учеников школы, чтобы они объяснили ему значение крещения. Они пускались

в теологические рассуждения, и Виктор плохо понимал их объяснения. Он стал исследовать Писание и нашел там указания, что, уверовав во Христа и Евангелие и получив спасение, человек должен креститься, что означает служить Богу доброй совестью. Но ведь именно так Виктор и хотел служить! Все оказалось очень просто.

Юхо-Сайнио, один из учителей библейской школы, был родом из Лохья. В ранней юности вместе с Виктором он играл в эстрадном оркестре. Несмотря на молодость и большие музыкальные способности, Юхо много пил, приходил на работу пьяным, опаздывал. Когда двадцать лет назад Юхо обратился к Господу, Виктор был уверен, что Юхо нуждался в этом и это может помочь ему освободиться от пьянства. Но то, что и ему самому это нужно, тогда Виктору и в голову не приходило. И вот они встретились, два музыканта, почти ровесники. Один уже учил других Слову Божьему, а другой слушал и учился. По-разному прожив большую часть жизни, они были счастливы, что встретились на пути Христовом.

Однажды, еще в библейской школе, Виктор видел сон. Он стоял в бассейне для крещения, рядом с ним стоял Юхо-Сайнио в белой одежде. Подняв руку над Виктором, он сказал:

- Я крещу тебя во имя Отца и Сына, и Святого Духа... И когда лицо Виктора погрузилось в воду, он проснулся.

Рассказав учителю о своем сне, Виктор попросил:

- Подумай, Юхо, если бы ты мог крестить меня. Это было бы великолепно!

Юхо обнял своего старого коллегу.

- Это обязательно будет! Пути Божии, действительно, удивительны!

Это было правдой. Но Виктор подумал, что мы почему-то не замечаем красоты Божиих путей, когда проходим по ним, а лишь тогда, когда они уже пройдены.

ГЛАВА 21

Приглашения посыпались со всех сторон. Церкви писали, проповедники звонили, все звали певца-евангелиста Виктора Клименко. Финляндия узнала, что один из самых любимых публикой артистов обратился к Богу и оставил эстраду, чтобы проповедывать Иисуса. Церковь, приглашавшая казака-певца, должна была быть готовой, что на ее собрание придет много народа и могут прийти даже люди, которые обычно далеко обходят молитвенные дома.

Понемногу Виктор начал принимать приглашения, но, казалось, чего-то еще ждал. Первой жертвой на этом пути была его личная гордость, гордость артиста. До того как знаменитый пианист Матти

Песонен был Богом дарован Виктору, он разъезжал по церквам сам, без пианиста. И вот получалось: в церквах находились братья и сестры, которые аккомпанировали общему пению. Но песен, исполняемых Виктором, они чаще всего не знали, а времени для репетиции было мало. Некоторые вообще не знали нот. Во многих залах была плохая акустика, пианно не настроены, и Виктора, при его строгом профессиональном подходе к делу, это просто убивало. Он стоял перед полным залом, зная, что может сделать больше и лучше, чем у него получалось на самом деле. Часто он готов был провалиться сквозь пол. После каждого такого случая Виктор беседовал с Богом. Что это значило? Почему приходилось позорить себя и то дело, которому он служил?

Одна церковь просила Виктора петь на большом праздничном собрании, в зале местной школы. Виктор согласился и спросил, есть ли у них хороший пианист. Проповедник, смеясь, ответил, что это их самая маленькая проблема, - у них есть одна сестра, одаренная музыкантша, и она может играть что угодно. Виктор обрадовался. Он договорился о времени, когда пианистка могла бы встретиться с ним в церкви, чтобы поупражняться до собрания. Виктор пришел в церковь за час до начала. Женщина средних лет играла на пианно. Она встала и с улыбкой приветствовала певца.

Виктор достал из портфеля ноты. Пианистка просмотрела их, и лицо ее помрачнело; она поставила ноты и тут же начала играть, нервно ища нужные клавиши. Виктор пытался поправить ее темп, который был слишком медленный, но тщетно. Они с большим трудом окончили песню. Радоваться было нечему.

- Мне надо пойти домой поупражняться. Не беспокойся, милый брат, все будет хорошо, - успокаивала его сестра. Виктор почувствовал раздражение, но сохранил христианскую приветливость.

- А в вашей церкви нет пианиста, который был бы знаком с этими песнями?

Он старался говорить мягко, чтобы женщина не огорчилась. И ему это удалось. Ее лицо вдруг просветлело, и она воскликнула:

- Я знаю, Матти! Он очень хорошо играет на аккордеоне и это подойдет к твоим песням!

- А где этот Матти?

- Я позвоню ему. Он живет рядом.

Виктор попросил ее позвонить, и минут через десять Матти вошел в зал вместе со своим аккордеоном. Оставалось еще немного времени, чтобы поупражняться.

- Будет хорошо, братец! - сказал музыкант и открыл свой инструмент. Наверное, он заметил беспокойный взгляд гостя и хотел успокоить его. Виктор мысленно поблагодарил Бога за помогающих членов церкви, но не мог скрыть своего страха.

К сожалению, он оказался обоснованным. Гармонист тоже не был

знаком с нотами Виктора, однако не терял хорошего настроения.

- На собрании все будет хорошо, брат. Бог поможет!

Потом музыкант ушел, и Виктор остался ждать проповедника, с которым ему надо было идти на собрание.

Когда они пришли туда, зал был уже полон. Проповедник радостно благодарил Бога за всех этих грешников, которые пришли слушать Слово Божие. К его благодарности всем сердцем присоединился и Виктор, но в то же время он чувствовал досаду: если бы у него был хороший аккомпаниатор! Как много это значило бы для такого вечера, когда столько людей хотели слушать песни об Иисусе Христе.

Собрание должно было начаться в семь часов. Назначенное время приближалось. Публика утихла и ожидала начала. На сцене находились кафедра, микрофон и пианино. В углу стояла гитара. Виктор смотрел по сторонам, но не видел ни пианистки, ни аккордеониста. Проповедник тоже удивлялся этому, но надеялся, что они еще придут. Но они не пришли.

Пожилой мужчина аккомпанировал общему пению, но он тоже не знал песен, которые пел Виктор. Во время первой проповеди Виктор боролся с возрастающей досадой в сердце. Но возмущение нарастало: "Встану и скажу прямо, что, к сожалению, не могу петь, потому что здесь нет никого, кто играл бы на пианино. Я это сделаю!" - так мыслил Виктор. Но он этого не сделал. Он взял гитару, стоявшую в углу, и подошел к микрофону. Раньше гитара была тем инструментом, на котором он постоянно играл, но в последнее время это случалось довольно редко. Он знал, что аккомпанировать самому себе непрофессионально, это мешает сосредоточиться на пении, но другого выхода не было. Виктор спел две песни, и еще одну песню из общего песенника с аккомпаниментом пожилого человека. Слезы разочарования давили его, он готов был плакать от досады и стыда. Виктор ехал домой в темноте ночи так быстро, как мог. Он хотел исчезнуть из этой местности. Подальше от Голгофы, где распинались его гордость и самолюбие!

"Господи, почему Ты так наказываешь меня? - молился он в автомобиле. - Что же, я еще слишком гордый? Почему ты не хочешь дать мне пианиста?"

Больше он не мог надеяться на обещания церкви и брал с собой кого-нибудь из знакомых пианистов. Понемногу ответ на его молитвы пришел. Три года Матти Песонен был его пианистом, до того, как этот мастер-органист вернулся преподавать в Академию Сибелиуса в город Киопио.

Скоро после своего обращения Виктор Клименко начал работать по записи своей первой духовной пластинки. Он записал песню "Я слышал о городе Божием", аранжированную С. Й. Ярвиненом. За полтора года в Северных странах продали сто тысяч его пластинок с песней: "Иисус есть Господь". В награду за нее Виктор получил

шестую золотую пластинку. Известный проповедник Ниило Юли-Вайнио был одним из тех, благодаря которому эта пластинка появилась. Он пригласил Виктора на большое собрание в зал УКК в Хельсинки. Виктор запомнил этот день: 22 марта 1981 года. Он стоял на кафедре рядом с человеком, на которого ходил посмотреть, когда готовил роль Распутина. А теперь они оба имели одно и то же дело - призывать людей к Богу. Газета "Ууси Суоми" писала на следующий день так: "Сорок тысяч людей пришло вчера в зал УКК слушать нового свидетеля об Иисусе, Виктора Клименко. Скрипки тихо звучали во славу Иисуса, красные и белые тюльпаны украшали сцену, и зал был наполнен тихим шепотом: Иисус, Иисус, Иисус!"

Для Виктора этот вечер был глубоким переживанием. Ниило Юли-Вайнио был центральной фигурой в том пробуждении, когда многие финские артисты уверовали и начали исповедать Иисуса своим Господом. Удивительные случаи исцеления больных сосредоточили внимание прессы на личности этого простого проповедника-пятидесятника, который снимал свой пиджак на сцене, закатывал рукава рубашки, и испытывал, как сила Божия сходила на него.

Зал кипел жизнью в тот вечер. Виктор пел духовные песни с такой силой, с таким горячим чувством и вдохновением, что ни один слушатель не остался равнодушным; он также свидетельствовал о своей вере и рассказывал о том, как прошлая бесцельная жизнь стала жизнью настоящей и интересной, хотя в ней есть и проблемы и борьба.

- Я на пути в небо! А ты? У некоторых из нас не очень много времени... Раньше я боялся жизни, теперь боюсь Бога... я возложил мою надежду на Него!

Виктор прямо кричал в микрофон, его слова раздавались по всему залу. Он говорил, что раньше он вел людей вместе с собой в грех и грязь, а теперь он хочет вести их в Царство Божие. Это был победоносный вечер. Когда Юли-Вайнио призвал людей к молитве, сотни ищущих протиснулись вперед и стали перед сценой. Они радовались и плакали, молились и славили Бога. Виктор Клименко тоже радовался, что и он был вместе с этими людьми.

Совместный труд с Ниило Юли-Вайнио продолжался. Для Виктора это было очень важное время, когда он учился и созревал для той работы, которую должен будет получить от Господа. Простой и смелый стиль проповеди Ниило Юли-Вайнио очень привлекал Виктора, и он удивлялся, видя, какое сильное влияние имело его слово. Евангелие приводило людей ко спасению, больные, принявшие веру, исцелялись, и иногда под действием силы Божией падали на землю. Перед собраниями Ниило Юли-Вайнио часто бывал очень усталым, но когда он становился за кафедру для проповеди, он был как лев. Его волосы стояли почти вертикально на голове, пот катился по его лицу, и иногда он примешивал к серьезным словам шуточки, которым Виктор поражался. Но ни на минуту он не сомневался в том, что это человек

Божий, пророк, посланный Самим Господом!

Когда Ниило Юли-Вайнио призывал к пожертвованиям, он был очень смел и целил метко. Он не боялся раздражать людей, и не терпел тех, которые свои деньги держали для себя, а на дело Божие давали только остатки. Один раз он говорил о большом духовном предприятии, которое должно было много стоить.

- Но у вас же есть деньги. Теперь мы их и соберем. И, сделав артистический жест, приостановился, а потом продолжал: - А ты, который думаешь пожертвовать только монету, сделай так: зажми твою монету в кулак, зажми крепко! Позволь сборщику пожертвования пройти мимо тебя. Держи твою монету в кулаке как можно крепче. Держи ее до гроба!

Это была его привычка укорять жадность. Виктор чувствовал себя неловко, сидя рядом с ним на сцене, он смотрел на эти вещи несколько иначе, но он восхищался способностью проповедника захватить интерес людей и довести дело до конца.

Другой раз Ниило Юли-Вайнио проповедывал о Библейском сотворении мира. В конце собрания он, по своему обыкновению, звал вперед тех, которые хотели, чтобы за них помолились. Несмотря на тему его проповеди, он ожидал, что кто-нибудь спасется.

- Иисус умер, чтобы спасти людей - говорил он. - Ты, кто считаешь себя человеком, и хочешь спастись, добро пожаловать сюда вперед, и мы будем молиться за тебя. Но ты, который производишь от обезьяны, можешь идти прочь, спасение только для людей!

Если Виктор думал, что получив спасение, он освободится от светской информации и публика перестанет им интересоваться, то он ошибся. Пресса Финляндии с большим любопытством следила за жизнью казака. Газета "Суомен Кувалехти" писала: "Между бледными лютеранами и религиозной нуждой народа освободилось какое-то почетное место и на вершину "пробуждения" был поднят казак".

Журналистам трудно было вообразить, как этот знаменитый артист, который получал хорошую плату за каждый свой выход, мог сменить эстраду на церкви и молитвенные дома, зарабатывая намного меньше, чем раньше. Газетные статьи того времени писали, что прежде денежное хозяйство Виктора Клименко было любимой темой его рассуждений. А теперь в интервью, которое Виктор дал одной вечерней газете, он сказал: "Деньги - это относительное понятие. Жить и работать только для них не стоит. Жатвы много, а делателей мало. Вот мое призвание".

Еженедельная газета "Апу" писала так: "Он - средство Божие в этом времени пробуждения", не забывая, конечно, подчеркнуть его материальное положение после перемены сцены на кафедру: "Виктор видит себя постоянным евангелистом, потому что он разъезжает по всей стране, держа пробудительные собрания, хотя пока он не учит, а только свидетельствует и поет духовные песни. С танцами он уже

больше не выходит. Его заработки сошли на четверть того, как он был раньше, но Виктор Клименко думает, что у него вполне достаточно имущества. Его бухгалтер беспокоится за него, думая, что официальные лица, взывающие налоги, не поверят, что его доходы так сильно уменьшились".

Размышляя о своем пути и своем призвании, Виктор в это время полагал, что Господь поставит его проповедником, как Юли-Вайно. Но однажды на большом собрании он получил записку, где было пророчество: "Господь хочет тебе сказать, что проповедником ты не будешь. Он будет употреблять тебя в пробуждении Советского Союза, и Он Сам тебя для этого воспитывает. Силу ты получишь от Отца Небесного, но не забудь: когда ты немощен, Он силен. Сестра в Господе."

Это пророчество было для Виктора, как ведро холодной воды, вылитой за воротник. Он решил, что сестра ошиблась. Но он отложил это пророчество с мыслью, что Бог покажет, истинно оно или нет.

ГЛАВА 22

Уверовав, Виктор Клименко сделал сознательный выбор, и теперь послушание Богу и Его Слову стало основой его жизни. Он не понимал артистов, продолжавших работать на эстраде после уверования; для него это не совмещалось с личной святой жизнью и стремлением веры. Почти сразу он очень ответственно стал относиться к своему спасению и больше искал, как угодить Богу, чем испытать какие-то радостные переживания.

Вскоре после обращения он понял, что совместная жизнь без бракосочетания не соответствовала христианскому учению. С 1968 года он жил с Айрис, но официально не состоял с ней в браке. И хотя, став христианином, он старался более ответственно относиться к своей семье, понимал, что нарушает заповедь Божию. Он хотел зарегистрировать брак с той женщиной, которая фактически уже много лет была его женой, но Айрис сказала: "Нет!" Она не хотела регистрации и напомнила, что он обещал не говорить дома на религиозные темы. Виктор знал, что спорить и доказывать что-либо бесполезно. И он начал молиться об этой проблеме. Помощь пришла и оттуда, откуда Виктор меньше всего ожидал ее.

Когда Виктор уверовал, его дети сразу заявили, что они тоже хотят быть верующими. Виктор читал им Слово, молился с ними, они часто беседовали о Господе. Тодор особенно часто просил читать ему библейские повествования. Казалось, детские книжки его вовсе не интересовали. Некоторые его понятия были не по возрасту зрелыми.

В декабре 1980 года за завтраком он сказал как-то очень серьезно: - Мама, тебе и папе надо официально вступить в брак, это было

бы хорошо нам всем. Теперь, когда папа стал верующим, ему надо быть в браке, потому что в Библии написано... и он произнес маленькую проповедь. Виктор изумился, Айрис рассердилась. Когда дети ушли, она вспылила:

- Ты заходишь слишком далеко, нельзя использовать детей таким образом!

- Уверяю тебя, что...

- Как ты смеешь настраивать ребенка против матери?! - не слушая, возмущалась Айрис. - Этого я не ожидала от тебя!

- Я не говорил Тодору ни одного слова об этом. Уверяю тебя! Это его собственные мысли.

Конечно, он знал о желании отца вступить в брак, но было удивительно услышать из уст ребенка такую взрослую речь. Тодор возвращался к этой теме постоянно, он не давал матери покоя. Айрис не могла особенно бранить мальчика за то, что он хотел видеть своих родителей в браке, но она упорствовала и упрекала Виктора. А он тайно благодарил Бога за помощь.

Шли недели... Тодор постоянно заводил этот разговор, Виктор молчал, а Айрис раздражалась. Однажды утром мальчик сказал совсем как взрослый:

- Мама, ты знаешь, что мы любим тебя. Но если ты не вступишь с папой в брак, ты не сможешь больше жить с нами.

Виктор не смел поднять голову. В кухне стало совсем тихо. Айрис не ответила своему сыну. Потом она сказала Виктору.

- Это твоя вина. Ты научил его говорить так.

Виктор согласился, что такие мысли очень странны для мальчика, но он снова и снова убеждал Айрис, что вообще не беседовал с ним на эту тему.

- Этого он сам не мог придумать, - наставляла Айрис.

- Это возможно, - согласился Виктор, - но я не влагал этого в его голову. Милая моя, я говорю тебе правду! Ты знаешь, что я хочу жениться на тебе, и для этого я не стал бы употреблять таких низких средств и настраивать детей против тебя.

Айрис вздохнула. Ей трудно было поверить, но и не верить она не могла.

Через несколько дней Айрис пришла к Виктору в его рабочую комнату и села на диван.

- Я подумала об этом деле, - сказала она, и поправила прядь волос на лбу. - Если ты так сильно хочешь, чтобы мы зарегистрировались, то я согласна. Но я хочу оставить свое имя.

У Виктора сжалось сердце, но он не посмел открыто выразить свою радость, чтобы не выглядеть победителем. Он мысленно поблагодарил Бога. - Господь ведь знал, что Виктор хотел сделать то, что правильно пред Богом и быть настоящим верующим

- Хорошо. Когда мы это сделаем?

- Но я ни в коем случае не пойду к священнику. Мы пойдем к бургомистру.

- Согласен.

Они договорились обо всем и скоро им был назначен день в магистрате.

Дети и другие родственники ничего не знали об этом заранее. Знали только двое свидетелей. Бургомистр сидел за большим письменным столом. Когда они вошли в канцелярию, он встал и приветствовал их. Задал им несколько вопросов, а потом подписал бумагу. Все было кончено в несколько секунд.

Айрис взяла свидетельство и сказала:

- Я хотела оставить свою девичью фамилию.

- Об этом надо было сказать раньше. Теперь я уже подписал ваше брачное свидетельство.

- А нельзя ли это исправить?

- Конечно, можно, но надо оставить письменное заявление, и на это уйдет время. Извините, но я не мог подумать, что вы не хотели брать имени вашего мужа.

Так и случилось, что Айрис вышла из магистрата Хельсинки госпожой Клименко.

После простой церемонии бракосочетания, они пошли в маленький ресторан, где в отдельном кабинете устроили небольшое празднование для семьи. Иоуни Нейнонен играл на скрипке, и Виктор пел своей жене песни любви. Оказалось, что родственники и не подозревали о действительной причине празднования. Приглашая их, Виктор просто сказал, что приглашает их на семейный праздник. Обстановка была теплая, сердечная. Дети были счастливы. В такси, когда они ехали домой, Виктор спросил:

- Тодор, а знаешь, по какому случаю мы сегодня праздновали?

- Виктор сидел рядом со своей женой, обнимая ее одной рукой.

- Нет, я не знаю.

- Сегодня мы с мамой вступили в брак.

- Ну хорошо, тогда мне не надо больше об этом говорить, - по-деловому сказал мальчик.

Четвертого марта, через месяц после своего бракосочетания, Виктор Клименко стоял в бассейне для крещения в церкви пятидесятников в Турку. Молитвенный дом был полон. Юхо-Сайнно, его старый сотрудник из оркестра в Лохья, крестил его во имя Отца и Сына, и Святого Духа. После этого Виктор свидетельствовал о том, как важно следовать за Иисусом и всегда быть послушным Его воле.

- Старый Виктор Клименко умер. Теперь новый Виктор вместе со Христом восстал из мертвых, - сказал он.

Пробуждение в 1980-81 годах, в центре которого находился Ниילו Юли-Вайнио, когда многие артисты обратились к Господу, всколыхнуло все общество. Атеисты заволновались и начали проявлять активность. Объединение "Ууси Лаулу", председателем которого был Юкка Лииндфорс*, устроило летом 1981 года кощунственное представление под названием "Духовная вечеринка". Они арендовали дом "Ботта" и стали широко рекламировать предстоящее представление: "Приходите посмотреть, как вода побежит из скалы!" "Вы можете своими глазами увидеть, как будут воскресать мертвые!" Публике обещали библейские чудеса. Распространялись картинки, где был изображен Иисус со своими учениками во время Его последней трапезы, а вместо лиц учеников были вставлены фотографии уверовавших финских артистов. Фотография Виктора Клименко тоже была на картинке; они выпустили также рубашки, на которых было его лицо и слова: "Виктор любит тебя".

Казак решил действовать. Он позвонил организаторам этого дела и спросил их, что все это значит. По закону они не могли использовать его имени без его согласия. Ему объяснили, что это шутка и что перед этим ему звонили несколько раз, но не могли дозвониться, а теперь его приглашают на публичную дискуссию, цель которой обменяться мнениями о пробуждении. Если Виктор согласится участвовать в дискуссии, ему сказали, что он сможет петь и говорить к публике.

Виктор ответил: "Может быть". Он понял, что доказывать что-либо, обращаясь к закону, в данном случае, бесполезно и старался делать, что мог, чтобы мнение большинства людей было против этого кощунственного собрания. Некоторые круги верующих рекомендовали ему не обращать внимания на эту шумиху и вести себя так, будто ничего не происходит и не советовали идти в среду этих безбожников и хулителей.

Виктор не разделял такой позиции. Почему он не может сражаться за свою веру? И почему молчит Финская государственная лютеранская церковь? Виктор пытался дозвониться архиепископу Джоуи Викстрому, чтобы получить ответ на этот вопрос, но глава церкви куда-то уехал. Когда настал день "Духовной вечеринки", Виктор вместе со своим пианистом поехал в "Ботту". Перед входом была длинная очередь, - реклама сделала свое дело. Виктор должен был выступать, и поэтому он прошел мимо очереди. Его узнали, и он услышал шепот удивления и возмущенные возгласы: "Как он смеет?"

* По-русски название этого объединения звучит "Новая песня", а по существу оно похоже на бывший в России "Союз воинствующих безбожников" - Прим. ред.

В канцелярии, куда он зашел объявить о своем прибытии, его встретили нервозно, но вежливо, - конечно, его очень рады видеть, и он получит столько времени, сколько захочет. В каком месте сцены он хотел бы стоять? Нужна ли ему подставка к микрофону?

Ожидая своего выхода, Виктор смотрел на кошунственные приготовления. Было устроено три этажа. Верхний назывался адом, и там находились бесы. Средний этаж, где должно было происходить представление, назывался чистилищем. Первый этаж был назван небом и там находился бар. Продавщицы усердно предлагали входящим рубашки с изображением Виктора Клименко с крыльями ангела. Во многих местах показывали библейские чудеса: предлагали ходить по поверхности воды, из картин, изображающей гору, лилась вода, когда в нее ударяли палкой, показывались монашки в тайных пещерах, занимающиеся проституцией, продавались индульгенции, купив которые, можно было получить отпущение грехов. Все это громко и весело рекламировалось.

Виктор обрадовался, увидев, что из верующих не один он пришел в "Ботта". Юноши и девушки, которые проповедывали на улицах, тоже не побоялись принять вызов. Все сошлись в спокойный уголок, чтобы тихо молиться Богу. Они просили, чтобы Бог их благословил и дал победу над злом и кошуномством. Виктор чувствовал себя спокойно.

- Господь с нами, - сказал он молодым, - в Его имени - наша победа!

- Амнь! - дружно ответили все.

Актер Ханну Пелконен вел программу в большом зале, куда пришли тысячи людей. Подражая проповеднику пробуждения, он кричал, как будто в экстазе: "Каждый из вас, возьмите свою душу в руку и встаньте на ноги! Встаньте, стойте! Время пришло! Смотрите, великий волшебник идет!" Зал аплодировал и громко смеялся. Затем на сцену вышел "волшебник", который волшебством зажег семисвечник: одетая во все белое женщина на глазах у всех встала из гроба, принесенного на сцену, и поднялась на воздух. Чтобы никто не усомнился, что она действительно парила в воздухе, "волшебник" вращал вокруг женщины обруч, а потом она опустилась обратно в гроб.

После этого номера на сцену вышел Виктор Клименко. Когда он стал перед микрофоном, люди замерли в ожидании. Как он выйдет из положения?

- Теперь вы сами можете видеть, что у меня нет крыльев, как изображено на картинке, напечатанной на рубашках. Но вот то, что там написано "Я люблю вас", - это правда. Я не осуждаю вас за то, что вы участвуете в этом кошунственном представлении, но я глубоко сожалею о том, что сегодня происходит в "Ботта".

Казак думал спеть несколько песен, но пианино оказалось сломанным и петь не пришлось. Виктор рассказал о своей духовной жажде, об искании истины, и о том, как он нашел покой и цель жизни

через веру в Иисуса Христа.

- Я не наставляю, чтобы вы верили моим словам, это дело каждого из вас, лично, но знайте, что никто и ничто не может поколебать меня в моих убеждениях. Я спасен, и я вижу: то, что Бог сделал для меня, укоренилось во мне крепко.

В течение двадцати минут Виктор говорил людям о спасении в Иисусе. Его слушали внимательно. Его не разу не прервали. В зале было тихо. И когда он сошел со сцены, весь зал огласился бурными восторженными аплодисментами.

Никакой публичной дискуссии не было. Устроители этого собрания поняли, что после выступления Виктора дискуссия была бы не в их пользу. А Виктор сидел несколько часов в нижнем этаже и беседовал с людьми о философии, о Библии, о христианстве. Вернувшись домой он поздней ночью, очень усталый, но счастливый от того, что принял вызов и не отступил.

На следующий день, просматривая газету, он увидел, что пресса оценила его выступление, как победу в борьбе за веру. "Виктор Климменко захватил и обогатил праздник, который был устроен для поругания над ним", - так озаглавила корреспонденцию об этом событии газета "Илтасаномат". В статье говорилось: "Климменко был так убедителен, что публика, состоящая в большинстве из коммунистов и атеистов, оценила его смелость, и громкими аплодисментами и криками просила его вернуться на сцену".

Этот случай имел еще и последствия. Группа христиан послала иск министру суда. Общественный обвинитель Пертти Апялахти обвинял руководство объединения "Ууси Лаулу" в нарушении покоя верующих и в оскорблении их чувств. Он писал так: "Своими действиями они явно осмеивали вероисповедание финской евангельской лютеранской церкви и других религиозных объединений, основывающихся на Писании Ветхого и Нового Заветов, почитая их святыми".

В христианских кругах мнения разделились. Архиепископ финской церкви Джон Викстром сказал прессе, что земной суд не может решить, что такое надругательство, и что Бог не нуждается в защите мирского суда. Виктора Климменко пригласили быть свидетелем на суде. Его мнение не совпадало с мнением главы финской церкви.

- Это было самое ужасное богохульство, какое только можно себе представить, - объявил он перед судом.

Защита оправдывала руководство "Ууси Лаулу", утверждая, будто они хотели только пробудить интерес к этой теме. Суд решил, что они были не виноваты.

ГЛАВА 24

Виктор всем сердцем любил Финляндию и финский народ, с

которым была связана вся его жизнь. Но он никогда не забывал, что в жилах его течет казацкая кровь и что корнями он там, в России, в черноземных кубанских степях. После обращения спасение других стало делом его жизни, и больше всего он думал о своих земляках, живущих в атеистической стране.

Во время пребывания в библейской школе в Хяменлинна он узнал, что "ИБРА" - радио ведет миссионерскую работу, ее духовные передачи транслируются на многие страны мира, в том числе и на Советский Союз. И случилось так, что через некоторое время Виктора Ккоменко пригласили посетить Советский Союз с представителями "ИБРА" - радио. Они хотели проверить качество своих радиопередач и, если удастся, повидаться с верующими. Виктор знал русский язык, и его пение было бы хорошей помощью на собраниях. Эти соображения они высказали Виктору, и он с радостью согласился принять участие в поездке.

Представители "ИБРА" скоро заметили, что недавно спасенный певец-казак активно помогал успеху дела. Его знали в России, пластинки с русскими песнями в его исполнении продавали там на черном рынке. Знали его и верующие, и то, что он обратился к Богу, были для них великой радостью. Он делился с верующими своими переживаниями во Христе Иисусе. То, что здесь любили его пение, было приятно Виктору, но гораздо большей радостью для него было узнать о роли "ИБРА" - радио для верующих Советского Союза. На встречах верующие плакали и обнимали финских братьев, которые посылали им слово жизни через эфир. Многие вставали на собраниях и свидетельствовали, что передачи "ИБРА" - радио привели их ко спасению. После собрания в Риге, финская группа была приглашена в одну семью на ужин. Там находились две пожилые сестры, приехавшие более чем за тысячу километров только для того, чтобы повидаться с представителями "ИБРА" - радио. Одна из них рассказывала, что она жила в домике в центре большой деревни совершенно одна. Как-то вечером она нашла по своему приемнику радиоволну "ИБРА" и слушала их программу. Первый раз в жизни она услышала евангельскую проповедь. Когда передача кончилась, она выключила радио, скрестила руки, как советовал проповедник и приняла в свое сердце Иисуса Христа.

Так началась ее жизнь в вере. Она продолжала слушать и другие программы миссионерской радиопередачи и получила таким образом больше познания об евангельском учении. Но одна мысль беспокоила ее день и ночь. Была ли она одной единственной евангельской верующей на весь Советский Союз? Очень осторожно она начала спрашивать в деревне то одного, то другого и, наконец, к своему удивлению, нашла другую женщину, исповедовавшую веру в Иисуса, а потом нашла еще и целую семью, и еще одного верующего. В той деревне была "радио-церковь", и теперь не одна она слушала проповеди

Ярла Николаевича Пейсти, но и другие вместе с нею. Она радовалась, благодарила Бога и старалась жить христианской жизнью. Рассказывая, сестра часто вытирала слезы, смущаясь, что не могла их скрыть.

Виктор Клименко плакал открыто, не стесняясь своих слез. Он хотел обнять эту маленькую старушку, хотел обнять весь русский народ, так он любил его; хотел отдать самое лучшее, что имел, - возвестить им о милости Божией в Иисусе Христе, которая переменяла и его жизнь.

В тот момент Виктор понял, что работа на радио будет иметь важное место в его служении. Встречи с верующими Советского Союза научили его ценить и уважать их. Он видел, как трудно в этой атеистической стране приходится верующим, желающим следовать за Христом.

Через несколько лет Виктор участвовал еще в одной поездке верующих в Советский Союз. В Таллине путешественники участвовали в собрании, проходившем в одном частном доме. Народу было много - старые бабушки, одетые в черное, пожилые братья с мозолистыми руками, молодые девушки-сестры с открытыми, улыбающимися лицами, одетые по моде, и дети, которые с интересом смотрели на гостей. Собрание вел средних лет брат, одетый в темный поношенный костюм. Он радушно приветствовал гостей. После проповеди пели песню за песней и провели долгое время в молитве, прославляя Бога. Подошла очередь и Виктора Клименко; слово он говорил по-русски, а потом пел песню "Как Ты велик"!, аккомпанируя себе на гитаре. Эту шведскую песню знают и любят верующие Советского Союза. Затем все вместе пели гимн: "Я хочу прославить Господа!" Радостная песня только началась, как кто-то громко и настойчиво постучал в дверь. Гости решили, что это кто-то опоздавший, но местные братья думали иначе. Хозяйка открыла дверь. Трое мужчин в форме милиции шагнули через порог. Они поздоровались с хозяйкой и заявили, что пришли делать домовую досмотр. Они переписывали имена и адреса всех присутствующих. Тишина длилась недолго. Кто-то начал петь и к ним присоединились все остальные. Все происходящее казалось Виктору театральным представлением, но когда он понял, что к чему, то очень удивился тому, что собравшиеся не испытывали никакого страха, они громко пели песню за песней, не обращая внимания на милиционеров. Пожилой брат наклонился к Виктору и сказал:

- Это уже восьмой раз, как они записывают мое имя. Теперь, наверное, будет тюрьма! - И он улыбнулся, обнажая свои немногие зубы.

Хозяйка вежливо пригласила милиционеров на чашку кофе, но они отказались - служба!

Сначала милиционеры как будто не замечали присутствия в комнате Виктора Клименко, но вскоре стало ясно, что именно он их и интересует. Один из них подошел к Виктору, взял его за руку и

сказал:

- Пойдемте с нами, Клименко, нам надо поговорить. - И повел его к двери. Спорить не было смысла.

Они сошли вниз по лестнице и вышли на улицу. Виктора посадили в закрытую машину "вездеход", стоявшую перед домом. Ничего не сказав, милиционер оставил Виктора на заднем сидении машины и ушел. Виктор удивился, что его оставили одного, а потом решил предать все в руки Господа и начал молиться. Вдруг он услышал финскую речь; сначала он даже не обратил внимания, что радио в машине включено. Говорили по-фински о Советской береговой охране на Балтийском море. Может быть, это было не случайно? Что же милиция хотела сказать ему через эту радиопередачу? Виктор решил об этом не думать, перестал слушать радио и погрузился в молитву - все же на сердце было как-то тревожно и неприятно.

Минут через двадцать явились два милиционера. Они сели в машину, включили сирену, и на большой скорости помчались через город. Затормозили перед большим серым домом и предложили Виктору выйти из машины. Они ввели его в дом, оказавшийся управлением милиции, а сами снова куда-то уехали. Виктора посадили в какую-то невзрачную комнату, в которой стояли треснутый письменный стол, телефон и два стула. У двери стоял милиционер.

- Папиросу? - он протянул Виктору измятую пачку папирос. Виктор отрицательно покачал головой и продолжал молиться, прося помощи у Господа. Дежурный милиционер с любопытством рассматривал своего пленника.

Через некоторое время Виктор услышал взволнованные голоса. Тут пришли милиционеры и опять посадили его в машину. Выходя, он увидел многих, присутствовавших на собрании. Снова с надрывающейся сиреной и на большой скорости машина мчалась в другую часть Таллина. Финского гостя провели в комнату, где сидел молодой человек в штатском костюме. Он дружелюбно приветствовал Виктора и указал ему куда сесть.

"Наверное, это КГБ", - подумал Виктор. Ему трудно было ориентироваться в событиях, развивающихся в такой скоростью. Около часа назад он стоял перед верующими братьями и сестрами и пел им о величии Божием, а теперь представители власти швыряют его, как мячик. Виктор снова сказал себе, что он не будет тревожиться - Господь не оставит.

- Ты говоришь по-русски? - Виктор кивнул головой. - Но, если хотите, можете пригласить переводчика, у вас, наверное, важное дело, - сказал Виктор спокойно.

Человек поднял телефонную трубку и набрал номер.

- Миша! Ты нужен здесь. Подойди сейчас. - Миша что-то ему ответил, и он продолжал:- Да, да, это устроим, ты и не догадаешься, кто у меня сидит, - Виктор Клименко! Приходи и получишь автограф.

Он посмотрел на Виктора и засмеялся. Виктор тоже улыбнулся - по-прежнему, действительно, было комичное. В самом деле, ерунда какая-то: он здесь сидит, потому что милиция арестовала его во время собрания и увезла на допрос в КГБ, а теперь эти парни говорят, что хотели бы иметь его автограф. Виктор решил, что все же надо быть начеку и бодрствовать. Через несколько минут в комнату вошел коренастый мужчина лет тридцати с густыми бровями и длинными усами, державшийся весьма самоуверенно и с любопытством поглядывавший на Виктора.

Допрос начался. Виктора забросали важными и неважными вопросами, смешивая их, с целью утомить его, сбить с толку и не давая времени обдумать ответы. Они спрашивали, к какой организации он принадлежал, кто оплачивал его поездку в СССР, какую цель преследовала эта поездка. Они называли имена финских христианских руководителей и спрашивали, знает ли он их. Особенно выпрашивали о связях с верующими в Советском Союзе. Виктора коробила их фамильярность, то, что они называли его на "ты" и задавали вопросы, на которые он мог бы и не отвечать. Он отвечал уклончиво и старался не осложнять обстановку. Допрос шел то по-фински, то по-русски, и это требовало напряжения.

- Ты знаешь журнал "Стефанус"?

Виктор сказал, что знает этот журнал. В нем много писали о жизни христиан на востоке: журнал был острый и критический.

- Когда в следующий раз приедешь, возьми пачку этих журналов, - сказал молодой человек, который вел допрос. Арестованный изумленно спросил:

- А зачем?

- Мы хотели бы познакомиться с журналом лучше.

- Попросите своих агентов в Хельсинки купить вам; этот журнал продается свободно. - Слова об агентах в Финляндии они пропустили мимо ушей, но настаивали на своей просьбе. "За кого же они меня считают, подумал Виктор, - на таможне обязательно обнаружат эти журналы и что они мне припишут!" Виктор понимал, что ему хотели устроить ловушку, и не соглашался.

Допрос кончился и оба кэгебэшника попросили у Виктора автограф. Поезд уходил через полчаса, и Виктор начал нервничать, потому что вещи его находились в гостинице.

- Мы были вежливы с тобой, - говорили кэгебэшники, фамилии которых он так и не узнал. - Сначала мы думали сразу отправить тебя домой, но ты можешь продолжать свое путешествие, только не ходи на противозаконные собрания. Если хочешь ходить в церковь, для этого есть зарегистрированные церкви. В нашей стране существует свобода религии.

Виктор промолчал. Он мог бы поговорить с ними о свободе религии в Советском Союзе: эту свободу он уже испытал на себе. Но

решил, что говорить бесполезно.

- В следующий раз, когда захочешь ехать, не забудь купить журналы "Стефанус", - напомнил Миша.

- Я не буду покупать вам никаких журналов, - ответил Виктор и встал со стула. Миша усмешился.

- Посмотрим, ты будешь покупать нам те журналы, которые мы скажем.

В улыбке Миши было что-то ехидное, и Виктору это очень не нравилось. Он решил, что не будет продолжать разговора.

Времени заехать за вещами в гостиницу уже не оставалось. Милиция привезла Виктора на вокзал, где уже собралась вся группа. По их программе, хорошо известной властям, им предстояло ехать в Ригу. Виктору сказали, что его вещи будут посланы за ним на самолете. Это они выполнили. Группа продолжала свой путь под постоянным наблюдением. Кэгэбэшники, одетые в штатское, даже не старались скрыть своего присутствия: каждый раз, когда их группа выходила из гостиницы, за ними ехала машина или же следовало двое мужчин совершенно определенного вида. Финские братья уже не старались установить связи с гоимыми верующими Советского Союза, чтобы не причинить им дополнительных трудностей. Они искали зарегистрированные церкви и принимали участие в их богослужениях.

В одном месте, где Виктор пел по просьбе пастора и верующих, милиция и КГБ вторглись опять. Певца арестовали прямо во время собрания, и довольно грубо приказали ему следовать за ними. Пастор преградил дорогу двум мужчинам в серых пальто, которые вели Виктора к черному ходу на улицу. Пресвитер напомнил им, что его церковь официально зарегистрирована, и что они не сделали ничего противозаконного. Результат этого разговора можно было предвидеть заранее: они не стали рассуждать о законности их действий, а цинично заявили, что певцу надо пройти с ними на "маленькую прогулку".

Виктор восхищался пастором, осмелившимся сопротивляться властям, но он не хотел причинить никакой неприятности ни себе, ни принявшей их церкви.

- Я пойду с вами, - сказал он, - если вы обещаете привезти меня обратно в церковь после того, как закончите ваш разговор со мной, - сказал Виктор. Они обещали.

Его повезли к зданию горкома партии; принял его с виду доброжелательный мужчина, очень хорошо одетый. Он представился заместителем председателя Горсовета и сказал, что Виктор Клименко для него уважаемый и желанный гость. Он показал ему весь дом. Потом привел его в свой роскошный кабинет и стал хвалить казака-певца, родившегося в их удивительной стране.

- Вы талантливый и известный артист, зачем вы общаетесь к этим людьми? С какой целью? О чем это вы хлопочете?

Виктору была неприятна лесть этого человека, а на его вопросы

он не хотел отвечать. Он молчал некоторое время, а потом напомнил, что его обещали отвезти обратно в церковь. Тогда улыбка с лица сползла, голос стал резким и властным.

- Мы отвезем вас в гостиницу!

- Но меня обещали отвезти обратно в церковь!

Виктор возмутился.

- Зачем вы лжете! Как вы можете надеяться, чтобы вам доверяли люди, когда вы сами говорите неправду? Я не сделал ничего против законов этой страны, а вы увозите меня из зарегистрированной церкви, да еще к тому же обманываете!

Виктор замолчал. И зачем он вспылil! Он ведь сразу заметил, что разговаривать с этими людьми бесполезно. Его отвезли в гостиницу и проводили до двери его номера.

Он вошел в свою комнату, подождал несколько минут, потом спустился на лифте вниз с намерением найти такси и поехать в церковь. Может быть, богослужение еще не кончилось, а если и кончилось, он хотел еще раз повидать друзей и сказать им, что он в безопасности. Но дверь гостиницы была на замке. Виктор попросил разрешения выйти на улицу, но сторож не согласился открыть двери. Ему был дан приказ держать беспокойного туриста внутри гостиницы весь вечер. Никакие просьбы и требования не помогали. Некоторые верующие пришли к гостинице и тоже просили, чтобы Виктора выпустили. Но напрасно.

На следующий день Виктора позвали к заведующей гостиницы. Это была довольно плотная женщина с седыми волосами. Она сидела за столом и сердито бросала ему свои вопросы. Но Виктор отвечал ей тоже сердито встречными вопросами.

- Как вы обращаетесь с туристами! Кто дал вам право сажать их под замок в гостинице?

- У нас есть свои причины. Никто не может приезжать в нашу страну и вести себя как хочет!

- Так докажите мне, что я сделал что-либо противозаконное!

- Вы получите доказательства.

Заведующая гостиницей вела себя как представительница властей и спрашивала, что Виктор Клименко и его группа собираются делать. А Виктор требовал, чтобы туристам дали право свободно передвигаться в рамках закона. Разговор был иногда очень горячий; хотя Виктор понимал, что и на этот раз он будет бесполезный.

Группа продолжала путешествие под неусыпным наблюдением. В следующем городе Виктору и его друзьям открыто запретили посещать церкви. Едва они переступили порог гостиницы, в вестибюле их встретила главный администратор и заявила, что она ответственна за гостей, останавливающихся в ее гостинице. Виктор Клименко отказался обещать, что не будет посещать церкви.

- В Таллине нам сказали, что мы можем посещать

регистрированные церкви.... Виктор вынул из кармана маленькую книжечку основного закона Советского Союза. - Посмотрите, - сказал он и показал пальцем на статью, где было написано, что в стране гарантируется полная свобода религии, и что христиане могут свободно собираться в своих церквях. - Я христианин. Тут написано, что для христиан существует полная свобода в Советском Союзе. На каком основании вы мне запрещаете ходить в церкви и присутствовать на богослужениях?

Администратор гостиницы пропустила мимо ушей слова о соблюдении Конституции, а настаивала на своем.

Когда пришел вечер, некоторые из финских и шведских туристов пошли на прогулку. У них был адрес одной зарегистрированной церкви, и им удалось найти ее. Собрание только началось, когда они пришли туда. Конечно, милиция следовала за группой, но они уже начали привыкать к этому. Когда туристы вошли в церковь, следом за ними вошли и два незнакомых человека, вид которых ясно говорил о том, кто они были.

Церковь к радости приветствовала гостей; Виктор Клименко смело пел и свидетельствовал о своей вере во Христа Иисуса. Но гости были все время в напряженном состоянии, - не вторгнется ли милиция опять?

Собрание прошло благословенно, в обстановке сердечной теплоты и радости, и никто не нарушил их покоя. Когда путешественники вышли из церкви, несколько милиционеров ждали их на улице, и они начали продвигаться к Виктору, как бы стараясь оттеснить его от верующих. В одно мгновение толпа молодежи окружила Виктора и стала стеной между ним и милицией. Поющая толпа двигалась к ближайшей остановке трамвая, и у милиции не было возможности схватить гостя без скандала и применения силы. Милиция следовала по пятам за толпой верующих и, похоже было, они не знали, что делать. Многие молодые люди вошли в трамвай вместе с Виктором и его друзьями и проводили их до гостиницы. В тот вечер больше ничего не произошло. Путешественники легли спать спокойно.

Но на следующий день Виктора пригласили к главному администратору гостиницы. Она ждала его, сидя за столом, заваленным бумагами. За ее спиной стояли двое рослых мужчин в кожаных пальто. Если бы положение не было так серьезно, Виктор, наверное, рассмеялся бы, до чего нелепо все это выглядело. Лицо женщины было очень бледным, и, едва Виктор вошел, она обрушила на него поток слов. Весьма грубо она выкрикивала одно обвинение за другим и ругала своего гостя, не выбирая выражений, а мужчины в кожаных пальто иногда вставляли и свои реплики, далекие от вежливости.

- Разве я не запрещала вам идти в церковь?!

- Да, - ответил Виктор. - Но закон ведь не запрещает! Покажите мне закон, запрещающий посещать церкви, и я соглашусь с вами. - В

ответ он услышал злобное шипение. Потом посыпались те же старые вопросы: что Виктор делал в Союзе, какова цель его поездки, кто ее оплачивал и т.д.

- Вы приехали проповедывать христианам Советского Союза! - кричала женщина. - Вы выступаете подстрекательно и ведете в церкви политическую агитацию!

- Это неправда, - защищался Виктор.

Администраторша, с видом победителя, взяла со стола лист бумаги и замахала им перед глазами Виктора.

- Вот здесь написано, здесь есть доказательство. Один из верующих, который был на собрании, куда вы ходили, несмотря на запрет, сделал на вас донос.

Виктор смутился. Мог ли кто-нибудь из верующих донести на него властям?

- Ну... кто это?

- Не беспокойтесь, мы, конечно, не скажем вам его имени. Но здесь написано все, что вы делали, и это правда!

- И что же этот человек написал на меня?

- То, что вы, Виктор Клименко, вели себя возбуждительно и говорили политическую речь, которая грозила единству церкви.

- Это неправда. Я свидетельствовал о моей вере в Иисуса Христа, основателя церкви, и пел песни.

Этот допрос не привел, да и не мог привести, ни к каким результатам. Администраторша гостиницы уверяла, что Виктор вел себя провокационно, основываясь на письме, которого она не могла ему прочитать. Обвиняемый утверждал обратное. На этом дело и кончилось.

Виктор решил, что власти прервут их поездку по Союзу и отправят назад в Финляндию. Но ничего такого не случилось, и его группа продолжала поездку по запланированному маршруту. Виктор был уверен, что больше он не получит визу и не сможет приехать в Советский Союз.

Однако, когда через некоторое время он попросил визу, ему дали ее сразу и разрешили свободно разъезжать по Союзу. В Таллине, на таможне, его провели в маленькую комнатку, и он увидел переводчика Мишу и второго кзгэбэшника. Они подчеркнуто радостно приветствовали Виктора.

- Очень рады, что ты вернулся!

- Да. Только у меня нет для вас журналов.

Но про журналы они не вспомнили, а предложили побеседовать в более удобных условиях.

- В какой гостинице ты остановишься? - спросил тот, имени которого Виктор не знал.

- Это вы знаете так же хорошо, как и я.

Да, они знали, и договорились, что позвонят ему в гостиницу. Уже на следующее утро эти два его "опекуна" или два "доброжелателя"

позволили ему в гостиницу и предложили пообедать вместе. Виктор встретил их в вестибюле, и они пошли в ресторан.

- Мы будем заказывать, - сказали сотрудники КГБ, - выбирай, что хочешь! - Обед продлился часа три, беседа шла вроде бы непринужденно и беззаботно, но были и острые моменты. В сущности, это был допрос, и Виктор понял, что их интересует информация о финских и шведских проповедниках. Многих они называли по имени и хотели знать их роль в пробуждении, интересовались их отношениями друг с другом. Хотели, чтобы Виктор назвал имена видных проповедников, им еще неизвестных.

Виктор волновался, когда его спрашивали о служителях его отечества и отвечал уклончиво.

- А почему у вас гонение на верующих? - спросил Виктор.

- Если бы все верующие были как ты, у нас не было бы никаких проблем, - ответил Миша. - Ты честный, но среди верующих есть шпионы, цель которых - вредить нашей стране. И только о них мы хотим узнать. - Виктору была противна эта лесть, он знал, что человек, отдавший сердце Иисусу, не может быть шпионом, и сказал об этом, но знал также, что говорит впустую. Он внимательно следил, чтобы его не запутали и чтобы ему не сказать ничего лишнего.

- В последний раз, когда я был здесь, меня арестовали посреди собрания в регистрированной церкви и держали в гостинице под замком, несмотря на то, что вы считаете меня честным, - сказал Виктор.

- Ах, забудь об этом! - Тебе добро пожаловать в Советский Союз столько раз, сколько ты хочешь, - как-то подчеркнуто торжественно сказал друг Миши.

Во время обеда говорили о Библии. Друг Миши хорошо знал Слово и свободно цитировал его. Когда они прощались, Виктор спросил прямо:

- Скажите мне, что значит этот разговор, что мне делать, когда я вернусь домой. Закон Финляндии запрещает своим гражданам общаться с представителями службы безопасности другой страны.

Но они заверили, что это неофициальный разговор, и он никаким образом не мог интересовать финские власти.

ГЛАВА 25

Все началось той осенью, когда Виктор был в библейской школе Хямеилинна. Это случилось после собрания в Коувала, куда он поехал вместе со слушателями школы. Когда служение кончилось, одна пожилая сестра подошла к Виктору, дала ему сложенный листок бумаги и тут же отошла.

На листке карандашом было написано: "Исаия 41:10-17". Дома

он нашел и прочитал это место: "Не бойся, ибо Я - с тобою; не смущайся, ибо Я - Бог твой; Я укреплю тебя и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей".

Эти слова ободрили Виктора, и он продолжал читать дальше: "Вот, Я сделал тебя острым молотилом, новым, зубчатым; ты будешь молотить и растирать горы, и холмы сделаешь, как мякнут".

Что это значило? Виктор понимал, что вера его еще слаба, и он нуждается в подкреплении; но все же он оставил все прошлое и не думал о нем. Но мог ли он быть острым молотилом? Были ли у него силы растирать горы? А, может быть, Господь дает ему какое-то поручение? Виктор решил, что он будет молиться, чтобы точно уяснить, что хочет от него Господь.

Примерно месяц спустя, тоже после собрания, один брат направился прямо к Виктору и произнес пророческое слово: "Бог сказал, что мне надо дать тебе место из Библии: "Исаия 41:10-17" - и брат сразу отошел. Виктор был поражен. Он спросил у проповедника, кто был этот вестник.

- Он хороший верующий, на которого полагаются в церкви, - был ответ.

Немного позже Виктор получил письмо от одного миссионера, и в нем было отмечено то же самое место из Библии: "Исаия 41:10-17". Эти же слова были даны Виктору еще двумя верующими. Тогда он спросил у своего пастора, была ли у верующих привычка давать друг другу эти стихи из книги пророка Исаии? Получив отрицательный ответ, он понял, что Бог действительно хочет ему что-то сказать. Но что? Он не нашел на это ответа, но теперь уже твердо знал, что это все не случайно. В этой вести есть намерение Божие, и оно ему со временем откроется.

Однажды в воскресенье после собрания к Виктору, новому члену церкви, подошел брат и сказал:

- У меня к тебе слово от Бога. - У Виктора замерло сердце. Он очень хотел знать, какие планы были для него у Бога. - "Иеремия 1:4-10", это слово Боже к тебе.

Опять место из Библии. Виктор открыл книгу и начал читать: "И было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: не говори "Я еще молод", ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь, И простер Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, создавать и насаждать".

Виктор обрадовался и в то же время испугался. Сила святых слов

наполнила его, и он чувствовал, что любовь Божия говорила ему со страниц Библии. Он был избран, это было ясно, но для какого дела?

После того, как Виктор уверовал, видение его сына летом 1979 года стало часто приходить ему на память, но как-то по разному. В библейской школе Хаменщины были даже специальные занятия о толковании библейских пророчеств о последнем времени. В начале 80-х годов в прессе начали писать о военно-стратегическом положении Севера и о натянутых отношениях между великими мировыми державами. Действительно ли Господь говорил устами Тодора тем удивительным летним вечером в Лозанне? Не было ли это предостережением, которое надо знать верующим Северных стран? Виктор брал иногда записи, сделанные тогда в Швейцарии, читал их, думал и спрашивал у Бога, было ли это Его словом? Но он никому не говорил об этом, потому что сомневался, истинно ли это было откровение от Бога.

Летом 1982 года вся семья Клименко поехала в Швейцарию, в свой дом, который Виктор купил, когда у него еще были хорошие заработки. Он боялся говорить о волнующих его вопросах, чтобы дети не оказались между двух огней, и мир не был бы нарушен.

Однажды вечером, когда Айрис отлучилась из дома за покупками, Тодор подошел к отцу и спросил:

- Папа, почтай мне из Библии об Ионе.

Мальчик любил книгу пророка Ионы, и Виктор часто читал ему о человеке Божием, не пожелавшем идти возвестить определенное Господне грешным людям города Ниневии, и наказанном за непослушание. Виктор прочитал все от начала до конца, а потом мальчик убежал на улицу. Виктор остался один с Библией в руках и снова перечитал книгу пророка Ионы. Он задумался, смотрел в окно, как яркое солнце освещало синие вершины Альп. Из открытого окна доносилось пение птиц. Но Виктор не видел и не слышал ничего. Бог говорил ему через Свое слово.

Не зная, как это случилось, он лежал на полу и тихо плакал. "Ты - Иона, - говорил Бог, - Ты не хочешь нести Мою весть. Ты не смеешь, потому что она не радостная весть". Виктор долго лежал как парализованный.

Он никому не сказал об этом переживании. Семья вернулась в Хельсинки, и жизнь вошла в свою колею. Виктор разъезжал, бывал во многих церквях и общинах, пел и свидетельствовал о своей вере в Бога. Осторожно он стал кое-где рассказывать о видении своего сына, которое, возможно, было Божиим предупреждением людям Севера. Чаще всего люди реагировали резко отрицательно. Там, где Виктор говорил об этом на собраниях, настроенные у всех падало, атмосфера становилась холодной и отношение верующих настороженное. Виктор не мог понять этого. Ведь это же было Божие предупреждение Его избранным!

- Тебе надо понять членов нашей церкви, - объяснил ему пастор. - мы уже слышали много пророчеств, которые не сбывались в назначенное ими время. Они ввели людей в заблуждение, и поэтому мы относимся весьма осторожно к таким вестям.

Виктор старался понять это, - ведь подобными вестями Господь говорит, в сущности, только об одном - о покаянии, о стремлении к чистоте и святости. Бог силен и отменить суровое определение. И это часто зависит от человека. Но Виктор еще не чувствовал, что может возражать пастору по Слову, хотя не сомневался, что, как было в Ниневии, так может быть и теперь. Виктор просил у Бога прощения за малодушие и перестал упоминать о видении Тодора. Он старался воодушевить братьев и сестер своими песнями и свидетельством, но это весть давила его сердце.

Летом 1983 года Виктор получил еще одно место из Библии: Иезек. 21:6-7. Он открыл Библию и прочел: "Ты же, сын человеческий, стеная, сокрушая бедра твои, и в горести стеная пред глазами их. И когда скажут тебе: "Отчего ты стенаешь?" скажи: от слуха, что идет", и растает всякое сердце, и все руки опустятся, и всякий дух изнеможет, и все колена задрожат, как вода. Вот, это придет и сбудется, говорит Господь Бог".

Это пророческое место из Ветхого Завета Виктор принял почти с ужасом. Он стонал по поводу вести несчастья, которую должен был нести людям. Бог требовал этого, Виктор больше не сомневался. Он понял, что часто делал это неблагоразумно, пренебрегал советами служителей, раздражал своих слушателей, так что их сердца закрывались как на замок.

Он размышлял, молился, но не видел пути, как донести эту весть людям, чтобы они ее приняли. Вскоре он получил еще одно место из Писания: Аввакума 2:1-2. Виктор уже знал это место наизусть. Несколько раз он получал его от разных людей в разных обстоятельствах. Он снова и снова читал это место: "На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал, чтоб узнать, что скажет Он во мне, и что мне отвечать по жалобе моей? И отвечал мне Господь и сказал: запиши видение и начертай ясно на скрижалях, чтобы читающий легко мог прочесть".

Проходили часы, вечер сменялся ночью, настало утро, а Виктор все еще молился, спрашивая у Бога, что это значит для него.

ГЛАВА 26

"Запиши видение... ясно... на скрижалях". Это было слово Божие к Виктору, и он уразумел его. Он вспомнил свою работу в рекламе. Скрижалями называли большие доски, где написано ясно, так что люди могли прочесть, даже если они быстро проходили мимо. Мысль была понятна, но как сделать это практически? Такую весть не напишешь

в виде рекламы, и в то же время о ней должны узнать все народы Севера. Он снова начал рассказывать о видении Тодора в молитвенных домах и церквях по всех Финляндии и Швеции, объясняя, что оно было послано Господом, чтобы предупредить людей. Так прошел год.

Однажды он ехал в автобусе вместе со своим аккомпаннатором Сеппо Ярвиненом. Сеппо внимательно читал какую-то книжку и ничего не замечал вокруг.

- Сеппо, что это за книга, в которую ты так углубился? - спросил Виктор. Сеппо, заложив пальцем странный, закрыл книгу и показал заглавие: "В поездке по Советской Финляндии".

- Здесь описано, что было бы с Финляндией, если бы Советский Союз захватил ее и сделал своей провинцией. Очень интересная книга! - ответил Сеппо.

У Виктора замерло сердце. Весть, которую он должен нести, становится все более современной. В то время во всех газетах писал об угрозе Северу, потому что он находится на стыке интересов великих держав, и военная опорная база Советского Союза расположена на Кольском полуострове, а Норвегия все же является членом НАТО.

- Ты сможешь мне дать потом почтитать эту книгу? - спросил Виктор. - Сеппо кивнул головой и опять погрузился в чтение.

Получив книгу, Виктор прочел ее очень внимательно. В ней детально описывалась жизнь Финляндии после того, как она была завоевана Советским Союзом. Полная вымысла, книга казалось основанной на познании военной и политической обстановки. Имени автора не было ни на обложке, ни в конце книги.

Виктор знал Юсси Ниннинена, директора издательской фирмы, выпустившей эту книгу. Юсси работал также в прессе и много раз брал интервью у Виктора. Виктор позвонил Юсси и спросил имя автора.

- Зачем тебе это знать? - спросил Юсси сдержанно.

- Интереснось.

- Я думал, ты теперь интересуешься только спасением душ и далек от мирских дел. А что возбудило твой интерес к этой книге?

- Да вот, я ее читаю.

- Для чего тебе имя автора?

- Я читаю и между строчками. Несмотря на то, что автор все выдумал, похоже он знает, как все было бы. - Юсси помолчал, а потом сказал:

- Давай встретимся. Это разговор не для телефона. - И они назначили встречу в канцелярии Юсси Ниннинена.

Когда Виктор пришел, директор издательской фирмы закрыл дверь и выключил телефон. Он объяснил, что книга была написана творческой группой, но он не мог назвать имен.

- Сам понимаешь, тема деликатная, у каждого своя жизнь и свое положение в обществе. Огласка могла бы повредить им. - Виктору пришлось удовлетвориться этим ответом.

- Видишь ли, в книге содержится много пророческого, - осторожно начал Виктор. - Я даже могу сказать, что многим христианам было открыто о событиях, которые там описываются. Бог объявил через людей, что Советский Союз завоюет Север, если мы не покаемся.

Юсси Ниининен был далек от религии, но заинтересовался тем, что сказал ему Виктор и начал расспрашивать о библейских пророчествах, касающихся политических событий. Виктор рассказал ему все, что знал. Кроме того, он свидетельствовал старому другу о своем обращении. Немного подумав, Виктор рассказал также о видении Тодора в Лозанне.

Юсси Ниининен слушал с напряженным вниманием, иногда уточняя некоторые детали. Потом он задумчиво сказал:

- Не понимаю, почему я так взволнован твоим рассказом. Вера и всякие религиозные дела - не моя сфера. За много лет работы я стал очень циничным, это ты знаешь.

В конце беседы Юсси Ниининен предложил Виктору:

- А не напишешь ли ты книгу о видении твоего сына? Я готов издать ее.

- Нет, никогда! В твоём издательстве? Никогда в жизни! - резко ответил Виктор. Юсси засмеялся.

- Не бойся. Подумай о деле. Я позволю тебе как-нибудь.

Недели через две Юсси Ниининен позвонил Виктору.

- Что ты скажешь о моем предложении? - спросил он.

Нет, Виктор не хотел издавать книгу в издательстве Юсси Ниининена. Хотя он знал, что директор и фирма не одно и то же, но все же в издательстве Ниининена выходили книги весьма легкомысленного содержания.

- Если ты серьезно заинтересовался этим делом, я обещаю тебе подумать. Позвони мне позже, - предложил он.

Виктор все время вспоминал о словах Божьих пророку Аввакуму. Почему Юсси так настаивает? А если за этим предложением стоит Господь? Виктор опасался сделать что-нибудь неправильно, он молился об этом деле постоянно, а теперь решил взять пост, чтобы иметь в своем сердце точный ответ от Господа.

Вскоре Юсси снова позвонил Виктору и сказал, что нашел другое издательство и писателя, который согласился записать на ленту рассказ Виктора, а потом переложить его на бумагу. Виктор решил принять это предложение, но все еще молился и ответа от Бога пока не имел. Правда, новое предложение Юсси снимало его прежние опасения. Он согласился писать книгу с условием приостановить ее выпуск в любой момент. Виктор хотел иметь ясный ответ от Бога, и поэтому поставил условия, оттягивавшие время. Все же они назначили день, когда Виктор сообщит издателю свое окончательное решение.

Накануне, в воскресенье, он пошел на утреннее собрание в свою церковь. Проповедник говорил о последнем времени и касался мест

Откровения, возвещавших о днях великой скорби. Наверное, в этот день не было в собрании более внимательного и заинтересованного слушателя, чем Виктор Клименко. Он впитывал каждое слово, все более и более постигая, как велико, важно и верно библейское пророчество.

Его решение созрело на скамейке молитвенного дома. Он не раз слышал мнение, что видение его сына не имело никакого значения, а только пугало людей. Но оно было недлиней, если сравнить его с пророчествами самой Библии о будущем мира. Придя домой, Виктор позвонил в издательство, и через несколько часов печатные машины заработали.

В начале июля 1985 года, когда книжка "Я не могу больше молчать" вышла из печати, была устроена пресс-конференция. Виктор Клименко опять попал на первые страницы газет. Книга подействовала на финское общество, как взрыв бомбы. Восемнадцатого июля на первой странице вечерней газеты появилась статья под названием: "Виктор Клименко издал пророческую книгу: "Финляндия нападет на Норвегию". Газета "Хельсингин Саномат" в большой статье резко критиковала книжку, ее называли необоснованной и ложной.

Маленькая книжечка, легко помещавшаяся в кармане, вызвала смущение не только в обществе, но также среди христиан. В тот самый день, когда газеты на все лады обсуждали эту книжку, открылась большая ежегодная конференция пятидесятников в Хяменлине. Виктор обещал петь там на собраниях. Он заранее спросил некоторых устроителей, можно ли его книжку продавать на конференции. "Возьми ее с собой, и увидим", - был ответ. В его машине была тысяча экземпляров.

Когда Виктор приехал на конференцию, где собралось несколько тысяч руководящих братьев, чтобы молиться о важных делах, он везде слышал разговоры о его книге. Многие читали газеты, и имя Виктора Клименко было у всех на устах. Он снова спрашивал, можно ли ему продавать книжку, но получал уклончивые ответы, - никто не хотел брать на себя ответственность за продажу на конференции этого яблока раздора.

Пресса была на месте, чтобы дать отчет о самом большом событии Пятидесятнического движения. Известие о том, как была воспринята на конференции книга Виктора Клименко, было подарком для прессы. На следующий день в газетах можно было прочесть, что ему не дали выступить на большой конференции. "Викки в запрещении петь и проповедывать", - озаглавила эту новость на первой странице газета "Илта Лехти".

Это было правдой только отчасти. Виктор пел по запланированной программе, но когда он вернулся в Хельсинки, в багажнике его автомобиля находилась тысяча экземпляров непроданных книг. Виктор не ожидал такого приема, однако чувствовал облегчение,

потому что исполнил дело, которое Господь поручил ему.

Позднее он прочитал пророческую книгу шведского проповедника-пятидесятника Биргера Клаессона, озаглавленную: "Суд над Швецией". Многие в ней совпадали с тем, что писал Виктор в книге "Я не могу больше молчать". Книга Клаессона была издана в 1950 году, и тогда в Швеции было большое пробуждение. Виктор начал горячо молиться, чтобы это случилось опять. Он тоже хотел пробуждения.

Ответ от Господа, наконец, пришел, - точный и ясный. Виктор гостил в Лахти вместе с норвежским проповедником-пятидесятником Еммануелом Миносом. Во время одного собрания он получил записку - какая-то сестра хотела поговорить с ним о его книжке. В записке стояло имя и номер телефона.

Виктор уже привык к тому, что многие хотели поговорить с ним о содержании его книги, одни критикуя, а другие одобряя. Все же он связался с сестрой по телефону, и она рассказала ему о своем видении, в точности совпадавшим с видением Тодора и по времени и по существу. Откровение было такой силы, что она сразу проговорила его на ленту. Виктор попросил ее прислать кассету.

Содержание записи оказалось более удивительным, чем Виктор мог себе представить. 19 мая 1979 года эта сестра испытывала что-то подобное Тодору. Ее видение было более детальным, чем видение четырехлетнего мальчика, но содержание - идентичным. Через три недели, а именно 9 июня, она имела другое видение, до мелочей совпадавшее с видением Тодора.

Пожилая пророчица из Лахти говорила, что утром она внезапно услышала голос, произнесший: "Швейцария". Это слово повторилось. Она знала, что Швейцария - красивая страна где-то в центре Европы. Потом она услышала другое слово, ничего ей не говорившее: "Лозанна". Это тоже повторилось. Догадавшись, что это было какое-то место, она стала молиться за его жителей. Позже, в тот же самый день, она была "перенесена в духе в другую страну". Это была Франция. Она видела дом, круглый стол на веранде, за столом сидели люди и ели. Среди них были дети и большая собака. Люди начали изучать карту... Виктор остановил магнитофон. Он не мог придти в себя от изумления. Дальше по порядку были рассказаны все события того дня. И то, что было в пригороде Парижа, и как они выехали из дома. Ведь никто не мог ей этого рассказать!

Он опять включил магнитофон. Сестра продолжала подробно рассказывать об их поездке в автомобиле. Она даже чувствовала тяжелую, душную атмосферу, видела, как они приехали с Лозанну, как въехали в большой двор перед домом и рассказала весьма точно о внутренней отделке дома.

Потом она видела маленького мальчика, который сидел на кровати и говорил удивительные вещи, а его отец слушал.

- И Господь дал ему говорить, - сказала пророчица из Лахти.

Она рассказала также о том, как отец записывал слова мальчика. - А я стояла там, недалеко от кровати ребенка, и рядом стоял отец, наклоняясь к мальчику. Потом мальчик закрыл глаза и уснул. А отец снова все записал, - говорилось в конце кассеты.

Виктор принял этот привет из Лаhti, как Божье подтверждение о том, что видение мальчика было верио.

ГЛАВА 27

Казак Виктор Клименко готов был оставить карьеру певца сразу после обращения, и иметь доходы от какой-нибудь другой профессии.

Но в Царствии Божием нашлось место и для певца Виктора Клименко. Он отказался развлекать публику, но не остался без работы. Всюду хотели слушать казака, ставшего, в конце концов, действительно свободным, свободным выражать свою тоску по Богу, свободным жить жизнью правды и чистоты.

Его программа стала другой, частично изменились и слушатели. Но многие из тех, кто любил его, охотно слушали и такие песни как: "Я услышал, есть город великий" и "Как Ты велик!" Отказавшись петь мирские песни, Виктор не оставил профессиональных требований к исполнению. Скоро заметили, что уверовавший казак по-прежнему оставался первоклассным певцом. Теперь он привлекал "большую публику" своей христианской вестью.

Шведская газета "Афтонбладет" 23 мая 1982 года писала так: "После того, как Виктор Клименко много лет выступал на эстраде, он пришел домой, к Богу и к Иисусу. Теперь, уже 40-летний, он оставил эстраду и исповедует веру. Его первая пластинка с духовными песнями вышла в прошлом году... там поет верующий казак. Да, и как поет! Его голос владеет каждой, самой маленькой деталью в песне, и он легко переходит от низкого баса к высокому фальцету. В его исполнении видеи мастер".

И когда по шведскому телевидению показывали программу церкви пятидесятников в Юнчепинге, в которой выступал Виктор, редактор журнала "Экспрессен" Стиг Алкхег охарактеризовал эту программу восторженными словами: "Когда зазвучал его могучий голос и полилась наша старая песня "Как Ты велик!", и все присоединились к пению, он казался гораздо более счастливым, чем тот Виктор, который, одетый в шубу и лохматую шапку, заставлял женщин таять в шведских варьете. Этот вечер будут помнить долго!"

Виктор выступал в церквях Северных стран, продолжал выпускать пластинки и участвовал в телевизионных программах. Его радикальная весть, призывающая людей ко спасению и к новой жизни во Христе, достигала многих сердец. Его многолетний опыт и профессиональное мастерство в пении явились новым словом в христианском труде и успехе евангелизации.

Вскоре после обращения его спросили, хочет ли он участвовать в программах радио "ИБРА". Хотел ли он?!

Он помнил те ночи, когда его отец сидел у приемника, отыскивая на волнах "ИБРА" русские передачи, помнил русскую бабушку, принявшую Иисуса своим Спасителем через радиопередачу и рассказавшую, что в ее деревне была "радиоцерковь", помнил верующих, которых встречал в Советском Союзе, - как они были благодарны за ту Благую Весть, которая доносилась к ним на волнах "ИБРА".

Первая поездка с сотрудниками радио "ИБРА" оказалась для него довольно трудной. Очень многие приходили на собрания послушать обращенного казака, он старался достигнуть их сердец вестью об Иисусе, призывал покаяться и следовать за Иисусом. Но люди из "ИБРА" больше говорили о расходах на миссионерскую работу и просили больших денежных пожертвований. Когда в одной церкви аплодировали по поводу особенно большой суммы сбора, Виктор не спал всю ночь. Между сотрудниками фирмы "ИБРА" и Виктором возникли недоразумения. Одному из сотрудников Инвару Нилсону, понимавшему служение так же, как и Виктор, удалось выровнять положение. До своего обращения он был артистом варьете, он с Виктором часто часами беседовали по Слову, между ними возникло доверие. Хотя Виктор понимал, что главное, это путь за Господом и освящение в церкви, он увидел и те миллионы людей, которые еще не слышали Евангелия, но могли его услышать благодаря радио. И тут нужны были средства, а взять их было нигде. Виктор и сам видел, что без детального пояснения и убедительной просьбы люди не жертвовали.

Вопрос был непростой, и все же Виктор был уверен, что не надо говорить длинных речей для того, чтобы верующие жертвовали свои деньги на важные миссионерские предприятия. Собрания должны быть горячие, пробудительные, на них нужно проповедывать грешникам о любви Божией, призывать их к покаянию.

- Все зависит от пробуждения, - доказывал он. - Если люди дадут Богу возможность влиять на них, зажигать их сердца, тогда они будут радостно жертвовать на дело Божие. - Он хотел пробуждения! Он не вошел в Царствие Божие гибким дипломатом, а остался темпераментным казаком, которого не напрасно называли "диким". Таким он и ворвался в жизнь тихих верующих. Иногда он причинял им хлопоты, потому что не всегда был сдержан. Но он не сомневался в своей цели, и никто не сомневался в том, что он хотел пробуждения.

ГЛАВА 28

Сиег большого города коричневый, с песком, и скрипит под ногами. Люди, выходя из теплого тоинеля, кутались плотнее в свои

пальто, дрожа от холода, поднимали воротники и натягивали шапки на уши. Мороз был небольшой, чуть больше десяти градусов, но ветер сильный. К счастью, пешеходам недалеко было идти по влажному снегу. Вывеска Стокгольмской церкви "Филадельфия" видна была далеко. Туда и шло большинство людей в этот воскресный вечер.

Целую неделю во многих местах Стокгольма проводился фестиваль с различными программами в знак солидарности с Израилем. В последний день двери пятидесятилетней церкви были открыты для собрания "Дружбы" и объявлен денежный сбор для проекта Беер-Шева - строительства центра для пожилых инвалидов, приехавших в обетованную землю.

Люди шли и шли в "Филадельфию", а через площадь, по направлению к церкви, ехала полицейская машина. Да, еврейский народ был все еще гонимым и притесняемым повсюду в мире. Во многих странах временами проявлялись злоба и слепые выпады террористов, убивавших мужчин, женщин и детей только потому, что они были евреи. В культурной Швеции, так же как и в других странах, антисемитизм проявлялся довольно грубо. Кровавые дела фашистов во время второй мировой войны стали мертвой историей, исчезли из памяти живых.

Девятого февраля 1986 года на скамейках церкви "Филадельфия" сидели не только евреи и члены церкви пятидесятников, там находились и полицейские, посланные властями для охраны порядка. Они заняли стратегические места, чтобы следить за публикой и в то же время видеть, что происходит на сцене. Церковь была большая, на три тысячи мест. За двадцать минут до начала собрания она напоминала кипящий котел. Техники по передаче звука пристроивали микрофоны, занимали свои места музыканты, люди рассаживались, разговаривая между собой довольно громко. В воздухе царил атмосфера ожидания, слегка приправленная страхом. Присутствие полиции не гарантировало спокойствия в этот необычный вечер. Даже и во святых стенах Божьих, анти-израильские настроения и выпады могли иметь место. В памяти многих еще были факты международного террора, о чем писала пресса и показывало телевидение. Швеция еще не стала той страной, где отсутствовали злоба и наглое насилие. Существовали опасения, что встреча в церкви "Филадельфия" не обойдется без выпадов злобствующих кругов.

Вечер начался тем, что евреи и христиане приветствовали друг друга возгласом: "Шалом!" Напряженность понемногу сменялась праздничным настроением, атмосферой радости, теплоты и братства. На заднике сцены между бело-синим флагом Израиля и сине-желтым флагом Швеции было написано имя: "Иисус". Посол Израиля Моше Ерелль благодарил пятидесятников за поддержку народа страны, которую он представлял. Организатор фестиваля Макс Хютнер выразил благодарность за внимание к Израелю свободных христианских церквей.

Играл оркестр, пел хор. Потом в тишине был слышен только голос Равели Грандиской. - она прочла три главы из книги пророка Исаии:

"На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О вы, напоминающие о Господе! Не умолкайте, не умолкайте пред Ним, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалима славою на земле" (Ис. 62, 6).

Одетый в ярко-красную одежду Виктор Клименко сидел недалеко от сцены и внимательно слушал слова пророка Ветхого Завета. Да, это так, он поставлен на стену, ему нельзя молчать.

Однажды в прошлом, он играл бедного еврея в музыкальной пьесе "Скрипач на крыше". Но тогда его любовь к этому народу еще не зажглась. Она появилась у него после обращения.

- Будем искать общие корни, - сказал проповедник Иосиф Остбис с кафедры.

Певец кивнул головой. Вот именно так это и началось: он заметил общие корни. Христианином он принадлежал к этому великому народу обетований, перешедшему через Красное море, принявшему на Синае закон Божий, но веками нарушавшему его, за что он и был рассеян по всему миру. Однако и под угрозой истребления этот народ не потерял своего лица. Народ, избранный Богом. А избранное Божие - непреложно. Но не только это связывало Виктора с еврейским народом. Казак из долины реки Кубани всю жизнь сердцем стремился к своему народу, в свою землю. Эта оторванность от корней гнала его с места на место, мучила бессонными ночами, беспокоила его на веселых выходах в блестящих кабаре. Он исполнял русские песни, почти никогда не снимал казацкой одежды. Он знал, что никогда не вернется туда, но все же он нашел свой дом - благодаря Сыну плотника из Назарета.

- Я один из вас, - шепотом произнес Виктор, когда молодой раввин Арои Катц, сильно жестикулируя, говорил на плохом шведском языке о символическом значении дерева в еврейской традиции.

- Мы будем сажать деревья, пока придет Мессия, и потом будем вместе наслаждаться плодами, - сказал раввин.

- Наша радость не будет совершенна, пока те евреи, которые хотят выехать из Советского Союза, не выедут тоже. Будем молиться за них, - попросил он. Виктор молился вместе с другими. - Господи Боже, я один из них. Освободи!

Виктор вышел на сцену в своем красном костюме казака, его острый профиль освещался нежным светом, а по лицу текли слезы умиления, когда он пел из глубины сердца:

Тебя я жду, гряди, мой Боже,
Аллилуйя!
Тебе пою осанну, Боже,
Аллилуйя!

Осаниа! Певцу Сиона
Воспой осаниу на Елеоне
Аллилуйя! Израиль ждет Тебя
Спаситель,

Аллилуйя!
Ты Пасха наша, Избавитель
Аллилуйя!
Пой Иордан, Христу осаниу
Аллилуйя!
Он наш Мессия, Богом данный,
Аллилуйя!

Громкие аплодисменты наполнили всю церковь, они слились с музыкой, когда певец пламенным сердцем исповедывал свою веру в скорое пришествие Господа.

Скоро мне откроет небо
Там, где никогда я не был.

Всадник на коне.
Очи у Него, как пламя,
Блеск, как диадемы славы,
Чудный Царь царей!
И вокруг Него на конях белых
Вонисто небесное.
Вонисто святых, отважных,
смелых,

Дивное, чудесное.
То придет мой Бог,
Грядет во славе
Белый всадник,
Царь царей и Властелин Он,
Мира князь, Мой
Бог идет во славе,
Скачет белый всадник!

Иосиф Остби благодарил собравшихся. Полиция не понадобилась. Собрание продолжалось долго, но большинство не хотело уходить домой. Люди приветствовали друг друга или просто, сидя на своем месте, обменивались впечатлениями.

Когда Виктор сошел со сцены, его окружили, многие хотели с ним поговорить, поблагодарить его, некоторые, по старой привычке, просили автограф. И певец-казак писал, говорил, улыбался. С небольшим опозданием он поднялся на второй этаж, в комнату, где был накрыт стол. При входе к нему подошла элегантно одетая женщина.

- Наконец я могу видеть Виктора Клименко. Я полюбила твое пение с тех пор, как слышала и видела тебя по шведскому телевидению.

Перла Хермене была очень взволнована. Ее муж Артур, Но не

одна госпожа Хермене хотела поблагодарить Виктора Клименко за его участие в собрании и за его недавно вышедшую пластинку, где звучали еврейские мелодии и были песни о любви к Израилю.

Виктор тихо отвечал на задаваемые ему вопросы, но его мысли были еще на собрании. Он думал о пророческих словах Исаии. Да, корни еврейских традиций были и его корнями. Но как будет в будущем? Будет ли это общее? Имя Инсуса посреди двух флагов, что это значило для его друзей-евреев?

На пути к аэродрому Арлаиде Виктор беседовал с хозяином и хозяйкой, у которых жил в Стокгольме. Тихо играла музыка, и он иногда подпевал ей в такт. Ножиданию дорога резко свернула в темный хвойный лес, и посреди леса встало металлическое здание международного аэродрома Арлаиде.

Последний рейс шведского самолета в Хельсинки. Взлет в 22.50. Они приехали довольно поздно, зал отправления был почти пуст. Виктор и его друзья нашли нужное окошко для регистрации билетов.

На прощание Виктор Клименко раскинул руки и заключил в объятия хозяина и хозяйку, в гостеприимном доме которых он провел несколько дней.

- По правде, я устал... И хочется домой, к жене и мальчкам. Но знаю, что это ненадолго.

- Смотри, отдыхай побольше. Ты в этом нуждаешься.

- Да, но в следующее воскресенье я буду петь в Рейкьявике, а потом поеду...

Он подошел к самолету. Потом обернулся, поднял руку, посылая друзьям последний привет.

- Шалом! - гулко пронеслось в зале ожидания аэродрома.

Послесловие к русскому изданию.

Я безмерно рад, что эта книга выходит на русском языке. С тех пор, как она была написана и издана на финском, шведском, норвежском и французском языках, прошло несколько лет. Никаких особенных изменений в моей жизни не произошло. Проповедником я не стал. По-прежнему много езжу, свидетельствую об Иисусе и пою во славу имени Его. Жена моя продолжает работать стюардессой. У меня родился еще один сын, которому уже семь лет.

Бог ведет меня тем путем, каким Ему угодно, и я это вижу. Мне хочется немного рассказать о том, что Бог открыл мне об еврейском народе, потому что это тесно связано с моей жизнью и моим путем.

Когда мне впервые предложили петь еврейские песни, я отказался, потому что не могу исполнять песни, которые не трогают моего сердца.

Потом, года через два, Бог яснее стал говорить мне, что хорошо было бы сделать еврейскую кассету. Но мне не хотелось. А Бог сказал, что через эту кассету придет большое благословение и для меня, и для евреев. Понемногу Бог начал открывать во мне любовь к евреям, хотя многое было непонятно.

Я вырос в верующей семье, однако у мамы, когда она бывала недовольна мною, самым большим порицанием было слово "еврей". Она никогда не ругала меня многими словами, а говорила: "Ах ты, еврей". Я не понимал, что это значит.

Еще будучи неверующим, разъезжая по свету, я столкнулся с еврейскими бизнесменами. Почему в "Лидо" так легко было устроить поездку в любой конец света? Потому что и в Париже, и во многих других странах владельцами подобных заведений были евреи. Это была своего рода мафия. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось.

Но Бог зажег во мне любовь к евреям. Я не могу объяснить, как Он это сделал. Но Он это сделал. Я полюбил этот народ, когда встретил Иисуса. Сначала я полюбил Иисуса как Спасителя, а потом увидел Его как еврея. Когда я понял, что Господь хочет показать мне, что Он еврей, это было для меня шоком.

Сколько мой отец молился за свою родину! И для Небесного Отца не все равно, что Его единственный Сын Иисус Христос пришел во плоти на эту землю евреем. Не каким-то абстрактным человеком, а человеком, родившемся в определенном народе.

Потом Бог начал открывать мне, что пробуждение в России будет с участием евреев, уверовавших во Христа, и Он будет использовать меня в этом деле. Последняя работа для язычников - евангелизировать евреев и передать им эстафету. Это, конечно, говорится не об Израиле, а о других странах, где евреи обращаются ко Христу по одиночке. Обращение же евреев как народа произойдет в Израиле уже в самое последнее время, как это написано в Библии.

Об отношении казаков к евреям я не знал ничего большего, что

знал с детства, да и то особо не вдумывался. Я пел в Израиле еврейские песни на еврейском языке в казацком костюме. В ответ я встретил молчанье. Мне это было странно и непонятно. А когда я понял, то понял и то, что все это истинно от Бога.

Расскажу об этом подробнее. Прежде всего, почему я продолжаю выступать в казацкой одежде? Наверное потому, что это отражает мое отношение ко своим корням. Да, я финский профессиональный певец, но я русский и казак. Хотя, как я понимаю, казачества, как определенной группы населения /раньше это называлось сословием/, уже не существует, но остались еще потомки казаков и есть историческая память и память, как это сказать, - генетической принадлежности. И я не задумывался над тем, что моя казацкая одежда может быть кому-нибудь неприятна. Слишком много боли у меня самого с этим было связано.

Итак, одетый в казацкую одежду, я пел еврейские песни. Не мне оценивать, хорошо я пел или плохо, но то, что я пел с любовью, от всего сердца, - это, я думаю, можно было увидеть. Но когда я кончил петь меня встретило мертвое молчанье. Я был смущен. Тревожное недоумение сжало мое сердце. Я думал, молился, но ответа не имел.

Однажды после концерта в Копенгагене, где я тоже пел еврейские песни, ко мне подошел молодой человек и сказал, что в его разуме не укладывается, как казак может любить евреев. Но что я их истинно люблю - в этом он не усомнился.

В этом городе я остановился в одной знакомой еврейской семье. Меня уложили спать в комнате, где стояли полки с книгами. Не спалось. Я ходил по комнате, а потом взял с полки толстую книгу. Это оказались воспоминания Голды Меир, теперь уже покойной, которая была премьер-министром Израиля, а родилась она в России и жила в ней довольно долго. И вот я прочитал, что самым страшным воспоминанием ее детства было то, что в их местечко на лошадях ворвались казаки, они крушили все на своем пути и топтали детей копытами лошадей. Это был погром. Я закрыл книгу. Я понял. Если бы я знал, я бы не выступал - ни в казацкой одежде, ни в другой. Но для меня лично никогда не было проблемы казаки-евреи. Мне стало мучительно стыдно за то, что казаки участвовали в погромах. Удивительно то, что я полюбил евреев раньше, чем узнал все это.

Господи! Какое счастье, что я, казак, могу в Тебе любить евреев! В Твоей любви могут соединиться два крайних полюса - те, кто распяли Христа, и те, кто уничтожали евреев.

В ту ночь в Копенгагене я молился, и Господь напомнил мне девятую главу из книги пророка Даниила. Один человек может просить прощения у Бога за весь свой народ! Об этом я молюсь. И еще я понимаю, что Бог хочет очистить все отношения.

Виктор Клименко.

